

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЮРИЙ ПАШКОВСКИЙ,
АЛИНА ЛИС

ПТЕНЦЫ ВИНДЕРХЕЙМА

**Алина Лис
Юрий Пашковский
Птенцы Виндерхейма**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3944625
Птенцы Виндерхейма: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1258-7*

Аннотация

Двадцать лет назад война между островным государством Мидгарт и континентальной империей Ойкумена завершилась сокрушительным поражением Архипелага. Страны заключили шаткое перемирие. Теперь Мидгарт копит силы, чтобы взять реванш. Военная академия готовит пилотов «валькирий» – воздушных боевых машин. Лишь немногие пройдут жесткий отбор...

Альдис и Хельг – первогодки. Чтобы стать лучшими, им предстоит бороться со сверстниками, с хитростью наставников и собственными страхами. Но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Кто из сокурсников шпионит для ордена Небесного Ока? Что такое таинственный «берсерк»? Чего хочет добиться Братство Истины? И стоит ли распутывать накрывшую академию сеть загадок, если сам скрываешь от окружающих истинные намерения?

Содержание

Часть первая	4
Альдис Суртсдоттир	4
Хельг Гудиссон	13
Альдис Суртсдоттир	23
Хельг Гудиссон	26
Альдис Суртсдоттир	32
Хельг Гудиссон	35
Альдис Суртсдоттир	45
Intermedius	51
Из дневника Торвальда	53
Часть вторая	56
Хельг Гудиссон	56
Альдис Суртсдоттир	64
Хельг Гудиссон	65
Альдис Суртсдоттир	66
Хельг Гудиссон	72
Альдис Суртсдоттир	85
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Юрий Пашковский, Алина Лис

Птенцы Виндерхейма

Часть первая Прибытие

Альдис Суртсдоттир

Корабль причалил к гавани Йелленвик уже на закате. Это было устаревшее тихоходное судно, построенное почти полвека назад. Не оснащенный даже простеньким механизмом парусник полностью зависел от прихотей ветров и сноровки экипажа. Перед отплытием капитан принес положенные жертвы Ньёрду, и поначалу казалось, что бог прислушался к просьбам смертных. Но в последнюю неделю пакостный морской хозяин решил показать свой нрав. Море штормило все семь дней, яростный шквальный ветер гнал свинцовые волны на штурм пирсов, вновь и вновь окатывая камни клочьями серой пены.

Кораблю повезло: умудренный опытом капитан при первых признаках непогоды направил судно в ближайшую гавань. Экипаж и немногочисленные пассажиры пережидали шторм в сухости и тепле. Вот только дни летели, неумолимо приближался последний срок, и Альдис с тоской вглядывалась в окно, где свинцово-серое небо мешалось с морем.

Во всем была виновата опекунша. Крохотная пассажирская каюта на неспешном почтовом паруснике стоила всего парой солеров дешевле, чем билет второго класса на современном, быстром корабле, но госпожа Ауд терпеть не могла тратить лишние деньги.

Жизнь Альдис весь последний год была подобна туго стянутой пружине гарпунного ружья. Незримая рука все крутила и крутила ручку, преодолевая сопротивление металла. Страхи, надежды, чаяния, месяцы отчаянных тренировок через «не могу», долгие дни молчаливой покорности, обид и унижений непреклонно и неизменно вели к конечной цели.

И теперь из-за скупости тетки все это грозило пойти прахом. В душе рос протест, и только осознание бессмысленности любого возмущения и упреков удерживало девушку от бунта.

Лишь за два дня до окончания срока небо очистилось и выглянуло солнце. Капитан не стал терять времени, каждая минута промедления приближала выплату неустойки. Весь последний день пути Альдис провела на палубе, вглядываясь в даль.

Она видела не так много городов в своей жизни, и позолоченный закатным солнцем Йелленвик показался ей хоть и чужим, но прекрасным. Белые каменные постройки, серебристые нити канатных дорог, зеленые террасы, широкие мраморные ступени, уводящие от портовых кварталов вверх, в горы – к храмам и дворцам. И море вокруг было чистым. Ни огромных плантаций сине-зеленой лауфары, бурого торрака и других съедобных водорослей, ни огороженных под вскармливание рыбы территорий. Йелленвик – город инженеров и военных, здесь добывают металлы, и прежде всего золото, создают сложные и прекрасные механизмы, но прибрежные воды слишком глубоки для фермеров.

После Акульей бухты Йелленвик казался ожившей сказкой, сошедшим со страниц книг заколдованным городом.

Альдис первой соскочила с трапа на прогретый солнцем камень набережной. Все ее существо стремилось вперед, вверх, на поиски здания министерства, но пришлось ждать, пока эрла Ауд закончит скандалить с капитаном, вымогая компенсацию за задержку. Только

когда все пассажиры почтового парусника уже покинули судно и матросы начали разгрузку трюмов, эрла спустилась, торжественно сжимая в одной руке полученный от капитана солер, а в другой – потрепанный саквояж.

– Куда собралась, красавица? – ехидно поинтересовалась опекунша, когда племянница зашагала было вверх по кривой улочке, уходящей в гору.

– Я поищу министерство, если вы не против.

– Милочка, время – девятый час. Надо снять комнату подешевле и лечь спать.

– Но ведь последний день! – Девушка еле справилась с собой, чтобы не дать эмоциям прорваться сквозь вежливые слова. – А вдруг завтра мы заблудимся? Давайте я разузнаю дорогу.

– Не ной. Никуда без тебя не уедут. Завтра с утра сходим, я тебя терпеть еще год в Акулей бухте не собираюсь.

Альдис стиснула зубы. Сейчас ей казалось, что каждая минута промедления уменьшает ее шансы на поступление. Но надо было слушаться.

«Еще один день, – напомнила себе девушка. – Последний день, и у нее больше не будет надо мной власти».

Они сняли неподалеку от порта простенькую и бедно обставленную комнатку, в которой обычно останавливались небогатые купцы, а то и зажиточные фермеры. Перед сном Альдис долго ворочалась, глядя на темно-синюю полосу неба в зазоре ставней. Она пыталась представить себе, на что будет похож завтрашний экзамен. Наконец ей удалось задремать под шелест ночного моря.

Здание министерства обращало на себя внимание нарочитой неприметностью. Вход в него находился на задворках, со стороны тупика. Приземистое каменное строение с полукруглыми окошками-бойницами выделялось в окружении изысканно вычурных зданий, как аскет в толпе расфуфыренных кавалеров.

У входной двери дежурили два солдата в парадных черно-белых мундирах.

– Вы куда, госпожа? – поинтересовался один из них – высокий и тощий.

– Не видишь – веду ребенка на экзамен. – Тетка выразительно помахала направлением.

– Боюсь, вы опоздали. – В голосе солдата проскользнуло сочувствие. – «Солнечную сотню» набрали еще неделю назад. В этом году очень много желающих.

Альдис показалось, что мир вокруг покачнулся. В животе все скрутилось в тяжелый, промерзлый комок. Она впилась себе ногтями в руку, чтобы не закричать от чудовищной несправедливости происходящего.

И чтобы не вцепиться в горло эрле Ауд.

Тетка уже приоткрыла рот, чтобы начать скандалить, когда вмешался второй солдат – смуглый коренастый крепыш:

– погоди. Ты что, не слышал? Три дня назад объявлен дополнительный набор. Специальным распоряжением выделено еще десять мест.

Облегчение было таким сильным, что девушка разом обмякла и еле устояла на ногах.

– И чего они? – вяло удивился первый. – Ну, проходите тогда, госпожа. Направо по коридору, комната номер двенадцать.

Кабинет был погружен в сонное тепло. Солнце ложилось косыми лучами сквозь узкий оконный проем, и мелкие пылинки плясали в его ярком свете. Негромко капала вода в клепсидре. Чиновник за столом, как и часовой, был одет в черно-белую форменную куртку. Нашивки на рукаве говорили, что он пребывает в звании лейтенанта, а объемное брюшко и густо присыпанные словно солью баки намекали, что длится это пребывание уже не первый десяток лет. Лицо чиновника хранило выражение вселенской скуки, глаза лениво следили

за полетом большой черной мухи. Появление Альдис с опекуней вызвало у лейтенанта только короткий зевок.

– Чего так поздно-то? – ворчливо осведомился он. – Последний день, вечером отплытие. У нас и экзаменаторы, поди, разбежались.

– Как же я ее в начале сезона повезу? – возмутилась тетка. – Набьют они рыбы без меня, как же!

– Ну-ну, – лениво протянул лейтенант. – Ваше счастье, что Храм просил об увеличении квот и у нас недобор шесть человек. Иначе пришлось бы тебе, красавица, возвращаться обратно.

Альдис поморщилась. Мысль о том, что путешествие могло окончиться ничем и пришлось бы возвращаться в Акулю бухту, была невыносима.

– Ладно, давайте ваши бумаги.

Тетка с готовностью достала тубусы с бумагами.

– Имя?

– Альдис Суртсдоттир.

– Сурт? Дали же боги имечко! Возраст?

– Пятнадцать зим.

– Дочка ваша?

– Племянница, – хмыкнула тетка. – Моего беспутного братца отродье.

– А родители где?

– Умерли.

– Родня по матери?

Тетку передернуло:

– Не из благородных. Рыбаки.

– Ага. Байстриючка, значит? – уточнил лейтенант. Уточнил без презрения, равнодушно и деловито, но девушка все равно вспыхнула.

– Не совсем, – поправила тетка.

– Это как – не совсем?

– Женился мой братец. В Храме, все по правилам. Документы есть. Но в Геральдическую палату не сообщал.

– М-да... – Чиновник поглядел на девушку с сочувствием. – Трудно тебе будет доказать, что не байстриючка. – И, уже обращаясь к тетке: – Вы единственный опекун?

– Да. Вот документы.

Альдис терпеливо ждала, пока чиновник переносил содержание документов на официальные бланки и задавал нудные уточняющие вопросы. Рывки от отчаяния к надежде отнимали слишком много сил, незримая рука докручивала пружину на последние обороты. Девушка запретила себе надеяться на удачный исход событий до того, как ступит на берег Виндерхейма, чтобы страх неудачи не лишил ее остатков мужества.

Но лейтенант больше ни к чему не придирался, поставил печать, отдал документы и сообщил:

– Сначала медосмотр в третьей комнате. Потом на экзамен во вторую и на собеседование в шестую.

– Раздевайся, – велела белокурая женщина в форме военного медика.

Альдис покосилась на вторую женщину – невысокую, крепко сбитую, с раскосыми черными глазами. Чжанка или ниронка. Скорее все-таки ниронка – у чжанок лица более плоские. Женщина сидела, вольготно развалившись в кресле, и выходить или отворачиваться не собиралась.

– Чего смотришь? – хмыкнула она. – Привыкай, в армии ломакам не место.

Девушка кивнула и покорно стянула с себя тунику. Попыталась снять штаны. Пальцы скользили по завязкам. Сегодня она впервые надела похожие на юбку широченные штаны, подаренные Такаси на прощание, и с непривычки слишком туго затянула узлы. Альдис умоляюще взглянула на докторшу, дергая проклятые шнурки.

– Да не нервничай ты так, – вздохнула та. – Не съедим.

– Где хакама отхватила, белобрысая? – с беззлобной насмешкой поинтересовалась ниронка.

– Это подарок моего учителя. – Противный узел наконец-то поддался, и просторные брюки скользнули вниз.

– Не, ну ты глянь! Сразу видно здорового ребенка. – Ниронке хотелось поболтать.

Докторша только отмахнулась и достала металлическую трубку.

– Так... Дыши. Не дыши. Покашляй...

Альдис не дышала, кашляла, подставляла коленку, дотрагивалась пальцем до кончика носа, вставала на большие медные весы, напрягала необходимые мышцы.

– Отличные рефлексy, – резюмировала докторша.

– А я что говорю? – снова влезла ниронка. – Чего детей, как тюленей, на убой откармливать? Тебя драться учили, белобрысая?

– Да, немного. И еще кобудо.

– Ай, молодца!

Альдис почувствовала, как губы сами собой расплываются в улыбке. Ей нравились такие женщины – простые, чуть грубоватые, уверенные в себе. Похожие на мужчин. С ними не нужно играть в странные двусмысленные игры, от них понятно чего ждать. С ними она чувствовала себя как-то... спокойнее, что ли. И пусть поведение ниронки посчитали бы нахальным и недопустимым в приличном обществе, девушке оно было по душе.

– Потом проверю, как учили.

– А вы у нас что-то вести будете?

– Буду, если тесты не завалишь. Три шкуры сдеру.

– Кейко, не мешай. Быстрее закончим.

Нудные вопросы о здоровье. Нет, Альдис ничем не болеет. Самочувствие отличное. За последний год? Два раза простудилась. Да, зрение хорошее...

– Что?

– Ты девственница? – терпеливо повторила докторша.

– Ну да, разумеется, – все, что смогла выдать из себя оторопевшая девушка после паузы.

– Сейчас проверим, пошли за ширму.

– Может, не надо...

– Надо!

– Я не хочу...

– Слушай, это доставит мне не больше удовольствия, чем тебе. Но есть правила. Так что или иди за ширму, или сама разбирайся с нашими бюрократами.

От альтернативы в виде возвращения к сонному лейтенанту и разговора с ним на эту щекотливую тему Альдис почувствовала тошноту.

– Кто с мамашами, за тех родительницы все утрясают. Не повезло тебе, подруга, – прокомментировала ниронка.

– Я устала наблюдать эту сцену каждый день в кабинете, Кейко.

– Да ладно тебе, подмахни бумагу. По глазам вижу, что не врет белобрысая. Не врешь ведь?

– Не вру! – Альдис горячо закивала. Неужели отвратительной процедуры удастся избежать?

– Тебе же хуже, если врешь. Медосмотр каждый год, за такие дела гауптвахтой не отделаешься.

– Кейко, я не буду нарушать инструкцию. Если хочешь, сходи с ней и поскандаль.

– Вот еще!

– Тогда, – докторша снова перенесла внимание на Альдис, – иди за ширму. И привыкай – это обязательная процедура. Больно не будет.

Больно не было – было противно.

Экзамены показались ей пустяковыми. Усталый и равнодушный преподаватель задал несколько задач по математике. Альдис такие еще два года назад как орешки щелкала. Вопросы по географии и истории, на которые и десятилетние дети ответят. Она до последнего ожидала какого-то подвоха, боялась, что он специально усыпляет ее внимание, чтобы потом подловить, и поэтому страшно волновалась.

На собеседование девушка шла в приподнятом настроении: все преграды пройдены, оставалась чистая формальность. Она будет учиться в академии! Она стремилась к этому почти год. Восемь месяцев интенсивной, яростной подготовки, зубрежки, изматывающих упражнений. Отец сказал: «Ты сможешь. Ты же моя дочь».

Она сможет. Она прославит свой род, и тогда никто не посмеет назвать ее полукровкой.

Дверь в шестую комнату была приоткрыта. Альдис просунула голову в щель.

– Заходи, дитя, не стесняйся.

Внутри сидел храмовник, и поначалу Альдис даже обрадовалась. В самом Храме Солнца ей бывать не приходилось, в Акульей бухте рыбаки хранили верность старым богам. Но отца Джавара из ордена Блюстителей на острове любили и уважали – он был добрым человеком.

Только на середине комнаты девушка обратила внимание на небесно-голубые одежды храмовника и вышитый на мантии треугольник с глазом в центре. О нет! Орден Небесного Ока! До этого она видела такие символы только на картинках.

– Садись, милая, не бойся меня. – Храмовник уловил ее нерешительность и доброжелательно улыбнулся.

У него было мягкое, незапоминающееся лицо и очень светлые, почти белые брови. От висков к затылку через короткий ежик соломенных волос тянулись две чисто выбритые полоски загорелой кожи. Альдис уставилась на них, не в силах скрыть любопытство. Она плохо разбиралась в сановной атрибутике, но загар говорил о том, что *снуртинг* – посвящение в жреческий сан – храмовник прошел давно.

– Садись же. Можешь называть меня отец Гуннульв. Я хочу немного узнать о тебе, Альдис. Тебя ведь зовут Альдис? Посмотри на меня, дитя.

Она с трудом оторвалась от изучения прически храмовника, понимая, что ведет себя не совсем прилично, пристроилась на краешке стула и посмотрела ему в глаза.

Глаза были внимательные, изучающие. Глаза акулы, глаза вивисектора. Альдис с внутренним холодком осознала, что вот он – настоящий экзамен. Не учитель, не докторша и не чиновник, но только этот и именно этот человек будет решать, достойна ли она стать пилотом. Достойна ли повелевать летучим великаном-турсом – волшебным механизмом, даром Бога-Солнца.

– Расскажи про себя, Альдис, – сказал храмовник. Голос у него был удивительный – густой, звучный, вкрадчивый.

– Меня зовут Альдис Суртсдоттир. – Звук собственного голоса показался ей каким-то чужим и слишком детским. – Я из Акульей бухты.

– Это далеко?

– Полторы недели на кнорре. Или две с половиной под парусом. Если погода будет хорошая.

- Ты родилась там?
- Нет. Я родилась и жила с отцом в Фискобарне.
- Почему?
- Мой отец не ладил с эрлой Ауд – это его сестра, моя тетя.
- Почему?
- Дед завещал Акулью бухту тете. Из-за того, что отец женился на маме.
- Расскажи, чем вы там занимаетесь?
- Я ходила бить рыбу. По вечерам отец учил меня, потом нанял учителей.
- А твоя мама?
- Она умерла, когда я была маленькой.

Заданный храмовником ритм вопросов завораживал. Девушка поняла, что теряет концентрацию, и ущипнула себя.

- Ты любишь свою тетю?

Альдис помедлила. Будь перед ней обычный храмовник, она могла бы солгать. Дети должны почитать и любить своих опекунов – это угодно Богу-Солнцу.

Что-то внутри подсказало, что отцу Гуннульву врать не стоит.

- Нет, – призналась она. – Не люблю.
- Ты ненавидишь ее?
- Скорее она ненавидит меня. Я не знаю за что.
- А ты?
- Я просто хочу быть от нее как можно дальше.
- Значит, ты хочешь поступить в академию, чтобы сбежать от тетки?
- Нет! – Она осеклась, испугавшись своего яростного протеста.

Говорят, душеведы могут узнать о человеке все что угодно, просто поговорив с ним достаточно долго. Можно ли переиграть храмовника? Как глубоко готов он залезть в чужую душу и что нужно сделать, чтобы скрыть от него самое сокровенное, самое важное и болезненное?

– Чтобы сбежать от эрлы Ауд, не нужно поступать в академию, отец Гуннульв. У меня есть другие родственники. Я хочу быть пилотом. Очень хочу. Я год готовилась.

- Успокойся, дитя. Не надо нервничать, я тебя не обижу. Лучше скажи...

Голос у храмовника был ласковым, на тонких губах играла теплая, чуть рассеянная улыбка. Он весь излучал внимание и симпатию. С ней никто не был так ласков уже очень давно. Но все это было только ширмой, а глаза не лгали. Пытливый, ищущий взгляд после каждого вопроса – храмовник словно что-то пытался нащупать, проникнуть в душу Альдис, разобрать на части и посмотреть, как она устроена. Расслабляться было нельзя.

– ...потому что я обещала отцу, что поступлю в академию и стану пилотом. Такаси учил меня кобудо и кэмпо. Но у меня плохо получалось...

- А почему плохо?

– У нас было всего шесть месяцев, а Такаси любит повторять, что к мастерству идут всю жизнь...

Вопросы вежливые, вопросы нейтральные, вопросы-ловушки... Храмовник плетет сеть из вопросов, как паук паутину. О чем ты мечтала в детстве? С кем дружила? Что ты больше всего любишь? Чего боишься? Мягкий, вкрадчивый голос, пытливые голубые глаза. Храмовник что-то ищет в Альдис. Отворачиваться нельзя, нельзя закрываться, нельзя паниковать, ее защита – это наивность и спокойствие.

- Почему ты боишься меня, дитя?
- Потому, что моя судьба и жизнь в вашей власти. Я чувствую себя беспомощной.
- Тебе не нравится это чувство?
- Не нравится. Слишком часто мне приходится его испытывать.

Время остановило свой бег. Осталась только эта комната, остался улыбчивый мужчина и вопросы, вопросы, вопросы...

– Значит, ты хочешь выполнить последнюю волю своего отца?

– Да! И еще я хочу послужить своей стране!

Что-то очень личное прорвалось сквозь все препоны, которые воздвигла Альдис в своем сознании, и храмовник откинулся на спинку стула. Паук доволен, он поймал жирную муху в свои сети.

– Ты хорошая девочка, Альдис, и хорошая дочь. Из тебя получится славный солдат.

Девушка кивнула, чувствуя, как наивно-глуповатая улыбка прилипает к губам – не отдерешь. Что сумел увидеть храмовник-душевед? К чему были все эти вопросы? Не ляпнула ли она чего-то такого, за что потом придется расплачиваться?

– Можешь вернуться в двенадцатый кабинет. – Храмовник подписал зачетный лист. – Там оформишь бумаги. Увидимся на Виндерхейме. – Он успокаивающе улыбнулся, а Альдис снова кивнула, как чжанский болванчик.

Только когда за спиной захлопнулась дверь, она позволила себе выдохнуть и взглянуть в полученные бумаги. Куча врачебных пометок и замечаний, понятных только специалисту, пятерки по всем экзаменационным предметам. Напротив графы «собеседование» стояло одно слово «одобряю», написанное мелким, убористым почерком. Это слово означало, что Акуля бухта осталась позади. Позади серые скалы, поросшие низкими деревцами, неласковое северное солнце, острые плавники, режущие ровную гладь воды. Позади мелочные придирки эрлы Ауд, вонь рыбьих потрохов, занятия с Такаси. Впереди небо, свобода и великаны-турсы, послушные ее воле.

Только царапало слегка, на донышке души, воспоминание о записях, которые вел душевед-храмовник во время разговора. Но Альдис решила не думать на эту тему. Сегодня ее праздник, и ничто не сможет его испортить.

Экзамены заняли чуть больше трех часов, поплавок в клепсидре успел подняться только на три с половиной деления, но обстановка в кабинете разительно поменялась. Документы были сдвинуты в сторону, в центре стола красовался пузатый медный чайник, рядом на блюдечке лежало несколько рогаликов. Чиновник и тетка прихлебывали чай из больших металлических кружек с клеймом министерства на боку. Глаза опекунши блестели, вечно недовольная складка около губ разгладилась, и даже на желтоватых обветренных щеках откуда-то появился румянец. Альдис остановилась в дверях и перевела подозрительный взгляд с опекунши на лейтенанта. Тот выглядел слишком уж довольным для человека, которому пришлось провести больше двух часов в обществе тетки Ауд.

– ...тогда я ему говорю: «Дорогуша, акула и должна быть тухлой», – завершила свой рассказ тетка и тонко захихикала. Ее смеху вторил басовитый хохот чиновника.

– Я закончила, – намеренно громко сказала Альдис. Ей ужасно хотелось добавить какую-нибудь колкость, чтобы хоть немного отплатить тетке за месяцы подколов и издевок. Устоять перед соблазном теперь, когда ее жизнь больше не зависела от эрлы Ауд, было необычайно тяжело, но девушка сумела сдержаться.

– А! Вот и ты! – Показалось или тетка действительно смутилась? – Быстро как-то. Провалилась?

– Нет!

– Тогда давай бумаги. – Чиновник тоже выглядел слегка смущенным, как воришка, застигнутый на месте преступления. – Мы это... соседи почти. От моего родного фордора до Акулей бухты всего четыре часа плыть, – пояснил он, словно извиняясь за неуместное чаепитие.

– А что это вы тут делали? – Девушка постаралась, чтобы вопрос звучал невинно и по-детски.

– Глаза разуй. Чай пили, – фыркнула эрла Ауд. Она уже вполне взяла себя в руки, виноватой себя не чувствовала и даже несколько напоказ улыбнулась толстенькому лейтенанту, что решительно не понравилось Альдис.

– Я скоро домой поеду. Мне пятьдесят в следующем году. Заеду, соседей навещу, – продолжал вслух размышлять чиновник, делая пометки.

Эрла Ауд благосклонно кивнула, и Альдис снова еле сдержалась, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Чаепитие, перемигивания, теперь он еще и в гости собирается... Все-отец, ну почему тетка осталась ждать в кабинете? Почему лейтенанту вздумалось угощать ее чаем? Вернуться в Акулю бухту на каникулы через десять месяцев и обнаружить, что толстяк стал ее опекуном! Ну уж нет!

– Вот и все. – Лейтенант поставил на гербовой бумаге оттиск и протянул эрле Ауд. – «Морской змей» отбывает с третьего причала за час до заката. На борту быть не позднее чем за полчаса до отплытия.

Встревоженная Альдис наблюдала за излишне теплым прощанием тетки и чиновника. Эрла Ауд еще не так стара, ей едва исполнилось сорок. Пусть тетка даже в молодости не блистала красотой, но и лейтенант мало похож на сына конунга. Вряд ли он будет очень разборчивым.

– У него половины зубов нет. И волосы сальные, – высказалась она сразу после того, как захлопнулась дверь кабинета.

Нет, ну конечно, пытаться отвалить тетку подобным образом от лейтенанта – просто глупо. Ответным взглядом эрлы Ауд можно было заморозить всю воду в гавани Йелленвик до дна.

– Тебя не спрашивали, – отрезала опекунша. – Поговори мне еще. Давай, шевелись быстрее.

– Куда мы идем?

– На рынок.

«Ах да!» – вспомнила Альдис. Тетка, как всегда, собиралась уложить одним гарпуном сразу несколько рыбин. Пахучие южные специи, тонкие и легкие ткани для праздничной одежды, изысканные духи и прочие праздные мелочи стоили в Йелленвике много дешевле, чем в Акулей бухте или на прилегающих островах. Эрла Ауд не была бы собой, если бы не запаслась товарами. У нее было выкуплено несколько ячеек на грузовом кнорре, и можно не сомневаться, что все места для своего багажа она набьет под завязку.

– Ну, пошли уже. Чего встала?

– Я хотела бы посмотреть город. Вы же обещали, что мы его увидим.

– Не будь дурой! – Тетка начала кипятиться. – Пока ты возилась, полдня прошло, а завтра с утра кнорр уплывает. Сама видишь – поздно приплыли.

– Я не пойду!

– Пойдешь как миленькая. – Опекунша выразительно помахала в воздухе гербовой бумагой. – Или поплывешь обратно.

– Вы не посмеете.

– Еще как посмею. Это научит тебя хорошим манерам. – Тетка сделала вид, что собирается разорвать бумагу на две части. Альдис издала полузадушенный крик.

– Знаешь, мне даже очень хочется это сделать, чтобы проучить тебя – наглая, невоспитанная девчонка, – продолжала Ауд.

– Но так нельзя! Вы же обещали!

– Ты тоже кое-что обещала. Помнишь?

Альдис помнила. Послушание. Она клялась быть послушной и не доставлять проблем.

Отец на прощанье сказал: «Не высовывайся. Никогда не высовывайся, будь как все». Альдис плохо умела «быть как все», но старалась изо всех сил. И еще он сказал: «Будь вежлива и слушайся взрослых». Ох, знал бы он, как тяжело быть вежливой с эрлой Ауд...

Альдис научилась. Так было надо. Надо было быть тихой, послушной, и она стала такой. Надо было молчать в ответ на упреки, и она молчала. Надо было выполнять не всегда приятную, временами грязную работу, недостойную знатного человека, и она выполняла. Она знала слово «надо», она обещала.

Но изменить свою сущность Альдис была не в силах, и безмолвие стало для нее крепостью, а равнодушие – оружием, осудить и наказать за которое невозможно. Эрла Ауд хорошо умела читать эти немые знаки, и они только усиливали раздражение, которое испытывала женщина от присутствия юной девушки в своем окружении. Игра в злую мачеху и бедную сиротку началась почти с первого дня. Если бы Альдис покорилась, признала главенство тетки, ее силу и власть, жизнь девушки стала бы много легче. Но уступить было равносильно полному самоотречению.

Даже в сказках бедные сиротки побеждают потому, что злая мачеха не смогла уничтожить в них остатки самоуважения.

Эрла Ауд была изобретательна в этой войне и праздновала победу всякий раз, как ей удавалось вывести Альдис из себя. И да, она могла бы разорвать бумагу и навсегда закрыть для Альдис путь в академию просто из желания в очередной раз уесть «маленькую гордичку».

– Так нечестно, – с тоской сказала девушка. – Я ведь тоже человек.

– Ой, вот не надо мне тут вселенскую драму разводить! Город как город, насмотришься еще за пять лет. А мне нужна помощь.

Альдис прощалась с Йелленвиком, стоя на палубе «Морского змея». Город так и остался непознанной сказкой. Она вернется сюда почти через год, но тогда все будет по-другому. И Альдис станет совсем другой.

Граница. Прошедший год лежал как на ладони. Прощание с отцом, тренировки на грани возможностей, изматывающие душу и тело, знакомство с эрлой Ауд, серые скалы Акульей бухты, единственный друг – Такаси, и снова тренировки, тренировки, тренировки...

Незримая пружина в душе раскручивалась, выпрямлялась, ослабляя почти непереносимое давление. Не было сожалений. Все было не зря, и было так, как надо.

Кнорр отходил от причала на одних парусах, раскинув золотые весла-крылья. Он с разбега разрезал носом волны и был похож на гордую морскую птицу, готовящуюся взлететь. Вот «Морской змей» вышел из гавани, и рулевой развернул его почти навстречу ветру. Потом внизу, в трюме, что-то закричало, затряслось, опали белые покрывала парусов, золотые весла единым слаженным движением вошли в толщу воды, и корабль поплыл-полетел. Легко и плавно опускались и поднимались неустойчивые весла, ведомые сложным механизмом, а ветер полоскал косички Альдис и рвал крики чаек в клочья.

Хельг Гудиссон

Лис проснулся. Поморщился, недовольно оглядываясь. Что его разбудило? Йотунство! Он так хорошо спал, и ему ничего не снилось. Вернее, он так хорошо спал, потому что ему ничего не снилось. Отличное времяпровождение, между прочим. Уставший разум не тревожат таинственные образы, спешащие обратиться в многозначительные символы, да и реалистическое сновидение с его каруселью знакомых и незнакомых людей не мешает отдохнуть. Несомненно, лучший сон – никаких снов.

Изменившийся шум двигающих корабль механизмов подсказал, где искать причину. Хельг заснул под похожие на мурчание кота звуки движителя, но резкий треск подрубленного дерева, падающего на землю, мог разбудить кого угодно.

Иггдрасиль рухнул, не меньше.

Дерева, разумеется, не было. Был лишь движитель.

Хельг потянулся, зевая, и недовольно покосился на огромное устройство, состоящее из движущихся шестеренок, надувающихся и сдувающихся шлангов, катящихся по трубкам шариков и комбинирующихся друг с другом кристаллов. В самом центре агрегата располагалась стеклянная трубка, в которой билась, словно живая, пурпурная электрическая дуга. От трубки к стенам тянулись цепи, по которым то и дело проскакивали искры, похожие на больших краснокрылых бабочек с южных островов Архипелага. Однако стоит прикоснуться к скользящей по цепи бабочке, желая полюбоваться ею поближе – и острые клыки боли вопьются в тело от макушки до пят.

Хельгу хватало ума не проверять свое предположение.

В конце концов, свое прозвище он заслужил не просто так. Альгирдас хоть и та еще скотина, но он сразу заметил, когда младший брат изменился.

– Да ты, я посмотрю, стал хитер, как лис, – сказал он задумчиво, совсем по-другому глядя на Хельга.

Так и прилепилось. Даже мать и та Лисом назвала пару раз. А уж прислуга, такое ощущение, забыла, что его Хельгом зовут. Разумеется, слуги называли Лисом только за глаза. А так «молодой господин» да «молодой господин». Только Стейнмод смеялся и дразнил Лисенком, говоря, что до настоящего Лиса Хельгу еще расти и расти.

Движитель фыркнул, словно недовольная морская лошадь, и начал чихать. Корабль замедлял ход. Значит, «Морской змей» подходит к берегу.

К берегу Виндерхейма.

Так в свое время драккар Харальда Скаллаgrimссона подошел к бхатскому острову, навсегда разделив историю Архипелага на «до» и «после». До великого обретения турсов в подарок от Всеотца первым конунгом на далеких южных островах и после провозглашения Объединения.

Ну вот, начинается. Начинается новая игра, надевается новая маска, готовится новый образ. Сейчас необходимо избавиться от эмоций и подчинить все разуму. Анализ, классификация, синтез. Использование полученной информации на полную катушку. Он должен смотреть и думать, слушать и понимать, стараясь никак не проявлять своего отношения к происходящему. Вот только Ульд и Свальд...

Хельг поморщился. Пускай предстоящее ему не нравится, но оно неизбежно. Уже хорошо, что Свальд не сумел отыскать его раньше времени. Наверняка этому здоровому лбу даже и в голову не пришло искать Лиса в машинном отделении. А если даже и пришло, то он точно сразу попался на глаза спящим по отделению матросам. Хельг умел прятаться, отыскивая незаметные закоулки, а вот за остальными парнями и девчонками, плывущими

на корабле, такого умения он не заметил. Хотя Лис, конечно, видел не всех, но достаточно, чтобы создать впечатление о нынешнем наборе в академию.

Впечатление так себе. Чада мелкопоместных эрлов шумны и наивны. Дети Дольних Домов внимательны и задумчивы. Отпрыски Горних Домов горды и недалеки. Лис бы всех вымел с кнорра поганой метлой, будь на то его воля. Послушать только их разговоры! Хвалятся друг перед другом подвигами предков, корчат из себя чуть ли не самого Харальда Великого, направляющегося на юг. Боги неба, земли и моря, они просто не понимают, куда направляются. Они совершенно не представляют, что такое академия!

«А ты представляешь? – спросил Хельг себя. И ответил: – Надеюсь, что представляю...»

Военная академия имени Харальда Скаллаgrimссона, первого конунга Мидгарда и, согласно учению Храма, сына Бога-Солнца. Открыта двадцать лет назад, спустя два года после унижительного поражения в войне с Ойкуменой. Принимает только отпрысков Домов и эрлов – последних лишь благодаря особым привилегиям, полученным еще от Харальда Великого. Готовит первоклассных пилотов «валькирий», в первую очередь «Молнии», «Молота» и «Бури». Есть еще училища, выпускники которых допускаются к управлению грузовой «Колесницей» и простенькой «Пирамидой», но именно первые три «валькирии» являются основой военно-небесных сил Мидгарда.

Двадцать два года назад именно профессиональных пилотов не хватило Архипелагу для победы над Континентом. Храм Солнца незадолго до вторжения в Ойкумену нашел Солнечные Диски – машины древних людей, живших в гармонии с богами, мощные летательные аппараты, на основе которых жрецы создали первые прототипы «валькирий», быстро запущенных в производство Гильдией инженеров. Как тогда говорили: дар Всеотца, подарок Бога-Солнца Мидгарду. Дар, за который следовало отплатить победой над варварами, живущими за Северным Обрывом, преодолеть которых с помощью «валькирий» оказалось довольно легко. Морские суда не могли пройти по кишасим опасностями полуночным владениям Ньёрда, которые до сих пор несли на себе печать Катаклизма, но при сопровождении летательных машин это оказалось проще простого. Сначала были уничтожены наиболее крупные близлежащие гнезда чудовищ Северного Обрыва. Далее последовал десант на побережье Континента и победный ход армии конунгата. Полгода побед – а затем паническое бегство, когда битва на Кесалийской дуге завершилась полным разгромом воздушного флота Мидгарда, посланного в поддержку застрявшей в сражениях с противником наземной армии.

Тогда в пилоты брали любого военного. Только Солнечные Диски доверили мэйджорам Горнего Дома. Месяц подготовки – и новоявленных водителей «валькирий» посылали на фронт. В Мидгарде царила эйфория, вызванная легкими победами над Ойкуменой, и мало кто предполагал, что богоизбранный конунгат проиграет в войне.

Однако проиграл. Проиграл, потеряв девять десятых турсов в битве на Кесалийских полях. Проиграл, в панике бежав с Континента. Проиграл, подписав мирный договор и соглашение о сотрудничестве с Ойкуменой, предварительно выплатив немалую репарацию.

Непрофессионализм водителей «валькирий» объявили основной причиной поражения в сражении при Кесалийской дуге, когда плохо обученные пилоты не сумели скоординировать свое наступление с действиями наземной армии. В этой битве Мидгард потерял все пять Солнечных Дисков, и семьи водителей, сгинувших вместе с машинами древних, лишились дворянства, военных званий и земель, превратившись в бесправных трэллов. А спустя полтора года открылась военная академия, цель создания которой конунгат пафосно обозначил как «подготовку истинных воинов небес».

Около сотни юношей и девушек в возрасте пятнадцати лет каждый год поступали в академию. Спустя пять лет только двадцать из них получали чин лейтенанта и право

водить «валькирию». Споткнувшись о количество, конунгат решил брать качеством. С другой стороны, Мидгард обязался соблюдать обоюдный договор об ограничении военных сил. Лишить конунгат права защищать своих граждан от порождений моря Мрака и Северного Обрыва Ойкумена не решилась, но цифра в двадцать пилотов вполне устраивала основное государство Континента. По сравнению с армадами, которые были уничтожены над Кесалийскими полями, это была сущая мелочь.

Хельг улыбнулся. Официальные версии и окутавшие войну с Ойкуменой не менее официальные легенды он знал чуть ли не дословно. Не зря же проводил время в библиотеке отца, где можно было найти такие документы, что историографы Мидгарда схватились бы за сердце, узнай, как Хельг беспечно разбрасывал их по полу, отыскивая нужную ему книжку.

Да, война с Ойкуменой, а еще больше поражение изменили Мидгард. Архипелаг словно погрузился в спячку, не торопясь просыпаться. Военная карьера, ранее считавшаяся в Мидгарде самой престижной, вдруг начала уступать позиции дипломатической и – кто бы мог подумать?! – купеческой. Большинство майноров Домов шли на службу в армию, лишь малая часть стриглась в послушники Храма или занималась наукой, но контакт с Континентом открыл новые перспективы. Карьера искусных дипломатов, романтика шпионских приключений, захватывающие дух авантюры на Континенте – это стало привлекать майноров больше, чем служба в армии или постижение духовных истин. Что уж говорить об эрлах и бондах, повально принявшихся возить мидгардские товары в Ойкумену и обратно.

Храму Солнца все это очень не нравилось, некоторые иерархи в определенных кругах даже высказывались в том ключе, что такой поворот событий не входит в планы Всеотца, но открыто выступать против политики нынешнего конунга, решившего мирно ужиться с северо-западным соседом, никто не смел. Тишком, по углам, оглядываясь за спину – так могли. В открытую побаивались. Потомок Бога-Солнца все-таки.

В конце концов, потеря Солнечных Дисков – вот это уж точно не по нраву Всеотцу. А ведь о необходимости послать дар Всеотца в самую гущу битвы больше всего вопили храмовники, неистово уверовавшие чуть ли не в бессмертие каждого солдата Мидгарда. Вопили, вопили, ну и довопились. А пострадали в итоге семьи, по сути-то и не имевшие никакого отношения к Дискам. Отбор пилотов к машинам древних проводили сами храмовники. И сами же потом этих пилотов посмертно и осудили.

«Неисповедимы пути Всеотца, но не слуг его», – с ухмылкой подумал Хельг, окончательно проснувшись. Парень выполнил несколько физических упражнений, изгоняя остатки сна и разминая мускулы. Виндерхейм ждет. Сбор информации, напомнил Хельг себе. Следить и сопоставлять. Вот чем он сейчас должен заниматься. Проявлять себя как можно меньше... хотя скоро придется себя проявить чуть ли не с салютом и фанфарами. Хельг улыбнулся. Ульд, Свальд, я готов. А вы – нет.

Он осторожно обогнул движитель, направляясь к двери, ведущей в коридор, и прислушался. Тишина. Хельг выскользнул в коридор, стараясь держаться в тени. Никого не было. Отлично. Стараясь оставаться незаметным, Лис поспешил к выходу на палубу.

С высоты птичьего полета академия наверняка впечатляла. Об этом Хельг подумал еще до того, как «Морской змей» пристал к причалу. Когда Лис спускался по трапу корабля, то только убедился в своей правоте.

Виндерхейм, один из четырех островов, на которых расположилась военная академия имени Харальда Скаллаgrimссона, встретил «Морского змея» грохотом бродивших по порту турсов.

Боевые машины типа «Дварф» использовались как грузчики. Железные гиганты, скрежеща и лязгая сложными механизмами, переносили с массивного длинного кнорра в двухэтажный склад огромные ящики. Хельг, видевший «Дварфов» полностью снаряженными,

пусть и для военных парадов, смотрел на «эйнхерии» не так, как остальные. Парни и девчонки глазели на турсы с восторгом и трепетом. Даже отпрыски Горних Домов. Фамильными «валькириями» обладают только наиболее отличившиеся перед конунгатом знатные семьи, большинство сыновей и дочерей аристократов могли быть знакомы только с наземными «эйнхериями», а эрлы так вообще впервые видели боевые машины Мидгарда. Конечно, во время плавания можно было услышать, как некоторые хвастаются, что уже водили турсы, но сейчас даже они заворожено следили за неторопливым ходом «Дварфов».

Прямо со склада тянулась канатная дорога в сторону единственной на Виндерхейме горы. С виду неприступная, гордо царапающая голубой бархат небес верхушкой гора была осыпана постройками, а струи дыма, текущие с аэродромов, окутывали ее сизым плащом.

Туда-сюда спешили люди. Некоторые отдавали на ходу приказы, другие бросались приказы выполнять. Несколько старшекурсников стояли неподалеку от работающих «Дварфов», переговариваясь и смеясь. Прибывших новобранцев они старательно игнорировали, однако у Лиса четко возникло ощущение, что старшие неотрывно следят за новым набором.

И вот как раз курсанты заинтересовали Хельга куда больше, чем турсы. Старше новичков всего лишь на три-четыре года, но впечатление от них, как от взрослых. И дело даже не в том, что они рослее и крепче – при взгляде на старшекурсников возникало чувство *зрелости*. Они выглядели уверенными в себе, в каждом их движении скользила сила, упругая вязкая сила, зримая не потому, что старшие хотели ею покичиться, а потому, что она просто есть. Можно было не сомневаться: они твердо знают, чего хотят и что получают от жизни.

Неплохо, неплохо. Хельг улыбнулся. Один этот вид стоил того, чтобы поступить в академию. «Впрочем, – подумал Лис, – в мире все имеет свою цену. Даже такой вид. Интересно, чем пришлось им расплатиться? А еще интереснее: чем придется расплатиться мне?»

Трое жрецов Храма Солнца, в официальных желтых сутанах ордена Святого Знания, появились со стороны разгружаемого кнорра. Несколько старшекурсников подошли к ним, испросили благословения. Жрецы осенили их кругом с крестом внутри – символом Бога-Солнца. Завязался оживленный разговор, старшекурсники принялись о чем-то спорить с храмовниками, размахивая руками, а те благосклонно выслушивали и доброжелательно отвечали, не обращая внимания на разницу в возрасте и статусе.

Оглушительный свист заставил Хельга и весь остальной набор задрать головы. Ткань небес, исполняя сложное построение, прорезали «валькирии» типа «Молния». Их вытянутые хищные формы, стремительный полет и замысловатая небесная пляска, их близость в конце концов заставили Хельга осознать, что он уже не дома. Что он уже вне своего рода и своего титула. Такое количество турсов можно встретить только в гарнизонах на границах Мидгарда с морем Мрака и Северным Обрывом. Но тут, в академии, они используются даже как рабочие машины, и это, понял Лис, вполне вписывается в здешние порядки.

Человекоподобные «эйнхерии» и птицеподобные «валькирии». Могучие боевые машины, сила и мощь которых создали Мидгард. Элитные войска Объединенного Архипелага, заставлявшие в ужасе дрожать врагов конунгата. А здесь, в академии, обычные машины. И с сегодняшнего дня Лис и еще около сотни парней и девчонок будут учиться управлять этими машинами. Чтобы стать элитой, которая продолжит гордо нести знамя Мидгарда. Чтобы стать частью повседневности, где «эйнхерии» и «валькирии» находятся просто рядом – протяни руку и уткнешься в горячую броню.

Хельг расплылся в улыбке от переполнивших его чувств. Ему здесь нравилось! Ему здесь очень нравилось!

От сильного удара в челюсть Лис чуть не упал. Он успел заметить, как Свальд появился справа, но не успел отреагировать. Впрочем, *сначала* Хельг и не должен был реагировать.

Лис улыбнулся. Потер занывшую от удара скулу, сплюнул под ноги и успел отметить, что слюна перемешалась с кровью из разбитых губ. А потом его снова ударили. Но в этот раз Хельг успел ударить в ответ.

Драка была нечестной. Крепкий Свальд Вермундссон, на голову выше Хельга, и худощивый Ульд Сварссон, одного с Лисом роста, напали на него одновременно. Ульд старался подобраться сзади, ударить в спину. Свальд, атакующий так, чтобы и успеть ударить, и сразу уйти от контратаки, несомненно, пребывал в ярости, иначе бы не позволил Сварссону вмешаться в драку. Ведь когда Свальд терял голову от ярости, то почти ничего не замечал вокруг, точно легендарный берсерк. К такому выводу Хельг пришел к концу первого дня на «Морском змее», когда увидел, как Вермундссон чуть не набросился на матроса, рассказывавшего товарищам анекдот о Доме Огня. Не окажись рядом сержант Хрульг, неизвестно, чем все могло закончиться. А так старина Вальди положил руку на плечо Свальда и утащил подальше. Успокаивать. Как – неизвестно, но на следующий день Вермундссон разгуливал по палубе тише воды ниже травы. Спокойный и умиротворенный.

Ульда Лис выбрал из-за комплексов этого нескладного парня. Можно было только удивляться, как он вообще с таким набором неуверенности, разочарований и обидчивости прошел экзамены.

А бил Вермундссон от души! Силушкой Бог-Солнце не обидел майнора Дома Огня. Таких крепышей, как Свальд, обычно готовят водить «Ярость» – «эйнхерий» с прыжковыми механизмами, где требуется недюжинная физическая сила, чтобы сбалансировать прыжок турса. Такие, как Свальд, редко управляют «валькириями», их место – на земле, в гуще боя, а не в небе, где мчится Дикая Охота и странствуют боги...

Левый глаз уже начал заплывать, ныла разбитая губа, живот будто взорвался, но Хельг еще мог стоять. Это хорошо. Это по плану. Правда, оказалось больше, чем Лис ожидал. Но ничего. Бывало и хуже, знаете ли. Он привык терпеть и не такое.

Остальные новобранцы не вмешивались. Вокруг избиваемого образовался полукруг, границы которого очертили не собиравшиеся вмешиваться парни и отворачивающиеся, но то и дело с интересом поглядывающие девчонки. Три дня вместе на «Морском змее», но все равно они чужие друг другу.

«Валькириями» будут управлять только лучшие. Мусор – отсеется.

Никто не хочет оказаться мусором.

Хельга удивили только старшекурсники. С того места, где они стояли, драку можно было увидеть хорошо. Но они резко потеряли интерес к новичкам и вообще, кажется, принялись во что-то играть...

Бац!

На миг в глазах Хельга потемнело. И на мгновение он подумал о том, какой же он дурак, ведь в академии он должен завести друзей, учиться, играть, веселиться, а не вот так вот глупо получать в морду в первый же свой день здесь...

Бац!

Следующий удар привел Хельга в себя, в глазах прояснилось. Ощерившийся Ульд заносил кулак для нового удара, а во взгляде Свальда трезвый рассудок и удивление начинали теснить ярость.

Это военная академия имени Харальда Скаллаgrimссона. Здесь выбирают лучших из лучших, не обращая внимания на то, кто ты есть. Здесь всем плевать, кем ты был раньше. Здесь всем плевать, к какому Дому ты принадлежал до поступления и принадлежал ли вообще. Стейнмод, помнится, сказал, что даже последний крестьянский сын, попади он чудом в академию и прояви недюжинный талант к управлению «валькириями», будет почитаться больше, чем член семьи конунга.

Что ж, если здесь надо стать лучшим, Хельг станет лучшим. Он соберет лучшую команду бойцов, несмотря ни на что! И Мидгард содрогнется, когда узнает, на что он, Хельг Гудиссон, способен!

Лис стиснул зубы. И рухнул на колени, сжался. Свальд возвышался над ним, точно турк над пехотинцем. Ульд засмеялся отрывисто, будто выплевывая смех из себя. Ему, наверное, нравилось видеть поверженного и униженного Хельга. Наверняка Сварссон воображает, как будет рассказывать другим о *своей* победе. Его, так самозабвенно радующегося, можно было даже пожалеть. Не часто, видимо, ему доводилось побеждать. Но Хельг никого не собирался жалеть.

Перед тем как упасть на колени, Лис успел заметить, что сквозь толпу новобранцев пробирается наставник, судя по голубому мундиру и знакам различия.

Времени оставалось мало.

Хельг быстро вытянул руки вперед, обхватил лодыжки не ожидавшего этого Свальда. Резко дернул на себя и вверх. Свальд упал красиво, точно подбитый «Разрушитель». Хельгу даже показалось, что дрогнула земля.

Показалось. Свальд ему все-таки крепко врезал. Вот и чудится всякое...

Лис вскочил, пошатнулся. Ульд еще давился радостью, когда локоть Хельга точно заехал ему в висок.

И когда наставник подошел к дерущимся, из трех парней на ногах стоял только Хельг. Пошатываясь, плохо видя заплывшим левым глазом, но стоял. Ульд и Свальд валялись возле его ног.

– В чем дело? – Наставнику было за тридцать. Белые, точно снег на вершинах гор, волосы выдавали в нем выходца с северной окраины западных островов, где встречаются Вастхайм и Садхебейл. В голубых глазах клубилось недовольство. – Я спрашиваю, курсант, – в чем дело? Из-за чего произошла драка?

О, Хельг мог рассказать, из-за чего. Мог. Но не стал.

Люди всегда делятся на компании. Это Лис понял давно. Общие интересы, общие привычки, общие цели, общий страх, общая ненависть. Все это заставляет людей объединяться. И взрослых, и подростков. А в компаниях всегда есть лидеры.

На «Морском змее» Хельг тщательно следил за формированием союзов, не примыкая ни к одному из них. Парни и девчонки искали одинаковые увлечения, тянулись к похожим характерам и отталкивали несхожие. Слабые собирались вокруг сильных, сознательно или бессознательно надеясь на защиту. Некоторые девчонки вклинились в компашки, чьи «лидеры» не только выглядели сильными, но и могли покрасоваться смазливym личиком.

Присутствовали еще и изгои, которых не приняла ни одна группа. Кучка парней и девчонок. Кто-то излишне самоуверен, кто-то не хочет ни с кем быть, а на кого-то просто никогда не обращают внимания. Лис запоминал всех. Точнее, старался запомнить: некоторые прятались или следили за набором точно так же, как и он. Это наводило на неприятные размышления, но Хельг был уверен, что в итоге в его сети попадутся и они.

Всегда надо быть уверенным в себе. Так говорил Стейнмод. Лис не сразу понял, что это значит – никогда не сомневаться в том, что делаешь. Быть уверенным, думал он сначала, это значит быть спокойным. Но спокойствие и уверенность – не одно и то же.

Вот, например, Ульд. Ходячая радость душеведа. С виду спокоен и доброжелателен, но готов вспыхнуть в любой момент, точно старый ссохшийся солнцегриб. Постоянно нервничает и обижается на любую шутку в свой адрес. Сварссон примкнул к компании, образовавшейся вокруг Свальда, на третий день плавания, почти перед самым прибытием в академию – как и рассчитывал Хельг. Лис подшучивал над Ульдом уже в конце первого дня, когда тот крутился вокруг красавца Арджа Гаутамы, потомственного и чистокровного бхата из риг-ярлов Дома Серебряного Лучника. Непреклонный авторитет Арджа собрал вокруг

него почти всех выходцев с южных островов, а тонкие черты лица, пышные ресницы и грациозные движения – пяток девчонок-свандок. И Лис не преминул этим воспользоваться.

– Ты прямо шестая девчонка здесь, – как бы в шутку говорит проходящий мимо Хельг, но Ульд бледнеет.

– Не знал, что тебя тянет на бхатов! – смеется Хельг, дружески похлопывая Ульда по плечу, но Сварссон чуть не плачет.

– Слушай, может, тебе в платье переодеться?! Уверен, тебе пойдет! А то еще и понравится. – Хельг подмигивает Арджу, и бхат ухмыляется в ответ. Шутка понравилась южанину. И остальные бхаты тут же начинают шутить над Ульдом, поспешившим уйти подальше. Сгорающий от стыда и обиды юноша больше не показывался рядом с Арджем, чего Лис и добивался.

Ульд – полукровка, и примесь крови юга давала знать о себе легким бронзовым отливом кожи. Хельг не позволил ему примкнуть к компании Арджа, и Ульду не оставалось ничего иного, как присоединиться к группе Свальда, такого же метиса, но из более древней семьи. Дом Огня, Дом воинов запада, бравших в жены южанок. Их дети были первыми, кто вел «эйнхерии» на захват южных островов, а позже – и на захват островов свандов.

А дальше Лис начал откровенно оскорблять и скрежетавшего зубами Ульда, опасавшегося в одиночку кидаться на обидчика, и Свальда, который Хельга просто игнорировал. Еще бы! Пускай Хельг чистокровный западник, но для Свальда он всего лишь потомок тех, кого его предок во времена Объединения размазал тонким слоем по всему родовому острову. Так что до поры до времени Вермундссон не обращал внимания на Лиса.

До сегодняшнего утра. До того часа, когда Хельг с тщательно выверенным презрением на лице не высказался в кругу тех, кто должен был обязательно донести до Свальда его слова о непохожести Вермундссона на остальных членов его семьи. И об удивительном сходстве Свальда с конюхом, а не с нынешним главой рода. Впрочем, добавил Хельг с ехидной ухмылкой, если посмотреть на фамильные портреты, то ничего необычного в судьбе Свальда не увидишь. Слуги, видимо, не раз помогали его роду.

Этого Вермундссон не стерпел. Кровь запада вскипела от оскорбления рода, а кровь юга – от оскорбления матери. На это Лис и рассчитывал. Он не раз слышал разговоры старших братьев, обсуждавших подобные оскорбления и следовавшие за ними поединки-хольмганги со смертельным исходом.

Конечно, Хельг рисковал. Даже Ульд был доведен им до белого каления, а уж Свальд стал похож на «Разрушителя», оба водителя которого разом сошли с ума. На «Морском змее» было много мест, подходящих для того, чтобы спрятаться от разъяренного майнора Дома Огня, но Хельг опасался, как бы Вермундссон не нашел его до прибытия на Виндерхейм. А еще Хельг беспокоился, что Ульд может довольствоваться простым наблюдением за тем, как Свальд избьет проклятого насмешника. Но нет! Когда на берегу Свальд метнулся к Хельгу, наконец-то отыскав свою жертву, Ульд тенью последовал за ним. А Свальд оказался слишком зол, чтобы запретить своему «вассалу» вмешиваться. Он просто не видел Ульда. Он видел только Хельга. И поэтому проиграл. Не с Хельгом должен был он драться в первую очередь, а со своей яростью.

– Я... – Слова выходили с трудом, Хельг почти хрипел. – Я защищался... – Он махнул рукой в сторону молчаливо стоявших парней и девчонок. – Они подтвердят... я защищался...

Лис махнул рукой как бы невзначай, но точно в сторону Гурды, на которую наставник машинально посмотрел. Рыжая высокая девчонка, выглядевшая старше своих пятнадцати, на всем протяжении пути «Морского змея» выказывала неприязнь по отношению к Арджу и Свальду. Антипатия Гурды была довольно сильной, как рыжая ни пыталась ее скрыть. Она благосклонно следила за тем, как Лис оскорбляет Сварссона и Вермундссона. Причину такого отношения Хельг не смог выяснить, но не воспользоваться им было грех.

Он напрягся. Давай же, Гурда. Давай...

– Это правда! – выпалила девушка. – Эти двое сами набросились на него!

– Что послужило причиной драки? – Теперь наставник неотрывно смотрел на Лиса. Ему, видимо, было интересно, почему сразу двое избивали Хельга, хотя один Свальд должен был разобраться с ним. По крайней мере, Лис думал, что наставник так считает.

– Причиной... – Хельг постарался улыбнуться. Губам было больно. – Очевидно, что причиной послужила уверенность в моих силах... и их неуверенность в своих...

Свальд уже поднялся и теперь помогал встать Ульду. Холодный взгляд в сторону Хельга. Взгляд врага, решившего любой ценой всадить меч тебе в грудь.

– Он посмел оскорбить мой род и меня, – отчеканил Свальд. – Я требую хольмганга.

Хельг улыбнулся, несмотря на боль. Эх, Свальд, тебе не «Яростью» управлять, а на простом «Дварфе» в бой идти!

В глазах наставника – лед. Голубой лед. Словно снежный великан смотрит на Вермундссона.

– Курсант, тебе напомнить первый параграф Устава академии? – спросил, хмурясь, наставник.

Свальд нахмурился в ответ.

– Не надо... – процедил он сквозь зубы.

– А я все-таки напомню. – Наставник оглядел стоящих вокруг новичков. Хельг вздрогнул, когда цепкий взгляд взрослого скользнул по нему. Будто разорвал тщательно приготовленную личину Лиса и заглянул внутрь, в самую сердцевину души. Бред. Это невозможно. Всякие паранормальные штучки вроде чтения мыслей – это в Садхебейле, на северных островах гальтов. Телепатия не для свандов. На западе Архипелага давно восторжествовала наука, освященная Храмом Солнца, и ведьмовство полностью искоренено храмовниками. Жрецы строго следят за магическим спокойствием, позволяя только лечебную соматику.

– Итак, новички, – голос наставника перекрыл даже грохот турсов, – я напомню то, что вы должны помнить в академии всегда. Род, семья и Дом здесь не имеют значения! Это первый и основной параграф Устава. И это значит, что, пока вы в академии, пускай даже вся ваша семья умрет и вы останетесь единственным, кто будет претендовать на родовое имя Дома, вам плевать на это. Вы теперь – «птенцы»! Вы теперь – ученики академии! Ваша знатность тут никого не впечатлит. Ваша родовитость важна не больше, чем родовитость рыбака. Вы станете кем-то значимым в тот момент, когда управляемая вами «валькирия» выполнит чудесный танец, который восхитит даже богов.

Наставник резко взглянул на Свальда.

– Впрочем, курсант, ты всегда можешь вызвать этого юношу на хольмганг, когда покинешь академию. Однако это возможно только в одном случае: если ты не справишься с обучением и мы тебя отчислим. Тогда можешь снова переживать за гордость своего рода и Дома.

– Не будьте так суровы, наставник Ингиред. – Доброжелательный и мягкий голос неожиданно появившегося рядом жреца резко контрастировал с пронзительными фразами наставника. – Эти двое юношей вместе могут отстаивать честь своих родов и в том случае, когда оба покинут академию превосходными пилотами «валькирий». Если, конечно, к тому времени у них останется хоть капля разногласий.

Ингиред усмехнулся, глядя прямо в глаза Хельга.

– Я не думаю, что эти драчуны продержатся дольше одного семестра. Те двое, – небрежный кивок на Свальда и Ульда, – потому что не справились с одним противником. А этот, – пристальный взгляд голубых глаз мог заморозить на месте, – потому что мне не нравится. Пресветленный Ойсин, вы же знаете, что случается с теми, кто мне не нравится?

Ойсин? Гальтское имя, хотя храмовник русыми волосами, серыми глазами и вообще чертами лица больше походит на сванда. Смешанная кровь, видимо. Вот тот же Свальд – в его жилах течет южная кровь, а все равно вылитый западник.

– Знаю. – Жрец печально улыбнулся. – Они обычно покидают академию в первый же год.

Хельгу стало не по себе. Этого еще не хватало!

– Впрочем, те из них, которых вы просто ненавидите, заканчивают академию с отличием, – закончил жрец и неожиданно подмигнул Хельгу. Пресветленный Ойсин неожиданно взял подбородок Лиса левой рукой и повертел в разные стороны, рассматривая левый глаз и разбитые губы.

– Так дело не пойдет, – сказал жрец. – Как его таким можно допустить к церемонии Посвящения? Нет-нет, сейчас мы все исправим... – С этими словами он легонько надавил Хельгу большим пальцем на точку за ухом.

Ульд тихо охнул. Свальд поежился. Наставник Ингиред хмыкнул. Вокруг Ойсина начал распространяться дымно-землистый запах. Хельг ощутил покалывание в кончиках пальцев, посмотрел на руки и внезапно понял, что видит обоими глазами! Больше не болели губы, живот перестал ныть, а ноги – подкашиваться!

Лис сглотнул. А вот и та самая соматика, о которой он недавно вспоминал.

– Вот так, – довольно сказал жрец, похлопав Хельга по плечу. – Синяки останутся, но теперь ты можешь принести клятву академии в подобающем виде.

– Я надеюсь, что в следующий раз, пресветленный Ойсин, вы не будете зря тратить благодать Всеотца на первого попавшегося. – Ингиред осклабился. – Я чувствую, что он еще не раз попадет в переделку, и что, вы каждый раз будете лечить его? Нет уж, пускай полегит в лазарете, пройдет процедуры, помучается от боли. Так, вы двое – в ту сторону. А ты, умник, в противоположную. И чтобы до конца дня никаких драк. На первый раз прощаю, но в будущем получите по выговору. Поверьте, вам этого не надо.

Из слов наставника Хельг понял для себя два важных момента. Во-первых, драки как таковые в академии не запрещаются. Во-вторых, если не запрещаются, значит, кому-то это нужно. Нужно, чтобы ученики могли драться друг с другом. А это значит...

Додумать мысль он не успел. К новоприбывшим подошли еще наставники, начали разделять новичков по росту и строить в шеренги. Хельга определили в одну из средних шеренг, между ниронцем Судзуки и северянкой Наас. Они с интересом поглядывали в его сторону, пока новичков выводили из порта, а затем сосредоточили свое внимание на более интересных вещах.

Вот справа появился парк. Вынырнули из-за липнувших друг к другу зданий порта уютные кипарисовые аллеи и журчащие фонтаны. Роща темных елей высилась позади памятников выдающимся мидгардцам. Хельг успел разглядеть статую первого конунга, прежде чем новички прошли мимо.

А вот слева открылась огромная площадка, огороженная высокой сеткой. У дальнего края поля выстроились учебные модели «эйнхериев». На «Морском змее» поговаривали, что их будут обучать не только вождению «валькирий», но и умению управлять человекоподобными турсами. Лис думал, что это только слухи, потому что академия специализировалась на выпуске пилотов «валькирий», а не водителей «эйнхериев». Однако получается, что слухи могли оказаться правдой. Иначе для чего здесь тренировочная площадка с «эйнхериями»?

Интересно, интересно. Хельг внимательно разглядывал боевые машины. Возможно ли, что академия теперь начнет готовить и первоклассных водителей «эйнхериев», не отчисляя тех, кто провалился, а переводя на обучение классом ниже? Кто знает, хорошие командиры подразделений наземных турсов так же важны, как и эскадрилья «валькирий».

За площадкой расположился крупный ангар. Когда новобранцы проходили рядом с ним, они старательно всматривались внутрь, пытаясь разглядеть висевшие под потолком на специальных рамах «валькирии». Это тоже были учебные модели, лишенные вооружения и брони, но и они вызывали вздохи восхищения. Ведь это будут первые воздушные туры, которыми позволят управлять новичкам. Правда, детально разглядеть учебные «валькирии» не удалось из-за двух громадных «Колесниц», которые занимали собой почти весь ангар.

– Наставник Лангас! – раздался впереди звонкий девичий голос. – Мы будем здесь учиться летать?

Учиться летать! Ха! Что за детство? Хельг pokrивил губы. Все-таки в академию должен быть более строгий отбор, а не просто экзамены для отпрысков Дольних Домов и эрлов или простой прием майноров Горних Домов.

– Здесь находится не так много «валькирий». – Наставник Лангас, невысокий темно-волосый старик, отвечал медленно, подчеркивая интонацией каждое свое слово. – Они принадлежат старшекурсникам, доказавшим свое право на личный тур.

– Ого! Здорово! А когда у нас будут такие? А что надо сделать для этого? Я тоже хочу! – наперебой заговорили вокруг.

– Надо прилежно учиться и прикладывать все усилия, чтобы стать одним из лучших учеников! – торжественно ответил Лангас.

Хельгу стало противно, когда почти все загладели о том, что будут обязательно хорошо учиться. Сопливые дураки! Ну что с них взять? Просто дети, честное слово!

А затем потянулись монументальные здания, чей строгий вид сразу выдавал в них учебные корпуса. Выверенные геометрические формы, канонические изображения Бога-Солнца, колонны в виде поддерживающих балконы «Дварфов», «Яростей» и «Вулканов». И на крыше каждого здания – развевающиеся флаги с изображением солнца.

Хельг шел и улыбался. Было от чего. План удался. Его появление на Виндерхейме сопровождалось скандалом, который запомнит весь набор. Более того – когда кто-то вспомнит Хельга, а точнее, когда Хельгу надо будет, чтобы о нем вспомнили, то вспомнят, как он выстоял в драке против двоих, одним из которых был Свальд. Вспомнят, как Лис стоял, а они лежали перед ним. Первое впечатление, говорил Стейнмод, всегда обманчиво. Но оно всегда запоминается. Запоминается навсегда. Всегда запоминается навсегда, вот даже как.

Теперь можно продолжать воплощать в жизнь основной план. Затаиться, не выделяться, подбирать себе команду. Следить, кто действительно лучший из этой сотни ребят. Они еще не знают, но они будут верно служить Лису.

И воплотят в жизнь его цель, ради которой Хельг поступил в академию.

Альдис Суртсдоттир

Путешествие до Виндерхейма было почти таким же скучным, как более раннее плавание от Акульей бухты до Йелленвика. «Почти» потому, что длилось оно всего три дня, а не четыре недели, к тому же во второй день Альдис удалось удрать от наставницы и всласть излазить корабль. Она даже успела найти вход в машинное отделение, но прямо у двери ее перехватил какой-то матрос, подверг строгому допросу и отконвоировал в заботливые объятия наставницы Кейко Ноды, которая отвечала за дисциплину среди девочек на корабле. Кейко пришла в полный восторг при виде арестантки:

– Правильно, белобрысая, так и надо. Я в свое время тоже туда лазила. Только, в отличие от тебя, не попалась. А вот тебя придется наказать.

– А может, вы меня отпустите? Я больше не буду... – начала мямлить Альдис. Быть наказанной на второй день пути за проступок – это совсем не согласовывалось с данным отцу обещанием «не высовываться и быть послушной».

– Э-э-э, какая хитренькая! – расхохоталась ниронка. – Нетушки, в следующий раз будешь умнее. Учись не попадаться.

Наказание, впрочем, оказалось совсем не страшным – вымыть полы и начистить рыбы к ужину. После муштры у эрлы Ауд это было плевым делом. Круглощекий кок-балагур почти всю работу сделал сам, да еще и развлекал морскими байками. Но в глазах остальных девчонок и без того невеликий авторитет Альдис упал ниже ватерлинии. Что же, ее это вполне устраивало. Она привыкла быть одна.

Хоть «Морской змей» и числился в составе военного флота, строился он на гражданских верфях и даже несколько лет мирно курсировал между островами Южного Мидгарда, пока не был выкуплен министерством. «Гражданское» происхождение особенно ощущалось в расположении жилых отсеков. Юноши и девушки размещались в бывшей каюте третьего класса. Ранее единое огромное помещение в трюме ныне было разделено на две половины деревянной переборкой.

По тому, как реагировали девушки на простецкую обстановку общей спальни, сразу можно было вычислить, кто из ровесниц привык к роскоши, и Альдис втайне развлекалась, наблюдая за возмущенными гримасами высокородных майноров.

Для наставников, возвращавшихся на Виндерхейм после отпуска, были подготовлены каюты второго и первого класса.

Проживание бок о бок с другими и скука путешествия заставляли девчонок сбиваться в стайки. Просторная спальня с утра до вечера была заполнена щебетанием, смешками, разговорами. То здесь, то там разгорались подушечные бои, подружки хвастались друг перед другом влиятельными родственниками, одежками и украшениями. Волнующая близость юношей, обитавших за стенкой, провоцировала на разговоры о романтических отношениях, а обсуждение внешности и манер сокурсников не прекращалось даже ночью, после отбоя.

Альдис наблюдала за всем этим как бы со стороны. Она плохо умела сходитья с ровесницами. Сомнительное происхождение всегда делало из нее изгоя, а девчачьи разговоры казалась откровенно скучными и надуманными.

Утро прибытия было холодным и солнечным. Под руководством Кейко девушки построились парами, спустились вниз и выстроились на причале. Однако практически сразу наставницу отвлекли каким-то вопросом, и ровный строй перемешался. В довершение суматохи с кнорра спустились мальчишки. Молодежь разбилась по кучкам, и в воздухе повис уже привычный гомон, крики и смех.

Альдис отошла к самому краю причала и с тайным восторгом и ужасом наблюдала, как машины играючи переносили неподъемные мешки и ящики. Завороженная неуклюжей грацией турсов и первобытной мощью, исходившей от железных великанов, она не сразу обратила внимание на тишину вокруг.

На причале шла драка.

Двое парней, здоровый светловолосый крепыш и невысокий темненький парнишка, били третьего. Били не так, как обычно бьют в мальчишеских драках. Уж в драках-то Альдис толк знала. Так бьют, когда хотят убить, покалечить, уничтожить. И светловолосый, похоже, знал, как это сделать. Он использовал незнакомую, но эффектную технику, осыпал противника градом ударов в живот, пах, солнечное сплетение. Однако избиваемый оказался крепким орешком. Его тоже учили. Возможно, тот же учитель. Парень умело предугадывал и отводил большую часть ударов и стоял, стоял один против двоих. Альдис даже восхитилась – она знала пределы своих возможностей и не была уверена, что продержится хоть минуту против светловолосого врукопашную. Вот со шпагой или бокеном еще можно попробовать...

А парень пока держался. Может, помочь? Она возьмет на себя второго – не ахти, но все-таки помощь. Но нужно ли вмешиваться? За что они его бьют?

Не успела Альдис додумать эту мысль, как мальчишка упал. Темненький коротко хохотнул, и Альдис решила рвануть на помощь: неважно, кто виноват в драке, молча смотреть на то, как двое избивают упавшего беспомощного противника, она не собирается.

Однако юноша справился и без помощников. Она даже не увидела движения, которым он опрокинул светловолосого, успела заметить только короткий и точный удар назад локтем, после которого упал второй парень. Через секунду все было кончено.

Тут наконец подошел кто-то из взрослых, и Альдис порадовалась, что не влезла в драку. Плохо лишний раз привлекать к себе внимание.

Победитель оказался типичным сваном – беловолосым, голубоглазым. Он так и стоял, пошатываясь, и вызывающе улыбался разбитыми губами.

Да, с него явно не брали обещания «не высовываться». Вон какой довольный, только что не сияет. Хоть и пытается скрыть торжество.

Альдис честно призналась себе, что тоже сияла бы, как начищенный солер, если бы смогла уложить двух таких противников. Да если бы только светловолосого уложила, все равно сияла бы. Особенно если еще потом добрый дядя-жрец избавит от неприятных последствий вроде отбитых почек.

Она даже не сразу поняла, что происходит, когда служитель Бога-Солнца возложил руку на голову победителю. Только через минуту до Альдис дошел смысл действий жреца, и ее бросило в жар. Соматик!

Раньше девушке не приходилось видеть, как работают обученные соматики. В самой идее подчинять окружающий мир с помощью энергий было столько кощунственного, хаотичного и непостижимого, что от близости жреца накатывала невольная дрожь. Возможность менять мир вокруг мановением руки пугала. В подсознании просыпались детские страхи: отблески огня в камине, смуглое морщинистое лицо нянюшки, хриплый голос рассказывает темные сказки о злых шаманах и тварях Хаоса...

Поймав себя на том, что слишком уж пялится на жреца, она отвела взгляд.

«Не высовывайся, будь как все!» – снова прозвучал в ушах повелительный голос отца.

«Не буду, папа».

Что бы ни делал соматик на Виндерхейме, Альдис это не касается. Ее задача – выучиться и стать отличным пилотом.

Наконец наставник закончил читать нотацию, шумную стайку подростков согнали в подобие строя. Курсантов повели на Посвящение.

Торжественный ритуал для Альдис пролетел как одно мгновение. Она привыкла к тому, что официальная часть любой церемонии может заставить скучать даже Локи, и здесь ожидала подобного. Но руководитель академии не позволил этому произойти.

Генерал Вебьёрн Ольфссон словно сошел живьем с эпических полотен, изображавших Смутные времена. Не просто высокий – высоченный. Не просто крепкий – военная форма трещала на его мускулах. Не просто вылитый западник – идеал Вастхайма. Он был подобен собравшемуся в морской рейд древнему викингу. Усиленный динамиками голос генерала зазвучал над площадью, где выстроились девочки и мальчики, и даже пожелай кто-то отвлечься от речи Ольфссона, просто не смог бы.

Гремела речь генерала, соседки Альдис слушали, затаив дыхание, а девочка старательно вылавливала крупницы действительно ценной информации в океане воодушевляющего пафоса.

– Тот, кто выйдет из академии пилотом, выйдет не простым человеком. Он будет отмечен богами. И даже больше – он будет отмечен самим Всеотцом! Благородная кровь в его жилах вспомнит, что природа ее божественна, что эта кровь – кровь богов! Вы те, кто сегодня переступит порог. Нет, не порог академии – порог нового бытия! Вы будете учиться, и будете своей учебой служить стране и конунгу!

Генерал ни словом не упоминал о том, что не все закончат академию, что лишь часть из них станет пилотами. Даже наоборот, он обращался к новоприбывшим ребятам так, будто точно знал, что все они покинут академию с фамильными боевыми машинами. Он умел говорить, генерал Вебьёрн Ольфссон.

– Все вы знаете, что древние люди разочаровали богов своими делами и боги наказали их Катастрофой. – Оратор хохотнул. – Знайте, что если разочаруете меня, мой гнев будет страшнее Катастрофы! Вы все – будущая элита, которая продолжит укреплять славу Мидгарда перед Богом-Солнцем и нести Его Слово по всему миру! Именно вы избраны – да, ИЗБРАНЫ! – для великих дел, которыми будет гордиться Мидгард.

«Мною будет гордиться отец, – отрешенно подумала Альдис. – В первую очередь – отец...»

Как же ей хотелось, чтобы он видел сейчас свою дочь! Видел, чего она достигла. Хотелось сказать: «Смотри, папа, – это я! Я помню о долге, я делаю то, что ты велел! Я думаю о тебе, папа!»

После выступления генерала его место занял храмовник, зачитавший Символ веры. Повторяя слова молитвы, Альдис думала о том, что теперь будет слышать ее каждое утро. Эрла Ауд не отличалась особой приверженностью Богу-Солнцу, ее вера была привязана к старым морским богам, как и вера почти всей Акульей бухты. Пока Альдис жила там, ей казалось, что она может забыть тщательно выученное славословие Всеотцу. Не забыла. И слава Богу-Солнцу.

А затем была клятва Посвящения, скучная и переполненная громкими пафосными словами.

Единственное, что только и запомнилось Альдис, было одно из положений клятвы: «Отныне буду стремиться я, чтобы душа моя и душа моего будущего турса стали едины».

Хельг Гудиссон

Сзади шумели, вспоминая торжественную церемонию и речь генерала Ольфссона.

– Генерал говорил, что мы – будущая элита...

– Здорово!

– Вечная служба на земле и в небесах конунгу и Мидгарду...

– А помнишь, он сказал, что в наших руках судьба всей страны?

– Немного пафосно, но по делу, правда?

– ...так что запомните, теперь я и вы должны стать лучшими в академии. Мы дали клятву Посвящения, но кроме этого должны поклясться, что будем помогать друг другу всегда и везде, независимо от обстоятельств.

Хельг прислушался и скользнул взглядом по говорившему. Так-так, северянин Катайр Круанарх, бледнокожий парнишка с крупными чертами лица, стриженный «ежилом». Собрал вокруг себя группу в семь человек, все гальты. Понятное дело, северяне предпочитают держаться вместе. Это у них в крови осталось от фианн, древних священных дружин.

«Надо будет понаблюдать за ними, – подумал Хельг. – Солдаты северян – хорошие бойцы, может, и из этих выйдет толк...»

Он еще раз оглядел зал, куда их привели после церемонии Посвящения. Когда отзвучала речь генерала Ольфссона, полная воззваний к божественному духу сыновей и дочерей Мидгарда и патетических призывов отдать свою жизнь за Бога-Солнце, конунга и Мидгард, новичков отвели в высокое здание рядом с площадью и провели в зал. Сиденья в зале были расположены амфитеатром, то есть шли снизу вверх полукругом. Наставники рассадили учеников на верхних скамьях, затем притушили свет, а на помост был вывезен огромный макет академии. Отличный, между прочим, макет. Все четыре острова с расположенными на них зданиями и тренировочными зонами были сделаны так искусно, что их можно было принять за настоящие. Казалось, еще чуть-чуть – и оживут маленькие фигурки турсов, расставленные на макете, взметнутся вверх игрушечные «валькирии» и понесутся по залу, словно стая задиристых воробьев.

Лис внимательно рассматривал модель академии, стараясь запомнить как можно больше. Неплохо было бы подойти к макету, но наставники строго-настрого запретили приближаться к помосту. Причина запрета объяснена не была, хотя никто, впрочем, не спрашивал. У Хельга имелись предположения, но делиться ими он не собирался.

Хотя, по сути, делиться было не с кем. На «Морском змее» он ни с кем не подружился и даже особо не знакомился. Лис был уверен, что мало кто знает его имя, не говоря уже о семье и роде. Впрочем, он сам так и не узнал имя каждого новичка. Сотня парней и девчонок – за три дня не справишься, как ни старайся. Вот если бы был доступ к храмовой картотеке с делом на каждого... Но о таком Лис мог только мечтать.

А еще ему интересно было взглянуть на свое дело. Как и другие майноры Горних Домов, Хельг получил допуск в академию после короткой беседы с храмовником. Но храмовники – знатные душеведы. Стейнмод говорил, что опытный жрец с одного взгляда может разобраться в человеке. Лис надеялся, что ему удалось провести храмовника, что тщательно созданный образ Хельга Гудиссона, сына Гуди Торссона, обманул жреца. Память всколыхнулась, совсем не вовремя напомнив о беседе...

– Майнор Хельг, вы же знаете, что можете выбрать не только военную карьеру, но и научную?

Храмовник вежлив. Храмовник обращается на «вы», хотя остальные дети не дождутся от него ничего, кроме «ты». Не потому, что храмовник считает их хуже. Просто жрец обя-

зан «выкать» отпрыскам Домов. А простолюдинам – только «ты». Храм ниже Домов, но выше сословия военных, служащих не аристократам, а Мидгарду. И куда уж выше сословия общинников: юристов, врачей, оружейников, строителей, банкиров, купцов и прочих. Правда, Гильдия инженеров в последнее время пытается подняться вровень с храмовниками, но жрецы противятся этому. Лишние конкуренты Храму Солнца не нужны. Это неудивительно. Конкуренты вообще мало кому нужны.

– Научная карьера скучна, – отвечает Хельг. – Многократные эксперименты, неудачные эксперименты, бессмысленные эксперименты. Создание теорий, которые будут опровергнуты другими теориями, которые так же падут под натиском следующих теорий. Нет, это не для меня. Я хочу послужить Мидгарду.

– Ученые служат Мидгарду не меньше, чем солдаты, – замечает жрец.

«Ага, именно поэтому вы так помогаете Гильдии инженеров получить право владения землей и крестьянами!» – не сдерживается Лис. И мысленно ругает себя. Даже думать так в присутствии храмовника небезопасно. И совсем не потому, что может прочитать мысли. Беседу с Хельгом проводил чистокровный сванд, ну, может, с капелькой инородной крови, а чтение мыслей – это из псионики гальтов. Чистокровных гальтов. Без капелек инородной крови.

Просто от этой беседы зависит очень многое. В коридорах приемной комиссии Хельг заметил подростков в сопровождении охраны с гербами Горних Домов на мундирах, и это крайне не понравилось ему. Горние Дома обычно игнорируют академию, предпочитая обучать майноров военному делу собственными силами или посылая в училища, которые готовят офицеров для наземной армии Мидгарда. Высокородные дворяне издревле предпочитали водить «эйнхерии», еще с тех пор, когда Харальд Скаллаgrimссон вел за собой в «Дварфах» тех, кто в итоге стали основателями Домов. Когда же были найдены машины древних и Храм Солнца сотворил «валькирию» по образу и подобию Солнечных Дисков, Горние Дома с настороженностью отнеслись к летательным турсам. Традиция была выше всего, и майноры Горних Домов отправлялись в Ойкумену в «эйнхериях». Лишь некоторые рискнули довериться «валькириям», как, например, Дом Молнии, чьих майджоров из хёвдингов отобрали для вождения машин древних.

Хельгу не нравилось, что Горние Дома прислали майноров поступать в академию именно тогда, когда он наконец-то достиг возраста, позволяющего осуществить его тщательно разработанный план. Набор ограничен: сто пятнадцатилетних парней и девчонок. Майноры Горних Домов, изъявившие желание поступить в академию, проходят в независимости от результатов собеседования – такая практика негласно проводится в приемной комиссии. До этого поступало два, максимум три отпрыска Горних Домов в год. Это немного. Иногда их вообще не было. Однако припрись сюда больше сотни майноров Горних Домов – и что тогда? Кого из них отсеют и по каким критериям? Вдруг Хельг как раз будет признан неподходящим?

Чтоб их Хельг побрала! Сидели, не чесались, а стоило Лису устремиться в академию – опаньки, тут как тут. И ведь это простое стечение обстоятельств, не мог никто знать о Хельге, он очень тщательно подчистил за собой хвосты, да и отец не был против и помог. А раз отец помог, то уж точно никто не знает, кто такой Хельг Гудиссон и зачем он стремится в академию. Последнего, кстати, не знал и отец. Думал, что знает, но ошибался. Специально для него Лис сочинил такую байку, что батюшка от умиления даже слезу пустил под конец разговора с сыном.

– А чем вас не устраивает карьера полицейского?

– Давайте я сразу отвечу, почему я не хочу и в жрецы податься. И вообще попробую осветить на все вопросы. – Хельг подался вперед, ладони открыты, смотрит собеседнику прямо в глаза. – Я хочу фамильный турс. А для этого, как известно и вам и мне, необходимо

совершить великий подвиг во славу Мидгарда. И я хочу совершить подвиг. Хочу подвиг и турс. Ученый, полицейский, дипломат – это не для подвигов. Это для простой службы. Только военный может совершить что-то достойное. Я хочу совершить что-то достойное, подобное делам Харальда Великого. И как же свершать, как не под эгидой академии? Море Мрака, Северный Обрыв, а может, в будущем и новые земли, на которые надо будет нести свет учения Храма. Только став пилотом, я смогу достойно послужить Мидгарду.

Эгоизм со здоровым чувством патриотизма. Много эгоизма. Как раз на подвиги и толкающего. В основном безрассудные, но именно подвиги. В это храмовник-душевед мог легко поверить.

Поверил?

Храмовник мягко улыбается:

– Если сердце ваше хочет славы, то хочет ли слава вашего сердца?

Это еще что за загадка в чжанском духе? Неужели жрец почувствовал фальшь? Это плохо – но только если Горние Дома вознамерились под завязку забить нынешний набор майнорами.

– Возможно, и не хочет. – Хельг улыбается и откидывается на стуле. – Но я заставлю ее захотеть.

Храмовник неожиданно перестает улыбаться. Резкий вопрос:

– Вы хотите быть пилотом?

Спокойная обстановка резко меняется. Комната словно превращается в дальний западный остров, где царят льды и снега. Вопрос вроде как вопрос, без подвоха, без всяких двусмысленностей. Но почему хочется обдумать ответ, прежде чем говорить, и почему возникает чувство, что отвечать надо быстро, очень быстро, что уже надо было ответить...

Хельг кивает. Просто кивает, злясь на себя неимоверно. Тебе же пятнадцать лет, Лис. А Храм Солнца уже несколько столетий является духовной основой Мидгарда. Кто из вас хитрее и умнее, а?

Храмовник задает еще несколько незначущих вопросов о семье, о друзьях. Хельг отвечает на автомате. Был ли вопрос о желании стать пилотом основным? Или – что стояло за этим вопросом?

– Корабль уходит через неделю. Прошу вас не опаздывать.

Лис, погружившийся в размышления, даже сначала не понимает, что именно ему сказали. И это хорошо. Очень хорошо. Потому что он просто встает, благодарит за беседу и уходит. Так бы поступил уравновешенный эгоист, маску которого надел на себя Хельг.

А вот злая радость нахлынула потом, когда Лис на выходе из комнаты осознал, что корабль, о котором шла речь, – это «Морской змей».

Он поступил.

Новички зашумели громче, и Хельг очнулся от воспоминаний. На полутемных подмостках появился наставник в форме офицера военно-небесных сил, он встал возле макета, и тотчас копию академии осветили мощные прожекторы. Офицер внезапно хлопнул в ладоши, так неожиданно и громко, что разговоры моментально стихли, точно унесенные ураганным порывом ветра. Наставник ухмыльнулся.

– С сегодняшнего дня, – наставник говорил негромко, но благодаря акустике зала его было слышно всем, – вы становитесь первогодками академии. «Птенцами».

«Генерал уже это говорил...» – скупающе подумал Хельг.

– На ближайшие пять лет академия станет вам родным домом, поэтому вы должны знать, где находится. Я ознакомлю вас со структурой академии.

«Это уже интереснее!» – Лис приготовился внимательно слушать.

– Академия расположена на четырех островах, каждый из которых четко выполняет одну функцию. На нашем острове, Виндерхейме, расположены учебные помещения, жилые корпуса, а также залы и территории для тренировок. На Виндерхейме вы продолжите обучаться как обычным наукам, так и умениям, необходимым для пилотов «валькирий».

Виндерхейм по форме напоминал клешню, вытянувшуюся в сторону зрителей. Прямо посредине острова расположилась огромная гора.

– На Бьёрсфордоре, – наставник указал на второй остров, который расположился правее и чуть дальше Виндерхейма, – находятся полигоны для обучения боевому вождению турсов. Здесь вас будут учить в условиях, приближенных к действительности. Отработка маневров, командные и групповые сражения, бой один на один – все это здесь, на Бьёрсфордоре.

Бьёрсфордор напоминал впавшего в спячку медведя, шерсть которого вздыбилась: по острову растянулось множество горных гряд с узкими ущельями. Возможно, подумал Хельг, летая между ними, пилоты «валькирий» оттачивают свои умения.

– На Хеллугьяре расположены ангары с турсами, ремонтная база, жилые корпуса техперсонала и специальный учебный корпус. Там вас научат обращаться с технической стороной турсов и ремонтировать их при необходимости.

Третий остров выглядел обычен, точно простой блин слегка неправильной формы. На нем не было ни гор, ни лесов, только различные строения.

– И последний остров – Маркланд. – Наставник мечтательно улыбнулся, будто вспомнил что-то приятное. – Весь покрыт лесом, на нем водятся звери и птицы, некоторые его части труднопроходимы. Это территория, на которой будут проводиться различные военные игры, где вы будете демонстрировать то, чему научились. Когда попадете туда, будьте осторожны: синяками можете не отделаться.

Маркланд разместился за треугольником, который образовывали Виндерхейм, Бьёрсфордор и Хеллугьяр. Самый крупный из островов, он занимал большую часть макета.

– Обратите внимание, – наставник поднял правую руку, и свет, падавший на макет академии, превратился в узкий луч, сконцентрировавшийся на длинном пятиэтажном здании, расположенном на Виндерхейме. – Это главный учебный корпус. Здесь вы получите основные знания по военной теории и турсоведению, а также гуманитарным и естественным наукам.

Как ни старались ученики вести себя тихо, но сдержать печальные вздохи смогли немногие, и по амфитеатру будто прошла волна разочарования. Наставник рассмеялся:

– Я понимаю, многие из вас думали, что в академии будут обучать в основном управлению «валькириями». Зачем вам, к примеру, философия или биология? Однако я, как и основатели академии, считаю, что наша цель – подготовить не простое дополнение к турсу, а высококлассного воина, готового нестандартно мыслить в самых неожиданных ситуациях. Чем лучше отточен ваш ум, тем лучше вы постигнете тайны управления «валькириями». И запомните: в сражении главное – не оружие! – Наставник выразительно постучал себе костяшками пальцев по лбу. – Основа основ в сражении – разум.

Тихий шум пронесся по рядам учеников. Кажется, не все разделяли точку зрения наставника. Хельг же полностью был согласен. Он знал эпизоды из военной истории Мидгарда, когда войска Объединения терпели поражение в боях за восточные острова. Против хитростей ниронцев, бывало, не помогали даже «эйнхерии».

– Первый год вы будете учиться только в главном корпусе. Физические упражнения, фехтование и безоружный бой – в этих трех залах и на этих пяти открытых площадках. По истечении трех месяцев начнутся занятия по турсоведению. Основам управления турсами вы будете обучаться вот здесь. – Наставник показал на огороженную территорию, которая находилась неподалеку от порта. По всей видимости, мимо нее новобранцы проходили после

прибытия. – Спустя несколько месяцев на Маркланде вы пройдете специальное испытание. Какое? Будет решено, исходя из общего рейтинга набора. Ну а под конец года будет проведено итоговое испытание, в ходе которого определится, кто из вас достоин продолжить обучение в академии, а кто будет отчислен.

Упоминание об отчислении заставило заволноваться весь зал, но наставник не обратил на это внимания. Хельг самодовольно хмыкнул. Отчисление? Ха! С ним этого точно не произойдет!

– Сообщение между островами происходит посредством паромов и «валькирий» класса «Колесница». – Наставник на миг задумался, а затем продолжил: – Это основное, что вам нужно знать о структуре академии. Если есть вопросы, то я готов ответить. Можете обращаться ко мне – наставник Валдир.

Первым вопрос решился задать Ардж. Хельг вообще заметил за ним желание вылезать на первые позиции и светиться где только можно. Явно считает себя лидером и жаждет, чтобы каждый в наборе уяснил его лидерство. Ну, тут таких «лидеров» много.

– Наставник Валдир, – поднявшись и уважительно сложив ладони перед грудью, сказал бхат, – позвольте спросить. Вы говорили об общем рейтинге набора. Я хотел бы попросить вас уточнить, что это такое.

– Конечно, более подробно вам расскажут о рейтинговой системе учителя на лекциях, однако я попробую объяснить в общих чертах. У каждого из вас будет три шкалы для набора баллов: личная, командная и групповая. То есть во время учебы вы будете получать баллы как за индивидуальные достижения, так и за совместную работу с другими учениками. Во время тренировок и игр вас будут делить на группы от трех человек, и балл, заработанный группой, делится на количество составляющих ее курсантов. Личные усилия каждого при этом не учитываются. Всегда перед тренировкой или игрой состав групп будет меняться, и каждый из вас сможет поработать со всеми остальными.

Новость вызвала оживление рядов, которое прервало деликатное покашливание Валдира.

– Действия в разных по составу группах необходимы для формирования навыков совместной работы в независимости от того, с кем придется взаимодействовать. А теперь немного о командах. В отличие от групп, команды на протяжении ближайшего года-полтора будут состоять из двух человек без изменений. Тем не менее члены одной команды могут оказаться в разных группах и во время тренировок противостоять друг другу.

«Хитро придумано, – подумал Хельг. – Постоянная борьба всех против всех, когда и близкому товарищу нельзя доверять, потому что ради баллов он может пойти на что угодно. Так почти невозможно создать альянс или сохранить успешную команду!»

Лис мельком глянул на северян. Те выглядели расстроенными, а их вожак Катайр раздраженно сжимал и разжимал пальцы.

– Баллы начисляются за ваши успехи и снимаются, если вы не продемонстрируете хороших результатов. Наивысшее индивидуальное количество баллов к концу первого года – пять тысяч. Это рекорд, который еще никто не смог побить. А общий рейтинг набора – это общая оценка вашего курса, сумма всех ваших баллов. Все понятно?

– Да, наставник. Благодарю за ответы. – Ардж поклонился и сел на место.

– Есть еще вопросы?

– А как нас будут распределять по командам?! – выкрикнул с места рыжеволосый парень, сидевший неподалеку от Хельга. Его имени Лис не знал. Один из тех, кто ни к кому не прибил, да и вообще особо не мелькал на корабле.

– На основе анализа ваших психопрофилей сделают вывод, насколько каждый из вас сможет раскрыть потенциал другого. Иными словами, чем выше психический и ментальный резонанс двух учеников, тем больше шансов у них объединиться в команду. Это понятно?

– До слова «психопрофиль» я вас понимал... – уныло протянул рыжий.
Часть учеников засмеялась.

– Наставник Валдир, наставник Валдир, а жить мальчики и девочки будут вместе?! – вскочила темноволосая девчонка на другом конце зала от Хельга. Ульна Рагнарсдоттир. После ее вопроса засмеялись почти все, даже Валдир слегка улыбнулся. Ульна покраснела, показала неизвестно кому язык и быстро уселась на место.

– Нет, проживание раздельное, как и душевые комнаты. Впрочем, бассейн общий.

– Наставник Валдир, а как мы будем узнавать свой рейтинг? – спросили из рядов ниже, кто – Хельг не успел заметить.

– На первом этаже главного учебного корпуса расположена таблица, где каждый курсант может увидеть свои и чужие баллы, не только своего курса, но и других. Чем ниже вы находитесь в таблице – тем ближе вы к отчислению. Однако последнее итоговое испытание может все изменить, за него дают много баллов.

– А что это за итоговое испытание?

– Это секрет. Для каждого набора испытание создается каждый раз заново. Исходя, как я уже говорил, из общего балла курса...

Хельг вполуха слушал вопросы учеников и ответы Валдира, всматриваясь в макет академии. Он хотел бы получше разглядеть ее, более точно запомнить, что где располагается. Насколько Хельг видел, макет был точен относительно порта и пути от него до учебных корпусов, а это значит, что и остальные территории обозначены правдиво. По крайней мере, на это можно было надеяться.

Со своего места Хельг не мог разглядеть макет во всех подробностях. «Надо будет пробраться сюда как-нибудь и лучше все изучить, – решил он. – По крайней мере, сейчас это невозможно, когда здесь такой галдеж. И не зря ведь мы только *смотрим* на макет, а не ходим по территории? Может, академия показывает не все, что у нее есть, а это уже само по себе интересно...»

– Хорошо, если вопросов больше нет, то вы можете быть свободны. – Валдир взмахнул рукой, и помост погрузился в полумрак, в то время как остальной зал ярко осветился. – Наставники проводят вас до жилого корпуса, там вас разведут по комнатам, и вы познакомитесь со своими товарищами. До вечера можете отдыхать и знакомиться с окружением. Завтра с утра начинаются занятия.

Альдис Суртсдоттир

На выходе из зала юношей и девушек опять разделили. Куда повели парней, Альдис не видела. Ее вниманием без остатка завладела высокая женщина в летней форме с нашивками сержанта на рукаве.

Таких женщин ей раньше видеть не приходилось. Поджарая, мускулистая, похожая на большую хищную кошку. Трудно было сказать, сколько точно ей зим – она могла оказаться как моложе эрлы Ауд, так и старше. Волосы на голове были коротко острижены и поднимались едва ли на два пальца. Но примечательнее всего было ее лицо. Правая половина была прекрасна – миндалевидный глаз, резко очерченные губы, нос правильной формы, скульптурная линия скулы. И тем более жуткое впечатление производила левая половина, перечеркнутая тремя уродливыми багровыми шрамами. От того места, где у всех нормальных людей находится левое ухо, начинался еще один шрам, который тянулся наискось к темени. Левый глаз незнакомки был прикрыт черной повязкой.

Альдис была не единственная из девчонок, кто засмотрелся на удивительную женщину. Однако толком разглядеть незнакомку они не успели.

– Чего уставились, «птенчики»? Знакомьтесь – Сигрид, ваш ротный командир. Теперь от нее люлей будете получать, еще помяните старушку Кейко добрым словом, – объявила наставница Нода и, уже обращаясь к незнакомке, добавила: – Вот, полный комплект – пятьдесят голов и не знавших розги задниц. Разгуляешься...

– Спасибо, Кейко, – кивнула женщина. Голос у нее был под стать внешности – в нем звенела сталь и похрустывал лед.

Еле слышный вздох разочарования пронесся над стайкой девушек. За три дня пути Кейко успела завоевать искреннюю привязанность своих подопечных. При всей своей напускной строгости она была человеком незлым и не слишком серьезно относилась к правилам, чем девчонки беззастенчиво пользовались. Страшная незнакомка же совершенно не производила впечатления человека, способного оставить без внимания какую-нибудь шалость.

– Итак, я – сержант Сигрид Кнутсдоттир, – продолжила незнакомка, не обращая внимания на смутный ропот и явное отвращение, с которым многие девушки разглядывали ее изуродованное лицо. – Я буду вашим ротным командиром на протяжении всех пяти лет обучения. Моя задача – в кратчайший срок сделать из сопливых избалованных малолеток лучших бойцов Мидгарда. Те из вас, кто *действительно* захочет не вылететь из академии, должны будут усвоить несколько правил. И первое из них... – Тут она повысила голос так, что у Альдис даже в ушах засвербело. – КОГДА Я ГОВОРЮ – РОТА МОЛЧИТ!

Смешки и шепоток, летавшие над строем, примолкли. Когда Сигрид кричала, она выглядела жутко.

– Уже лучше, – продолжила женщина так же спокойно и неторопливо, как говорила до этого. – Я не люблю кричать. Если я кричу, значит, рота меня вынудила. Если рота меня вынудила, она будет наказана. Целиком. Вникать, кто конкретно виноват, я не буду. – Она помолчала и в установившейся тишине обежала взглядом лица девочек. Большинство курсанток предпочло потупиться под прицелом ее единственного глаза, серого, как хмурое осеннее небо.

– Итак, правило номер два: ко мне обращаться «сержант» или «сержант Кнутсдоттир». Никакой фамильярности я не потерплю. Правило номер три: дисциплина важнее всего. Она – ваша мать, отец и Закон Небесный на ближайшие пять лет. Я никогда, запомните, никогда не наказываю просто так, без причины. И я никогда не оставляю виновных безнаказанными.

Можете сколько угодно ныть, хныкать и просить прощения. На меня это не действует. Я ясно выражаюсь?

– Ясно, сержант! – выкрикнула Альдис.

Девочки рядом подхватили за ней:

– Ясно.

– Понятно...

– Ясно, сержант! – послышался нестройный хор голосов.

– Хорошо. Правило номер четыре: мои приказы исполняются беспрекословно и не оспариваются. За невыполнение приказа или спор с командиром полагается наказание. Какое – определяет командир. И наконец, правило номер пять. – Она прошлась широкой, мощной ладонью по своей голове. – Это – ваша стрижка на ближайшие годы. Не длиннее двух ладоней, понятно.

– Как?!

– Почему?

– Так же нельзя... – загалдели девушки. Особенно громко возмущались Гурда, обладательница роскошных, тяжелых кос необычного для западных островов золотисто-рыжего оттенка, и две незнакомые Альдис южанки.

Альдис только усмехнулась про себя. И криветке понятно, что их заставят подстричься – достаточно поглядеть на короткие волосы наставниц. Своих крысиных хвостиков до середины лопаток ей было не жалко. Учеба стоила и больших жертв.

– ТИХО! – гаркнула Сигрид, и рота снова испуганно примолкла. – Вы опять заставили меня повысить голос, а это значит, что вся рота наказана. На первый раз наказание будет легким. После стрижки подметете плац. Если кому-то не нравятся мои правила, то имейте в виду: «Морской змей» отправляется обратно через два дня, и на нем полно места.

Слова Сигрид камнем повисли в воздухе. Девушки испуганно переглядывались. Никому не хотелось с позором вылететь из академии, даже не приступив к учебе.

– Отлично, желающих уехать нет, – констатировала женщина. – Тогда сейчас на стрижку. Потом – подметете плац, и на получение формы. Потом – заселение в корпус и обед. После обеда будем отрабатывать построения. Посмотрите на себя – это не армия, а балаган. Позор.

Позор, мысленно согласилась с ней Альдис. Девчонки даже не смогли ровно построиться.

– Пока все. Вопросы есть?

Девушки переглянулись. Вопросов накопилось множество, но задавать их было боязно: привлекать внимание грозного сержанта не хотелось никому. Альдис так и подмышало спросить женщину про шрамы на ее лице, но она скорее откусила бы себе язык, чем сделала бы это.

Стригли их прямо тут, на плацу. Женщины из числа obsługi принесли скамью, на которую запускали по пять девушек. Всем надевали на головы глубокие глиняные миски и обстригали волосы ровно по контуру посуды. Скоро территория вокруг скамейки была засыпана локонами, а поднявшийся ветер разметал легкие прядки по всему плацу.

«Да, подмести плац и правда не помешало бы», – отметила про себя Альдис.

А ведь сержант Сигрид знала, что так и будет, когда объявила подопечным о стрижке. Умно – наказанием она одновременно утвердила свою власть и решила проблему с уборкой.

Девушки разглядывали друг друга, теребили подруг вопросами: «Ну как? Мне идет?» Кому-то действительно шло, но большинство походило на востроухих «птенцов», выпавших из гнезда.

Не зря их тут «птенцами» называют.

Гурда чуть ли не плакала, стоя над своим золотым сокровищем. Вместо рослой, красивой девушки она в одночасье превратилась в неуклюжего подростка, с тоненькой шейкой и трогательно торчащими в разные стороны розоватыми ушками.

Альдис прислушалась к себе. Ощущения после стрижки были... непривычными. Всегда, сколько Альдис себя помнила, она ходила с косами. «Бублики», «плетенки», «колоски» – ежеутренняя морока с заплетанием, особенно в отсутствие зеркала. Теперь задувший с моря бриз ерошил остриженные пряди, а шею за воротником слегка покалывали волоски. Девушка решила, что ей так даже больше нравится. Короткая стрижка подчеркивала ее новый статус. Она теперь тоже солдат.

Метелок, разумеется, на всех не хватило, но сержанта Сигрид это не смутило:

– На первый-второй-третий-четвертый-пятый рассчитайсь!

Девочки озадаченно переглянулись. Командир устало закатила глаза.

– Ну и «птенчики», даже этого не знают. Вот ты, – она ткнула пальцем в стоявшую в начале строя низкорослую чжанку, – будешь первой. Повтори: первый.

– Первый, – покорно повторила чжанка.

– Ты второй. Повтори.

– Второй.

– Ты третий.

– Третий.

– Дальше сами.

Произошла некоторая заминка. Четвертая девушка неуверенно оглядывалась по сторонам.

– Четвертый, – тихонько шепнула ей стоявшая рядом Альдис.

– Четвертый, – повторила за ней соседка.

– Пятый! – звонко выкрикнула Альдис.

– Шестой, – подхватила ее соседка слева.

– Чего? Какой «шестой»? – изумилась сержант. – Я ясно сказала: на первый-второй-третий-четвертый-пятый. Никаких шестых. Ты – первый.

Наконец с горем пополам курсанты закончили со счетом.

– Запомните ваш номер – это номер вашего взвода. Когда я буду говорить «первый взвод», это означает, что я обращаюсь ко всем, кто сейчас называл номер «первый». Это ясно?

Над ротой пронесся разочарованный стон. Подружившиеся на корабле девушки и на плацу выстроились рядом, из-за чего оказались в разных взводах.

– Ясно или нет?

– Ясно, сержант, – хором ответила рота.

– Хорошо. Делим мысленно плац на четыре части. Левый верхний квадрат убирает первый взвод, правый верхний – второй и так далее. Пятый взвод относит мусор к печке и убирает метлы. Если работа на участке будет выполнена плохо – отвечает весь взвод. Рота, к работе приступай...

Хельг Гудиссон

– Думаю, нам знакомиться незачем. – Сержант Вальди Хрульг усмехнулся. – Так что, думаю, занимайтесь, парни, своими делами. Походите тут, осмотритесь. Возле жилого корпуса красивый парк... Впрочем, зачем вам, настоящим мужикам, его красоты, верно? Короче, кто хочет – может идти селиться, а остальные пусть шляются до вечера, территорию исследуют.

Парни одобрительно зашумели. Они не сразу поняли, что их отделили от девчонок, когда наставники повели новобранцев к жилому корпусу. Там парней ждал сержант Вальди Хрульг, старый знакомый по «Морскому змею».

Сержант не выглядел воякой. Низенький, толстый, постоянно небритый. Крупный нос сломан в нескольких местах. Волосы, похоже, никогда не знали, что такое расческа. Одевался сержант небрежно. Новенький мундир лучше выглядел бы на медведе, чем на Вальди Хрульге. Когда сержант говорил, он всегда улыбался, а когда шел, то казалось, что сейчас покатится.

По первому впечатлению Хельга, сержант больше походил на завсегдатая портовых кабаков, нежели на военного. Впрочем, это не мешало Вальди быть душой компании, а парни его просто обожали. Сержант навещал родню в Йелленвике и возвращался на Виндерхейм вместе с набранными в академию новичками. На «Морском змее» он постоянно травил байки о военной жизни, а также рассказывал множество старинных легенд. А как он исполнял драпы! Боевые песни о подвигах древних конунгов разрывали спокойное течение времени и окунали благодарных слушателей в те дни, когда славные воины боролись с чудовищами, порожденными Катастрофой. Затаив дыхание, парни и девчонки слушали о том, как Грон Краснозубый поражает царя кракенов, как Эйвинд Оборотень похищает мед поэзии из Асгарда и как королева альвов воюет с Мани, богом луны...

В общем, несмотря на внешний вид, Вальди Хрульг сумел завладеть сердцами парней. Хельг видел, что все они обрадовались, когда оказалось, что именно он будет их ротным. Сам же Лис, памятуя о первом обманчивом впечатлении, к Хрульгу относился с подозрением. Учитывая случай на «Морском змее» со Свальдом, сержант был не так прост.

– В мои обязанности входит следить за вашим поведением и проверять, как вы чистите зубы, – под общий смех сказал Вальди Хрульг. – Я вас попрошу только об одном: если будете проказничать, то делайте это так, чтобы подумали на девчонок, ясно?

– Ясно! – ответил нестройный хор голосов.

– Вечером я пройду по вашим комнатам и проверю, все ли на месте. И не обессудьте: кто опоздает к закрытию корпуса, тот будет ночевать под открытым небом, а ночи на Виндерхейме холодные.

– Ротный, а вы будете еще рассказывать истории?! – спросил лопоухий Кананда. Он больше всех любил слушать легенды и драпы, исполняемые Вальди, и все три дня на борту «Морского змея» рыбой-прилипалой торчал возле сержанта. Хельг знал, что эпические сказания южных островов не хуже песен западных скальдов, но бхат прямо прикипел сердцем к чудесным историям свандов.

– Конечно, буду! – порадовал парней Хрульг и похлопал Кананду по плечу. – Вам же каждый день голову всякой учебной ерундой забивать будут, как же вы без моих историй расслабитесь-то? Лопнут ваши головы от переизбытка знаний, а мне потом влетит. Начальству лопнувшие головы не нужны, начальству нужны здоровые парни, вот вроде него. – И ротный указал на Свальда, выделявшегося среди одногодков, как дуб среди осин.

Посмотрев на Свальда, многие глянули и на Хельга. Повисла тишина.

– Что такое? – удивился Хрульг. – Чего вы замолчали?

– Ротный, скажите, а какое наказание бывает за драку?

Хельг взглядом отыскал спросившего. Фридрих. Один из тех, чей Дом Хельг так и не смог определить или хотя бы разузнать, к какому роду он относится. Но не эрл, видно уже по тому, как держится.

– За драку? – Ротный нахмурился. – Ну, чистка туалетов, душевых. Может, работа на кухне или в ангаре. Уборка прилегающих территорий. Однако если драка будет серьезной или неоднократно повторяющейся, могут возникнуть серьезные последствия. Например, значительное снижение рейтинга. Не говоря уже об отстранении от занятий.

– Ну а если мы свалим вину на девчонок? – спросил рыжий парень, тот самый, который спрашивал у наставника Валдира о том, как будут создаваться команды. – Скажем, что это они нас избили?

Хрульг расхохотался:

– Ну, тогда вас не накажут, однако говорить о побитых девчонками парнях будет вся академия!

– Ну, зато рейтинг не снизят, – рассудил рыжий, почесывая нос.

– Ладно, смех смехом, однако у меня есть еще сегодня дела. – Ротный начал выбираться из окружившей его толпы, хлопая парней по плечам и взъерошивая им волосы. – Напоминаю, к вечеру вы все должны быть в своих комнатах.

– Да! Хорошо! Будем!

– Однако перед тем как уйти, я назначу старшего. И советую вам, парни, слушаться его. Это приказ. – Вальди пробежал взглядом по осветившимся надеждой лицам и, недолго выбирая, ткнул пальцем в Гривара Скульдссона.

Скульдссон тут же надулся от важности и высокомерно стал посматривать на парней. Гривар был почти одного роста со Свальдом, но не таким крепышом. Ничем особенным он не выделялся и авторитетом особым не обладал, к тому же был эрлом. Стоило ротному уйти, «птенцы» разбились по компаниям, совершенно игнорируя Скульдссона.

– Всем построиться! – кричал Гривар, пытаясь перекричать гам разговоров. – Все пройдем в холл на поселение!

Но его никто не слушал. Часть парней ушла бродить по окрестностям, часть зашла в корпус, остальные стояли перед входом и шумно обсуждали прибытие в академию. Покрасневший Гривар попытался навести порядок кулаками, но «старшего» пинками отогнали и продолжили заниматься своими делами. Обидевшись, Гривар куда-то убежал. Возможно, искать Хрульга и жаловаться ему.

Тяжело глянув на Хельга, Свальд зашел в корпус. Лис только хмыкнул. В ближайшее время Вермундссон не будет его трогать. Свальд не сумел победить Хельга при помощи Ульда. Свальд опозорен. И он будет выжидать подходящего момента, когда сможет отомстить Хельгу. Наверняка Вермундссон так думает. Потомки Дома Огня все как один похожи на своего основателя Дома – Ульвара Льётссона, обидчивого, но гордого, для которого честь была дороже всего.

Жилой корпус первокурсников был построен в старом стиле четвертого конунга. Двухэтажное здание с рядом колонн перед входом, плоская крыша, квадратные окна. Все монументальное, на века. Никаких украшений. На крыше, понятное дело, развевается флаг Мидгарда.

Хельг обнаружил, что находится в полном одиночестве. Никто не хотел заводить с ним разговора. Усмехнувшись, Лис зашел в корпус. На первом этаже рядом с дверьми за столиком сидела смуглая черноволосая женщина и строго следила за входившими новичками, спрашивая имена и направляя в нужную комнату. Ее взгляд цепко пробегал по лицам, запоминая всех. Когда Хельг подошел к ней и представился, он почему-то подумал о том, что она сняла с него визуальную копию и поместила в специально отведенное для этого в сознании место.

Номер его комнаты был 2-13, то есть 13 комната на втором этаже. Йотунова дюжина, надо же. Ну да ладно. Хельг не был суеверен.

Коридор расходился вправо и влево, в обеих сторонах заканчиваясь лестницами. Женщина следила, чтобы парни шли только в левую сторону: в противоположной части корпуса располагались комнаты девочек.

Напротив входа (или выхода?) на стене висела огромная таблица. Это было расписание на первое полугодие. Хельг внимательно изучил его, прежде чем отправиться в свою комнату. Каждый день недели полон занятий. С утра – зарядка и физические упражнения. Затем – лекции. Много занятий по метафизике и логике, а еще больше – по военному делу. Иностранные языки, поэтика, геральдика, математика, физика... Так, а вот и занятия по безоружному бою, фехтованию и стрельбе. Будут проводиться во второй половине дня. Да уж, график получался довольно насыщенным, только в воскресенье, день солнца, вторая половина дня полностью свободна.

Так, а где турсоведение? Хельг еще раз внимательно прошелся по расписанию, но данного предмета так и не нашел. Странно, ведь Валдир говорил, что на учебные туры их переведут через три месяца, значит, какие-то зачатки знания управления боевыми машинами им должны дать? Не будут же их, так сказать, кидать в море и смотреть, выплывут они или нет? Ладно, на лекциях этот вопрос, наверное, прояснится.

Чувствуя дискомфорт от того, что чего-то не знает, Хельг поднялся на второй этаж, отыскивал нужную комнату. Но он даже не успел постучать в дверь с цифрами «2-13», когда она сама распахнулась. Лис осторожно вошел.

– Будем знакомы! – Рыжий балагур, запомнившийся Хельгу еще по залу-амфитеатру, хлопнул себя растопыренной ладонью по левой стороне груди и протянул руку Хельгу. – Я – Фридмунд Кнультссон.

То, как рыжий встретил Хельга, сразу выдало в нем принадлежность к Ожерелью Виндланда. Именно на этих островах принят подобный способ приветствия – прикосновение к груди со стороны сердца и последующее рукопожатие означали что-то вроде: «Я делюсь с тобой своим сердцем».

Прикоснувшись к груди в ответ и крепко сжав ладонь Фридмунда, Лис быстро окинул взглядом комнату. Здесь ему предстояло провести будущий год.

Первым делом Хельг отметил, что кроме Фридмунда ему в соседи достались еще северянин Катайр и незнакомый парнишка-сванд, которого он раньше нигде не замечал. Судя по количеству кроватей, а именно пяти, к новичкам должен был присоединиться еще один.

Средних размеров комната, шесть на семь метров, однако этого хватало, чтобы поместились кровати, тумбы рядом с кроватями и книжный шкаф. Даже оставалось еще достаточно свободного пространства.

Незнакомый парень возился возле шкафа. Доставая книги из рюкзака, он сосредоточенно расставлял их по алфавиту. Хельг мельком успел увидеть пухлый томик Ранглейва Сигурдссона, выдающегося героя и знаменитого стратега эпохи присоединения восточных островов. Ранглейв лично участвовал в боях, управляя вначале «Яростью», а затем, когда его повысили, и «Разрушителем». В первую очередь он прославился победой над воинственным кланом Ода, чья военная мощь и удивительная способность лучших бойцов этого клана чуть ли не голыми руками сражаться с «Дварфами» долгое время сдерживали продвижение Мидгарда на восток Архипелага.

Все эти знания мигом промчались в уме Хельга, пока он прикидывал, как будет строить отношения с соседями.

– Хельг Гудиссон. Приятно познакомиться.

– Тот, который сидит на кровати, это Катайр. А тот, который таскается с книгами, это Рунольв. – Фридмунд деловито вводил Лиса в курс дела. – Представляешь, он притащил с собой целый рюкзак книг! Как будто их здесь нам мало дадут!

– Думаю, не мало, – сказал Хельг, размышляя, как себя вести. Стараясь разглядеть товарищей по комнате и при этом не показаться назойливым, Лис думал, кто из них может ему пригодиться.

Фридмунд Кнультссон. Сванд, хоть и рыжий. Лицо без веснушек. Простоватое такое лицо. Из эрлов, судя по всему. Раздолбай. Точно раздолбай. Вряд ли закончит академию, вылетит после второго года, а если особенно постарается, то попрощается с «валькириями» уже после первого.

Катайр Круанарх. Гальт. В планах Хельга уже отмечен как потенциальный союзник. Угрюм и недоволен. Видимо, расстроен, что его не поселили ни с кем из сородичей. Вряд ли принадлежит к северному Горнему Дому, скорее из хёвдингов Дольнего Дома.

Рунольв, непонятно откуда. Если приглядеться, как он осторожно достает книги, как аккуратно раскладывает их в шкаф, как почти благоговейно перечитывает имена авторов, шевеля губами, то можно сделать однозначный вывод: книжный червь. Что он забыл в академии?

– Слушай, Хельг, ты где хочешь лечь? Рунольв занял одну у окна, а мы с Катайром хотим спать возле двери. Осталась одна у окна и одна у двери.

– Я, пожалуй, у окна, – сказал Хельг. – Мне там больше нравится.

«Да и покидать корпус в случае надобности будет легче, – добавил он мысленно».

– А ты что, совсем без вещей? – удивился Фридмунд.

– Ну да... – Лис обратил внимание, что на кроватях Кнультссона и Круанарха лежат рюкзаки. Более того, Катайр расставлял на тумбочке резные фигурки из дерева.

Большинство парней и девочек взяли с собой вещи из «старой жизни». Перед плаванием их сдали наставникам, а теперь те, кто собирался скучать по дому, получили свои безделушки обратно. Хельг ничего не взял с собой. Он не хотел, чтобы в академии ему что-то напоминало о доме.

Фигурки, которые расставлял Катайр, при ближайшем рассмотрении оказались статуэтками северных богов. Ставя фигурку на стол, гальт закрывал глаза и бормотал неразборчивые слова. Может быть, просил богов помочь ему учиться в академии. А может, просил богов отчислить всех свандов, бхатов, ниронцев и чжанов еще после первого курса и оставить только гальтов.

Если бы Хельг верил, что боги отзовутся на просьбы, он бы тоже обращался к ним с молитвами. Но боги заняты более серьезными делами, чем человеческие желания. Без толку их просить, если сам ничего не можешь сделать. Небожители помогают только тем, кто сам стремится схватить удачу за хвост. А все остальные могут молиться, сколько хотят.

– Слушай, – Фридмунд хитро подмигнул Хельгу, – я тут пытаюсь Катайра заставить рассказать об ихних друидах, а он молчит, точно его голос альвы украли!

– Никто мой голос не крал, ты, рыжий чурбан! – вскипел гальт, прерывая обращение к богам. – В который уже раз тебе повторяю, что говорить о друидах у нас запрещено, поэтому я и молчу!

– Так то у вас! – беспечно махнул рукой Фридмунд. – Мы ж теперь в академии. Вспомни второй параграф Устава.

Вспомнил ли этот параграф Катайр – неизвестно, но Хельгу он сразу пришел на ум: «Учащиеся академии освобождены от всех обязательств своего происхождения и подчиняются только законам академии».

– Через пять лет я хочу служить на родном острове, а у нас не очень любят болтунов, – буркнул северянин.

– Ну, куда нас распределят, зависит не от нас, – заметил Хельг. Круанарх вызывал у него все больший интерес. Помимо его гальтского происхождения, было что-то еще в этом мрачном парне интригующее. Хельг не мог пока понять, что именно.

«Хорошо, что нас поселили вместе, – подумал он. – Катайр – стихийный лидер северян, а когда он под боком, то легче будет на него влиять».

– Лично я буду служить на Крух-Айтани! – непреклонно заявил Круанарх.

– Крух-Айтани? – переспросил Хельг. Было в названии родины северянина что-то знакомое...

В разговор неожиданно вмешался Рунольв:

– Крух-Аитан? Остров, который находится на самом краю Северного Обрыва?

Северный Обрыв! Ну конечно же! Огромная аномалия на дальнем севере Архипелага, нарушающая все привычные законы мира. Разлом прямо посередине Серого моря, протянувшийся на сотни километров на восток и на запад. Дыра, в которую без остановки выливаются океанские воды, бездна, которая никак не заполнится. И из этой пучины постоянно лезут чудовища, один вид которых заставляет задуматься о безумии бога, который дает им жизнь.

– Ну да... – недовольно, будто злодей, которого поймали на месте преступления, сказал Катайр. – Ну и что?

– Как – ну и что? – поразился Рунольв. – Это же Северный Обрыв! Реликт эпохи Катастрофы! Наследие Катаклизма! Я всю жизнь мечтал увидеть нечто подобное!

– Поверь мне, – помрачнел Катайр, – на самом деле ты этого не хочешь.

– А это правда, что у вас еще водятся левиафаны и кракены? – спросил Фридмунд с заблестевшими от любопытства глазами.

– Жир левиафанов и радужные чернила кракенов являются основой экспорта Крух-Айтана, – с умным видом сказал Рунольв. – Конечно же они там водятся!

– Левиафаны... – проворчал Катайр. – Могу вам сказать, что левиафаны – самые безобидные зверушки Обрыва. А ведь есть еще акулы-единороги, не говоря уже о летающих китах.

– Летающие киты... – мечтательно произнес Рунольв. – Вот бы увидеть их вживую...

– Увидишь вживую Воздушную Смерть – умрешь. – Голос гальта стал жестким. – Только «Молния» может совладать с летающим китом. Без драупниров и скорости «валькирии» с Воздушной Смертью не справиться. Из «эйнхериев» им не страшны даже «Разрушитель» и «Громовержец».

– Ого, – сказал Хельг.

– Ого? – Катайр скептически прищурился. – «Молния» может справиться с летающим китом, а может и не справиться. А если появится целая стая, то не поможет и эскадрилья. На «валькирий» надежда потому, что они могут заставить мигрирующего летающего кита свернуть с привычных воздушных путей. А это означает спасение десятков жизней. На Крух-Айтани туры необходимы!

– Может, проще покинуть этот ваш Крух-Аитан? – поинтересовался Фридмунд. – Подумаешь, жир! Я так понимаю, жизнь у вас там не мед.

– Что ты можешь понять, сванд? – Катайр смерил Фридмунда взглядом. – На Крух-Айтани находятся Святые Камни моего народа! Это великая честь – жить рядом с Айве-лон-Гахен!

– О, друидские камушки! Расскажи о них!

Хельг прикрыл глаза. О Всеотец, этот Кнультссон – полный идиот.

– Если ты, рыжий чурбан, еще раз назовешь Айве-лон-Гахен «камешками», – глаза Катайра опасно сузились, – я переломаю тебе все кости. И посмотрим, как хорошо ты будешь учиться после этого.

– Чего? – набычился Фридмунд. – Ты мне угрожаешь?

– Ребята, вы что? – пролепетал Рунольв, на всякий случай отступая к своей кровати.

Катайр зло смотрел на Фридмунда, его правая ладонь сжалась в кулак. Он действительно готовился атаковать, хоть и сидел на кровати, а Фридмунд стоял, находясь в более выгодной позиции. Но Круанарху, как видел Хельг, было все равно. Сванд посмел оскорбить святое место гальтов, сванд должен поплатиться.

Впрочем, судя по тому, как внезапно расслабился Фридмунд, а его ноги начали подрагивать, рыжий тоже собирался разобраться с нахальным северянином. И это плавное покачивание с носка на пятку и с пятки на носок подсказывало, что Хельг не совсем правильно оценил вначале рукопашные (точнее – «ногопашные») навыки рыжего.

И кому из них помочь? Йотунство, Хельг не знал, что делать, а обстановка накалялась. Катайр уже чуть напряг плечи, слегка поменял позу Фридмунд, они уже готовы были начать действовать, а Хельг не знал, ну никак не мог рассчитать, кто из них окажется полезнее...

Хлопнула дверь.

Фридмунд и Катайр вздрогнули, оглянулись на вошедшего.

Хельг тоже вздрогнул, но не от звука, а потому, что в комнату зашел Свальд. С ярким зеленым рюкзаком за плечами.

«Как? Почему? Нас поселили вместе? Что за ерунда? Наставники не могли... – От удивления Лис потерял самообладание и никак не мог взять себя в руки. – Он не должен был...»

Вермундссон подошел к свободной кровати возле двери, положил возле спинки рюкзака, молча на всех посмотрел, задержав взгляд на Хельге, лег на кровать и...

И моментально заснул.

И захрапел. Да так, что, казалось, стекла в окнах задрожали.

– Он что... – вылупился Фридмунд.

– ...будет вот так вот... – Катайр заткнул уши руками.

– ...и ночью? – завершил общую мысль Рунольв.

Хельга же храп Свальда беспокоил меньше всего. Он пытался привести в порядок разбушевавшиеся мысли. Выбросив из головы образ, в котором Свальд ночью душил его подушкой, Лис попытался прийти в себя.

Не получилось. Снова хлопнула дверь, и в комнату влетел стройный бхат. Первым делом в глаза бросались его волосы – чередующиеся белые и черные пряди. Вторым – золотистая хламида. Никто в академии не ходил в хламиде. Тем более золотой. Наставники и старшекурсники носили мундиры, жрецы были одеты в традиционные белые ряссы.

Оглядев всех присутствующих, южанин задрал голову и возопил, не обращая внимания на храп Свальда:

– Дошли до меня слухи, что в комнате этой поселили великого бойца одних со мной лет, который одолел другого великого бойца одних со мной лет, который проиграл первому великому бойцу, хоть и помогал второму великому бойцу третий боец, простой! И хоть считался второй великий боец лучшим бойцом в этом наборе, но проиграл он, а это значит, что первый великий боец является лучшим великим бойцом!

– Чего? – У Фридмунда задергался правый глаз. Кажется, для его нервов храп Свальда и эта речь выходили за пределы допустимого.

– Я – Дрона из рода Махавидья! Я – сын Дома Небес, и я заявляю, что из первокурсников этого года я буду лучшим бойцом! Поэтому я требую, чтобы тот, кто носит имя Хельг, сразился со мной за звание лучшего бойца.

Лис отреагировал мгновенно.

– А Хельг спит, – сказал он, указав на Свальда. – И просил его не будить, он очень устал, победа над вторым великим бойцом далась ему нелегко.

Фридмунд уставился на Хельга, пытаясь понять, что происходит. Катайр залез в свой рюкзак с головой и, кажется, принялся хрюкать. Рунольв сидел на кровати, просто вылупив глаза.

– Не будет чести тому, кто будет сражаться с уставшим воином! – вскричал Дрона. – Знайте, что знаю я, что в этой комнате находится также и второй великий боец, который считался лучшим! И если не могу я сразиться с лучшим великим бойцом, то я сражусь с тем, кто носил этот титул! Где именующийся Свальдом?

Лис осклабился. И указал на Рунольва:

– Вот он.

Рунольв чуть не выскочил в окно, когда Дрона величаво двинулся к нему. Катайр в рюкзаке, по всей видимости, организовал свинарник. Фридмунд стоял и хлопал глазами, ничегошеньки не понимая.

– Великий боец! – взвыл Дрона, схватив побледневшего Рунольва за руку. – Я понимаю, что ты тоже устал! И поэтому, вызывая тебя на бой, я желаю сразиться с тобой не сегодня! Пусть поединок состоится завтра! И пусть поединок состоится в парке! Покажи мне лучшее, на что ты способен, и я уважу тебя, показав лучшее, на что способен я!

Поцеловав Рунольва в лоб, Дрона быстро покинул комнату.

– Ничего не понимаю... – пробормотал Фридмунд и сел на свою кровать.

Рунольв потерял сознание.

Свиньи в рюкзаке Катайра размножились в геометрической прогрессии.

Свальд захрапел еще громче.

Хельг подошел к своей кровати и задумчиво посмотрел на открывающийся за окном вид.

Виндерхейм.

Академия.

«А здесь весело, – подумалось Хельгу. – Пожалуй, мне здесь и правда очень нравится...»

Чуть позже Фридмунд снова отличился.

Хельг, Катайр и Рунольв, чье второе имя оказалось Хаймссон, вернулись от интенданта с обмундированием. В комнате все так же храпел Свальд, а Фридмунд, постриженный под ноль, сидел на кровати.

– Каждый, кто спросит что-либо по поводу моих волос, – предупредил он, – будет мною покалечен.

Впрочем, Кнультссон скоро не выдержал и сам все рассказал.

Оказывается, пока Хельг и остальные отсутствовали, в комнату заглянул Фрост Игмундссон, знакомый Фридмунда, и позвал его с собой посмотреть на «зрелище что надо». Ротная девочек постригла их на плацу прямо перед залом-амфитеатром, а теперь они подметали свои же волосы.

– Ротная у них – вообще зверь! – махая руками, рассказывал Фрост, пока они шли к плацу. – Не повезло девчонкам! Наш ротный куда лучше!

– Да, Вальди – классный мужик. – Фридмунду не терпелось посмотреть на стриженных девчонок, и он ускорил шаг.

Когда они пришли, девчонки уже почти все вымели. Кроме Фроста и Фридмунда поглазеть на постриженных девочек пришли еще несколько парней. Увидев, как смешно девчонки выглядят без своих роскошных причесок, Фридмунд не смог удержаться и захохотал. Девочки вздрагивали, косились на него, но никто из них не переставал подметать, а те, кто не подметал, не выходили за некие пределы отведенных им частей площади.

Фрост хихикнул вслед за Фридмундом.

– Ну что, Гурда, кому ты теперь нужна?! – крикнул Игмундссон. – Ты без своих кудрей вообще страшная! Никто тебя замуж не возьмет!

Гурда заплакала. Она как раз подметала свои волосы, и слова парня, видимо, сильно задели ее. Фридмунд перестал смеяться и хотел сказать, чтобы и Фрост прекратил, но не успел. В следующий миг словно железная рука «эйнхерия» схватила рыжего за волосы и вытащила на плац. Рядом взвыл Фрост, волосы которого оказались в такой же мертвой хватке.

Сержант Сигрид Кнутсдоттир неторопливо протащила воющих от боли парней по площади, остановилась в середине и отпустила их.

Фрост еще кричал, держась за голову, а Фридмунд, как только пальцы ротной разжались, попытался удрать. Однако удар по ногам, такой быстрый, что его невозможно было заметить, остановил попытку бегства.

– Итак, рота, – сержант схватила парней за воротники рубаш и приподняла, – на время можете прерваться. Посмотрите внимательно, что можно сделать с противником, если сосредоточиться на его голове.

И она небрежно вырвала клочок волос из головы Фроста. Крик Игмундссона, наверное, слышали даже на Маркланде.

Девчонки смотрели во все глаза.

– Противник обезврежен, – констатировала женщина. – Боль мешает ему оценить ситуацию и быстро принять решение. Теперь с ним можно сделать следующее...

Она ударила Фроста в живот, да так сильно, что Игмундссона подкинуло в воздух. При этом сержант продолжала держать Фридмунда, он ей совершенно не мешал. Фрост моментально потерял сознание и упал. Удар ротной оказался для него слишком силен.

– Вот что еще можно сделать с противником, – холодно продолжила Кнутсдоттир.

Подтолкнув Фридмунда вперед и отпустив, она быстро переместилась, оказавшись перед ним, присела, схватила его за растрепавшиеся волосы. Одновременно рванув голову парня вниз и приподнимаясь, сержант ударила коленом в горло рыжего. Такой удар мог убить. Ротная остановилась в самый последний момент, когда коленка почти соприкоснулась с кадыком.

– Надеюсь, теперь вам все понятно. – Кнутсдоттир холодно оглядела заворуженно следящих за ее действиями девчонок. – Думаю, вам больше не стоит сожалеть о бесполезных волосах. Хороший солдат думает об эффективности, а не эстетике.

Снова схватив Фридмунда за волосы, ротная легко, рывком, приподняла его.

– Думаю, мы поможем юноше стать эффективным солдатом, – задумчиво произнесла сержант и взмахом руки подозвала женщину из obsługi. Взяв у нее бритву, Кнутсдоттир несколькими быстрыми движениями обрила Фридмунда налысо...

– А потом она сказала, чтобы я шел плакаться Вальди... – угрюмо закончил Кнультссон. – И еще Фроста заставила тащить. Правда, я его в парке оставил, он тяжелый. И это из-за него мне досталось!

– И что ты теперь думаешь делать? – спросил Рунольв. – Так же, наверное, нельзя...

– Думаю, пойду посмотреть на турсы, – задумчиво сказал Фридмунд. – Я еще никогда не видел ни одного так близко. Думаю, успею сбегать к ангару и обратно до вечера.

– Я имел в виду волосы... – неуверенно заметил Хаймссон.

– Ты знаешь... – рыжий внезапно улыбнулся, – я должен быть благодарен этой ротной. Теперь я знаю пару приемчиков, которые на мне другие не смогут применить. – Он выразительно посмотрел на шевелюру Катайра. – И вам, парни, я советую тоже налысо постричься. Девчонки, как мне кажется, запомнили все, что им Сигрид показала.

– Ни одна девчонка не сможет меня победить, – фыркнул Катайр.

Хельг кивнул, поддерживая его слова. А Рунольв замялся.

– Наверное, я тоже постригусь, – сказал он.

Фридмунд вскочил.

– Пошли, я проведу тебя к брадобрею. Он тут неподалеку. Повстречал его, когда Фроста оставил в парке и шел в корпус. Брадобрей еще спросил, кто меня так хорошо обрил. – Фридмунд засмеялся. Он будто позабыл об испытанном унижении и снова был полон энтузиазма. – Потом вместе пойдем смотреть на турсы. – Он подмигнул остальным. – А еще надо будет сходить ближе к вечеру посмотреть на старшекурсниц! Я тут порасспрашивал, говорят, их корпус неподалеку. И душевые тоже на втором этаже! Можно будет... гы-гы-гы... подсмотреть... – Кнультссон покраснел, глупо улыбаясь.

– А ты не думаешь, что старшекурсники этого не одобряют? – поинтересовался Хельг.

– Так мы же тайно!

– А-а, ну, тогда это в корне меняет суть дела. – Хельг усмехнулся. – Вечером увидимся.

Фридмунд и Рунольв ушли. Гальт и сванд сложили форму в тумбочки, и, не сговариваясь, усталились на храпящего Свальда.

– Что теперь будем делать? – спросил Катайр. Уточнил: – С храпом что будем делать?

– Я даже не знаю, – пожал плечами Хельг. – Предлагаю пока пойти осмотреться. Можем сходить в читальный зал, посмотреть, что у них здесь за литература, взять абонемент.

– Можно, – согласился Катайр. – Если честно, я думал, нас сразу тренировать начнут, а вон сколько времени свободного оказалось.

– Девчонкам так не повезло. – Хельг подумал, что с сержантом Сигрид Кнутсдоттир лучше не связываться. Они вышли из комнаты, заперли ее и пошли по коридору. – Однако не думаю, что нам стоит радоваться попустительству Вальди.

– Почему?

– Потому... – Хельг усмехнулся. – Не удивляйся в будущем, Катайр, когда на второй курс перейдут почти что одни девчонки.

– Гм... – Во взгляде Катайра скользнуло недоверие. – Ты их видел? Почти все они – самовлюбленные дуры, ведущие себя так, будто они мэйджоры чуть ли не самого Дома Солнца. Вряд ли кто-то из них держал в руках оружие.

– А ты держал?

– Ну, приходилось. – Гальт смутился. – Меня учили стрелять из лука и сетестрела... брахмапаши то есть. И немного бою на топорах.

– На топорах?

– У нас на севере мечу и шпаге предпочитают топоры и секиры. Ты разве не знал?

– Откуда мне знать?

– Ты почти всегда ведешь себя так, будто ничему не удивляешься. Словно ты не первый год в академии. Я бы даже сказал: ты будто и о других знаешь все.

«А ты проницательный парень, Катайр...»

– Мне кажется, ты ошибаешься.

– Правда?

– Конечно же. Я не знаю всего. Например, я совершенно не могу себе представить, как нам избавиться от храпа Свальда.

Круанарх рассмеялся.

– Ладно, Хельг. Мы еще слишком мало знакомы, чтобы делиться своими тайнами друг с другом, верно?

– Ты прав, – Хельг отметил, что Катайр неосознанно (или осознанно?) проговорился, что и у него есть тайна. – Надеюсь, скоро мы станем друзьями и у нас не будет тайн.

– Я надеюсь на то же самое. – Катайр улыбнулся.

А Лис глубоко в душе осклабился: «Да, Катайр. Надейся. Теперь я знаю, чем ты интересовал меня. У тебя тоже есть цель. У тебя тоже есть тайна. Мы отчасти похожи. Я вижу

– ты станешь хорошим бойцом. И я сделаю все необходимое, чтобы помочь тебе в этом. Мне нужны такие, как ты!»

Хельг улыбнулся и остановился.

– Тогда давай дадим обещание помогать друг другу – даже когда будем врагами в играх. Будем биться друг с другом, не сдерживаясь, будем учиться на ошибках друг друга, будем честными врагами и верными друзьями. – И он протянул Катайру руку.

Гальт замешкался, удивленно глядя на западника. Кажется, он не ожидал такого прямого предложения дружбы. Но затем он быстро и крепко пожал протянутую руку.

– Будем честными врагами и верными друзьями, – повторил он вслед за Хельгом. И широко улыбнулся, радуясь новому другу.

Альдис Суртсдоттир

На складе было пыльно и пахло лавандовым порошком. У Альдис сразу засвербело в носу, и она неудержимо расчихалась. Впрочем, не она одна. Полненькая, добродушная интендантша перед выдачей обмундирования добросовестно обмеряла каждого курсанта, из-за чего у входа поднялся шумный гомон и давка. Самые языкастые из девушек уже успели придумать для сержанта Кнутсдоттир прозвище – Мурена и сейчас на все лады склоняли привычки и внешность своего командира.

– ...потому что она страшная, как чума. Завидует всем, кто хоть немного красивее каратицы...

– ...но вы видели, как она его за волосы!

– Я майнор Горнего Дома! Чтобы подметать, есть слуги...

Альдис с молчаливым презрением игнорировала подобные разговоры. В этом вороватом обсуждении было что-то холуйское, недостойное дочери эрла. Ни одна из девчонок не посмела бы повторить и десятой доли своих слов в лицо Сигрид Кнутсдоттир.

Сигрид поразила Альдис. И не просто поразила. Альдис призналась самой себе, что восхищается этой женщиной – сильной, спокойной, уверенной в себе, несмотря на жуткое уродство. О, она многое бы отдала, чтобы стать похожей на сержанта Сигрид.

Наконец дошла очередь и до нее. Интендантша вручила Альдис два комплекта формы. Темно-синие брюки и куртка из плотной немаркой ткани с вышитой золотистыми нитками на рукаве эмблемой академии. К форме прилагались высокие ботинки, белая рубаха, короткий плащ с прорезями для рук, шейный платок, фуражка и перевязь с множеством разнообразных карманчиков и петелек.

Несколько сокурсниц тут же попытались примерить обновки. Альдис тоже очень хотелось, но она терпела. Они все еще успеют набегаться в форме, гражданскую одежду в академии никто не носил.

Вскоре выяснилось, что она поступила правильно. В самый разгар веселья заявила сержант Сигрид и все испортила:

– Рота, стройся! Отправляемся на поселение!

Ждать, пока подопечные снимут мундиры, она, разумеется, не стала, и им пришлось догонять остальных в форме, кое-как напяленной поверх обычной одежды.

– Заходим по одному и строимся в холле в три шеренги, – скомандовала сержант Сигрид. – Если будет табор вместо строя, заставлю вылизывать корпус и прилегающую территорию.

Угроза возымела действие, девушки построились удивительно быстро. Не было ни пиханий, ни просьб к соседкам «поменяться местами», ни суматохи.

– Это – корпус для первокурсников. Ваш дом на ближайший год. Девочки проживают в правом крыле. На первом этаже – десять жилых комнат, на втором еще четырнадцать. Каждая комната рассчитана на пятерых. Еще на втором этаже находятся душевые кабины и класс для самостоятельных занятий. Ежедневно в первой половине дня приходит уборщица. Обычно в эти часы вы на занятиях. Грязное белье и форму нужно сдавать кастелянше в прачечную. Теперь знакомьтесь. – Она кивнула в сторону смуглой черноволосой женщины, сидевшей за столом у входа. – Это – Амрита Джохы, ваш комендант. Она отвечает за то, чтобы в корпус не ходили посторонние и следит за порядком там, где это не делаю я. Со вторым комендантом я вас познакомлю позже. Сейчас Амрита скажет, кто из вас в какой комнате будет жить.

Женщина встала, коротко, по-военному кивнула:

– Итак, – она достала список. – В комнату один-десять отправляются Джинлей Ли, Лакшми Сингх, Гурда Тьерсдоттир...

Альдис перестала вслушиваться. В отличие от остальных девчонок, ей было все равно, с кем ее поселят и на каком этаже.

– ...Хитоми Ода, Томико Накамура и Альдис Суртсдоттир в комнату один-восемь.

– Но мы не хотим жить с ней! – возмутилась высокая, стройная и гибкая как тростинка ниронка.

Две соотечественницы поддержали ее негромкими одобрительными возгласами. Третья, невысокая и хрупкая, безразлично скользнула взглядом по Альдис.

– Я не ослышалась – ты собираешься оспорить приказ своего командира? – ледяным тоном поинтересовалась Сигрид Кнутсдоттир. – Тебе напомнить, что за это полагается?

– Нет... не надо, – сглотнула ниронка.

– Нет, сержант Кнутсдоттир, – поправила ее женщина все тем же ледяным тоном.

– Нет, сержант Кнутсдоттир, – покорно повторила девушка. – Я все поняла.

– Тогда не отнимай мое время. На заселение дается тридцать минут. – Она коротким кивком указала на часы в углу. – Через полчаса жду вас всех в холле. В мундирах. Кто опоздает, останется без обеда.

Что здорово, десятая комната находилась на солнечной стороне. Альдис любила солнце, а могущественное божество было редким гостем среди серых скал Акульей бухты.

– Так, я сплю у окна, – сразу объявила ниронка, только что спорившая с сержантом Сигрид. – Нанами и Риоко рядом. А вы, – она кивнула в сторону Альдис и еще одной девочки, – у входа.

Альдис пожала плечами. Кровати были совершенно одинаковыми, как и тумбочки рядом с ними. Если этой девчонке так необходимо восстановить в глазах подружек растоптанный Сигрид Кнутсдоттир авторитет, пусть командует. Все равно от окна дует.

Она быстро разложила свой немудреный багаж и наконец-то смогла примерить форму.

Взглянув в зеркало, девушка испытала удивительное чувство отчуждения. Из зазеркалья на нее с любопытством глазел худенький парнишка с торчащим во все стороны пушистым облачком пепельных волос. Косой крой форменной куртки скрывал и без того небольшую девичью грудь, придавая фигуре Альдис мужские очертания. Было тому виной освещение или новая прическа, но лицо словно стало более угловатым и резким. Заострились скулы, губы сложились в упрямую линию, темные глаза и брови на бледном лице притягивали к себе взгляд.

«Я похожа на мальчика!» – зачарованно подумала Альдис.

Это было так необычно и так... здорово!

А мундир был невообразимо прекрасен. Он являл собою овеществленную мечту, воплощение идеального Мундира. Короткая темно-синяя курточка сидела так, будто была сшита специально на Альдис. И пояс с тяжелой хромированной бляхой был хорош. И темно-синие прямые брюки были не длинны и не коротки, и ворот белой рубашки выглядывал из-под куртки ровно на положенные два сантиметра. А как классно смотрелся золотой кант и блестящие тяжелые пуговицы на темно-синем фоне! Как стильно дополняли куртку широкие отвороты на рукавах и воротнике!

Раньше Альдис не слишком-то себе нравилась в зеркале, но теперь... О, теперь она могла любоваться на отражение долго. Минут десять или даже пятнадцать.

Десять минут девушка добросовестно вертелась перед зеркалом, пытаясь рассмотреть себя со всех сторон. Соседка-ниронка снова вспомнила о ней как раз в тот момент, когда ей почти надоело это занятие.

– Эй, ты, послушай! Я – Томико Накамура, майнор Дома Белой Хризантемы. Это мои вассалы: Нанами Кобаяси, Риоко Тагути и Хитоми Ода. – Она сделала многозначительную паузу и выжидающе посмотрела на Альдис.

– Альдис Суртсдоттир из Акульей бухты, – вежливо ответила девушка. Ей не очень хотелось общаться, но раз уж судьба свела ее с этими девчонками, надо постараться найти общий язык... Или хотя бы научиться их различать.

Не врут, что ниронцы все на одно лицо! Альдис поняла, что уже не может вспомнить, как кого из них зовут. Одинаковые короткие стрижки усугубляли ситуацию.

Она постаралась сосредоточиться. Так, Томико – самая высокая и самоуверенная. Хитоми, наоборот, самая маленькая. Девушка с встрепанной шапкой каштаново-рыжевато-волос, что с обожанием льнет к Томико, – Нанами. А Риоко – задумчивая красавица с фарфорово-бледной кожей и огромными темными глазами.

Томико еще тянула паузу и смотрела на Альдис так выжидающе и пытливо, что та даже задумалась, не упустила ли она какую-нибудь важную деталь ритуала знакомства.

– Э-э-э... очень приятно, – добавила девушка, чтобы прервать затянувшееся молчание и, решив, что исполнила свой долг вежливости, повернулась к двери.

– Ты не сказала, из какого ты Дома, – напомнила Томико.

А! Так вот что ее тревожит. Ну, по знатности Альдис и не собирается с ней конкурировать.

– А я и не из Дома. Мой отец был просто эрл.

– Тогда кому присягал глава твоего рода?

– Насколько я знаю, никому, кроме конунга. – Альдис чуть не засмеялась, представив эрлу Ауд, дающую вассальную клятву. Прямо в заштопанном платье, заляпанном рыбьей чешуей.

– И ты никому не приносила клятвы? – продолжала допытываться ниронка.

– Нет.

– Это хорошо. Тогда ты можешь стать моим вассалом, – объявила Томико.

– Ты это серьезно?

– Да. – Томико кивнула с важностью. – Присягу на верность Дому Белой Хризантемы может дать любой воин, вне зависимости от знатности его рода. В войске моего отца не каждый самурай носит громкое имя, но трусов среди них нет, и он со всеми одинаково любезен и милостив.

– Звучит соблазнительно. – Альдис мужественно сохранила серьезное лицо, хотя смех так и распирал ее изнутри. – Но я, пожалуй, откажусь.

– Почему?

– Потому что не хочу.

Томико недовольно сощурилась:

– Ты хочешь присягнуть другому Дому?

– Я вообще никому не хочу присягать.

– Послушай! – Голос ниронки зазвучал выразительно и даже страстно. – Думаешь, нас просто так поселили всех в одной комнате? Сейчас все майноры Горних Домов собирают вокруг себя вассалов. Вассальная клятва даст тебе защиту и позволит войти в наш Дом. Ты не сможешь быть одна. И мы не потерпим в нашей комнате чужого самурая.

Альдис на секунду задумалась. Не было ли это правдой? Еще на корабле девушки собирались в группы, враждовали и заключали союзы, но тогда ее это мало интересовало. Означало ли данное отцу обещание «не высовываться», что она должна примкнуть к группе Томико и произнести вассальную клятву?

Но Альдис до смерти устала плясать под чужую дудку. С нее хватило эрлы Ауд, подчиняться незнакомой девчонке, которая не имеет за душой ничего, кроме знатного имени, – это уже перебор.

– Я не буду ничьим самураем. Ты вообще слышала, что сказал наставник? На Виндерхейме все эти штучки-дрючки с Горними Домами не имеют силы. Так что отвяжись от меня. Иди вон сержанту Кнутсдоттир предложи вассальную клятву принести.

Наградой за последнюю колкость стала робкая улыбка на лице Хитоми и ярость Томико.

– Ты совершаешь ошибку, – произнесла она свистящим шепотом. – Дочери худородной свиньи была предложена великая честь. Но в следующий раз тебе придется очень долго упрасивать, чтобы я приняла твою клятву.

«Какого йотуна! – подумала Альдис. – Отец бы меня понял».

– Отвяжись, а? Все знают, что когда турсы громили дворец микадо, на островах вашего Дома не осталось ни одной пары чистых хакама. Нет большего позора для эрла, чем служить Дому Белой Хризантемы. Если у вас есть хоть капля мозга, – теперь Альдис обращалась к трем девчонкам-«вассалам», которые молча стояли рядом, – то вы пошлете эту каракатицу с ее клятвами в Мировую Язvu вместо того, чтобы таскаться за ней и целовать ее именитую задницу.

Иногда на Альдис накатывало... В такие минуты ее рвало словами – злыми, ехидными, переполненными ядом и насмешками. В такие минуты она действовала не рассуждая и не думала о последствиях. В такие минуты она вообще не думала. Она была как взведенный арбалет, как заряженная баллиста. Кто-то незримый и неощутимый спускал тормоз, отпустил рычаг, и она становилась стрелой, становилась словом, движением, ударом, плевром, толчком, криком...

Но расплачиваться за это приходилось всегда.

В комнате повисла тяжелая пауза. Томико побледнела и до хруста сжала зубы. Альдис плюхнулась на кровать. Как и всегда после таких вспышек, накатилась слабость.

«Кажется, сейчас придется драться, – мелькнула мысль где-то на краешке сознания. – Только бы мундир не порвали...»

Шесть ненавидящих раскосых глаз прожигали ее насквозь. И еще – скользнул интерес в безразличных глазах Хитоми.

«Зря я все это сказала. Теперь не высовываться будет сложнее...»

Томико молчала, остальные девочки вопросительно поглядывали то на нее, то на Альдис.

«Интересно, справлюсь ли я одна с ними всеми?»

– Мы заставим тебя жрать землю, выть от боли, ползать, рыдать и просить прощения, – наконец прозвучали слова Томико. – Ты проклянешь тот день, когда осмелилась запачкать своим грязным языком имя Горнего Дома...

«Нет, без оружия я со всеми не справлюсь».

– Ну, давай, – угрюмо согласилась Альдис. – Вы, ниронцы, похоже, только вчетвером на одного побеждать умеете.

– Я накормлю тебя помоями и в одиночку!

«О! Это уже хорошо. Если я побью ее, все эти игры в Горний Дом можно будет прекратить».

– Не дело сюзерена марать руки о зарвавшегося смерда, – раздался голос молчавшей до этого Риоко. – Для того существуют вассалы. Пусть твой самурай накажет наглеца.

«Умно, – со злостью подумала Альдис. – Если одна из девчонок побьет меня, то почет и уважение всей компании. А если я ее побью, то авторитет Томико не пострадает».

– Да, ты права. – Томико обернулась к Хитоми и что-то сказала ей по-ниронски.

Альдис напряглась, пытаясь уловить смысл. Такаси обучал ее основам ниронского, но она слишком мало успела усвоить...

Хитоми отрицательно покачала головой. Томико отмахнулась и повторила свои слова еще более настойчиво. К ней присоединилась Риоко и Нанами. Наконец Хитоми сдалась и кивнула.

– Мой самурай будет драться с тобой, – объявила Томико.

Остальные девушки как по команде забрались с ногами на кровати, и в центре комнаты внезапно стало очень просторно. Альдис медленно встала.

Хитоми еще не успела переодеться, и просторная ниронская одежда только подчеркивала ее хрупкость. Она была почти на голову ниже Альдис. Но когда Альдис увидела, каким слитным, плавным движением маленькая ниронка скользнула в традиционную для начала схватки позицию, она поняла, что не выиграет в этой битве.

Все завершилось меньше чем за минуту. Короткий поклон, обжигающая боль в правой руке. Внезапно очень близко, прямо перед глазами, оказалась ножка кровати, и Альдис ощутила холодный поцелуй каменного пола на правой щеке.

Она лежала на полу, а маленькая ниронка держала ее в простом, но очень эффективном захвате. Можно было бы попробовать вырваться, но для контрприема была нужна правая рука, а Альдис ее почти не чувствовала.

Послышались шаги, и перед лицом появились чьи-то ножки, обутые в гэта – ниронские деревянные сандалии.

– Ну, что ты теперь скажешь про мой Дом, грязная собака? – раздался откуда-то сверху голос Томико.

– Все, что я хотела сказать, я уже сказала, – прохрипела Альдис, глотая выступившие от боли слезы.

Подошва сандалии аккуратно опустилась на пальцы правой руки.

– А теперь? – доброжелательно и почти нежно поинтересовалась Томико.

Всеотец, больно-то как!

– Иди к йотунам!

– А теперь? – Носок гэта с размаху врезался в плечо.

Альдис выругалась словами, которые не раз слышала от рыбаков, но никогда ранее не произносила вслух, и дернулась, пытаясь скинуть Хитоми со спины. В ответ хватка клещей на запястье и у локтя усилилась.

– Где тебя воспитывали, тварь? – показательно возмутилась Томико. – Твой язык грязнее, чем мои сандалии. Позже я заставлю тебя вымыть его с мылом.

Как в подтверждение своих слов, она прошлась подошвой по губам Альдис и даже попыталась запихнуть ее девочке в рот.

– Продолжим обучение хорошим манерам...

– Томико! – низкий звучный голос Риоко прервал экзекуцию. – Полчаса почти прошли. Мы можем опоздать.

– Хорошо. На этот раз тебе повезло. – Подошва гэта легла на щеку Альдис. – Но помни: я заставлю тебя взять назад слова о моем Доме и убраться из нашей комнаты.

– Томико, оставь ее. Мы не успеем переодеться.

Тяжесть, давившая на спину, внезапно исчезла, и Альдис обнаружила, что может двигать левой рукой. С правой все было сложнее – она до сих пор отзывалась короткой пульсирующей болью. Закусив губу, чтобы не стонать, девушка стянула куртку и ошупала руку. Все-таки повезло – перелома не было, хотя в районе локтя уже наливался здоровенный кровоподтек. На предплечье краснел второй кровоподтек, повторяющий форму сандалии Томико. Еще несколько синяков поменьше обещали вскоре появиться на левой руке – пальцы

у малявки Хитоми оказались стальными. Но здесь Альдис сама виновата – не стоило трепыхаться.

Соседки успели переодеться и уйти, значит, можно было уже не сдерживаться. Если бы Альдис не прошла драконью школу эрлы Ауд, она бы разревелась от унижения, обиды и жалости к себе.

Прошедший год был щедр на уроки. Слезы ничего не значили и ничего не решали, тратить на них время и силы было расточительством, а она не могла позволить себе стать расточительной или слабой.

Кое-как натянув мундир, Альдис побежала на обед.

Intermedius

Кураторы

– Что скажете, наставник? Как вам новый набор?

Наставник Ингиред обернулся и досадливо поморщился:

– Гуннульв, твоя манера подкрадываться сзади раздражает.

– Ну, прости. – Храмовник подошел к краю террасы и проследил за взглядом собеседника. Внизу на плацу новенькие девочки под руководством ротного командира отрабатывали построения.

– Зрелище, достойное слез, – понаблюдав пять минут за неуклюжими движениями «птенцов», прокомментировал храмовник. – Даже Всеотец хмурится, глядя на это непотребство.

Действительно: безоблачное с утра небо во второй половине дня заволокло серыми облаками.

– Так бывает всегда, ты же знаешь, – пожал плечами Ингиред.

– Знаю, – кивнул храмовник. – Я сам отбирал их и в своих детях вполне уверен. Но двадцать один отпрыск Горних Домов... Я не помню такого урожайного года.

– Слухи ползут, несмотря на все усилия Храма. Каждый Горний Дом захочет иметь пилота «берсерка».

– Будь моя воля, я бы вообще запретил поступление без одобрения Храма, – сердито заметил храмовник. – Большинство этих майноров ни на что не годны. Мусор, шлак.

– А вы ожидали, что нам пришлют лучших, пресветленный Гуннульв? – Ингиред мастерски скопировал вкрадчивые интонации собеседника, что заставило храмовника еще больше нахмуриться.

Несколько минут они стояли в молчании.

– А где мальчики? – нарушил тишину отец Гуннульв.

– У Вальди своя методика.

– Дом Небес и Дом Огня прислали своих майноров. Вальди об этом знает?

– Прибудь к нам хоть все майноры Дома Солнца, для Вальди нет разницы между учениками. – Ингиред усмехнулся.

Снова пауза. Не томительная и неловкая, когда собеседники не знают, о чем говорить. Двое на террасе молчат потому, что понимают друг друга без слов.

– Мы дали им лучших ротных и создали все условия.

– Все равно до пятого курса дойдет только двадцать. – Храмовник покачал головой.

– Если бы не условия мирного договора... – Ингиред нахмурился. – Мне не очень-то приятно переводить половину будущих пилотов на «эйнхерии». Ты бы видел лица этих детишек.

Душевед издал тихий смешок:

– Зато остаются лучшие из лучших.

– В такие минуты я рад, что до пятого курса доучивается только половина, хотя обычно мне жаль ресурсов, потраченных на бездарных курсантов.

– Не жалея. Храм не всеведущ и тоже ошибается. Иногда и здоровое зерно не дает всходов.

– Половина здоровых зерен не дает всходов, – пробормотал наставник. – Столько напрасной работы...

– Ты знаешь метод лучше нашего? – резко спросил отец Гуннульв.

– Нет.

– Тогда не критикуй. Мы больше ста лет строим турсы, но до сих пор не понимаем, что делает человека пилотом. Сила воли? Да. Воля к победе? Да. Лидерские качества? Да, йотуны меня побери. Но есть что-то еще. Умение командовать, умение подчиняться... Т-фактор.

– Т-фактор?

– Так называют его мои братья. Он не выявляется стандартными тестами. Мы можем предположить после беседы, что ребенок *способен* стать пилотом. Но раскроет ли он свой потенциал, не знает никто, кроме Всеотца.

– Возможно, стоит разработать тесты получше.

– Да? – Храмовник скептически прищурился. – Наставник Ингиред, я же не учу вас, как нужно преподавать фехтование. Орден бьется над этой проблемой уже сто лет, но не смог предложить ничего лучше. Т-фактор – это смутная тень будущего величия. Он не улавливается приборами. Только человек может почувствовать его в другом человеке. И то не всегда.

– Может, стоит спросить у Всеотца?

Отец Гуннульв отрицательно покачал головой:

– Если бы Он, в великой милости Своей даровавший Мидгарду турсы, пожелал открыть нам это знание, Он сделал бы это сразу. Он хочет испытать нас...

– Тогда стоит признать, что мы не оправдали Его надежд.

– Испытание еще не закончено, а «берсерки» – знак, что мы следуем верным путем.

И все же – как тебе эти дети?

– Дети как дети. Разные. Завтрашнее испытание покажет, кто чего стоит.

Из дневника Торвальда

День в очередной раз оказался никаким. Нас опять гоняли на симуляторах, но симуляторы только раздражают.

А мне хуже всех. Никто из моих товарищей меня не поймет – потому что никто из них не был богом неба.

Я скучаю по лазурной глади, по которой мог скользить; скучаю по густоте облаков, которые мог трогать; скучаю по игре со звуком, с которым мчался наперегонки, пытаюсь доказать, что я быстрее.

На земле – пресно. Я рожден на земле, но я рожден для неба. Я хочу еще раз потягаться с богами небес, я хочу еще раз рвануться к Обители Бога-Солнца, я хочу...

Я должен выиграть турнир. Пишу эти строки, зная, что обманываю сам себя. Я уже не выиграю его. Буду честен. Пускай я весь день готов ругать наставников последними словами (и ругал, как же без этого!), но виноват я сам. Это моя вина, что у меня, оказывается, есть навыки воспитателя. Об этом я узнал рано утром. А к моменту прибытия «птенчиков» об этом знали уже все. Все – это мой курс. Козлы. Хоть бы кто пожалел. Скалили зубы и ехидничали, что, мол, Тор, который терпеть наставников не может, сам наставником станет. Чтоб их всех! И сокурсников моих, и наставников, которых я действительно терпеть не могу. Но терплю. Так терплю, что мне медаль дать надо!

– При поступлении и во время обучения ты проявил неплохие лидерские навыки, при этом как раз в нужном нам ключе – педагогические. Ближайшие три года ты будешь вожатым команды.

Когда наставник Рунгард сказал это, я еще подумал, что продолжаю спать и видеть кошмар. Но когда мне вручили значок вожатого и пальцы ощутили холодный металл, я отчетливо понял, что не сплю и это кошмар наяву. Во сне я бы обратил йотунов значок в прах огненным плевком. А следом – и наставника Рунгарда. В прах. Обратил бы.

Во сне я частенько такое проделываю.

А в реальности что-то не получается...

Теперь из экипажа Брунхильды выведут твейра и фрира. Оставят только эйна, меня. Лишат нашу Брунхильдочку лучшего на курсе спеца по защитным полям и второго (после меня, правда) оружейника! А взамен – неопытных детишек, сопливую ребятню, малолетних балбесов, которым до идеальной синергии с «валькирией» еще года четыре учиться. Это если они еще останутся в академии к тому времени.

Так что прощай, турнир, прощайте, небеса, где я мог стать богом. Прощай, моя мечта...
(*Неразборчиво. Зачеркнуто.*)

Днем мы ходили смотреть на «птенцов». Неужто и мы выглядели такими... наивными? Неужто были настолько восхищены академией, что за деревьями не видели леса? За волнами – моря. За каплями – дождя. За... (*Зачеркнуто. На полях приписка: «Кончай придури-ваться, Тор. Скальдом тебе не быть!»*)

– Кому-то из них ты скоро станешь роднее матери, – скаля зубы, сказал прыщавый Торвар.

Мне захотелось вырвать все его зубы и сделать из них ожерелье. Я ограничился коротким замечанием по поводу прыщей Торвара. Он ужасно из-за них мучается. Теперь до конца дня будет ходить и страдать, ха! Пусть знает, как задирать меня!

– Как бы ты к этому ни относился, ничего с этим не поделаешь, – пряча улыбку, возникшую при виде обиженных гримас Торвара, сказала Рангфрид. – Считай это не тяжелой ношей, а почетной обязанностью. Ведь из всех нас выбрали только тебя.

– Угу, – только и промычал я в ответ.

Рангфрид мне нравится. А особенно – ее длинные золотистые волосы, которые она заплетает в толстую косу. Великий Бог-Солнце, как же мне нравятся ее волосы! Я готов отдать многое, лишь бы... *(Тщательно заштриховано. На полях приписка: «Держи себя в руках!»)*

– Ну и что теперь, Тор? – спросил Хрут, с виду сонливый и готовый захрапеть на ближайшем удобном пригорке. В первый и второй годы этот его вид постоянно вводил в обман противников Хрута. Мало кто в нашей академии имеет такие успехи в безоружном бою и фехтовании, как он. Наставница Нода не раз ставила его в пример даже ниронцам со старших курсов. И эти ниронцы так обиделись на Хрута, что решили устроить ему темную. Наша Хальберушка, медик наш ненаглядный, хоть и злюка, потом неделю их в лазарете держала. Идиоты. Кейко же не зря Хрута им в пример ставила!

Как хорошо, что его определили ко мне твейром. Такого чуткого к силовым полям пилота попробуй еще найди в нашем наборе! Да и в других наборах отыскать подобного Хруту будет трудно. А вот сделали бы Хрута эйном – быть мне его твейром или фриром. И ничего бы я с этим не смог поделать.

Не темную же ему устраивать!

– Ты так надеялся на Великий турнир. – Хрут лениво смотрит на драку, которую затеяли «птенчики». – И что теперь, откажешься участвовать?

– А с кем ему участвовать? – Вандис, моя великолепная оружейница, презрительно фыркнула. А презрительно фыркать – это у нее от Всеотца. Даже Великий конунг, да хранят его боги неба, не сумел бы вложить в свое фыркание столько спеси и презрения к мелким людишкам, мельтешавшим вокруг. – Мы теперь сами по себе, а он будет этих воспитывать.

Столько недовольства было в ее словах, что «этих», которые попадут под мое «вожатство», мне даже стало жалко. Вандис такая, что еще поймает их и выпорот, хорошенько так выпорот – собственноручно стащенной у наставника Ингиреда плеткой-семихвосткой.

Я ее боюсь, да. Есть в ней что-то схожее с морем Мрака – таинственное, мрачное и разрушительное. Когда мы мчим нашу Брунхильдошку по полям небесных богов, Вандис полностью послушна и иногда даже предугадывает мои команды. В небе я ее обожаю. На земле – боюсь.

– Без Великого турнира у тебя мало шансов получить... ну, ты знаешь...

Вандис, мое грозное великолепие, которое делает Брунхильду непобедимой в поединках один на один и даже один против двух, конечно, я знаю. И ты знаешь, и Хрут знает. Знаете, чего я хочу больше всего на свете.

Как же я ненавижу академию!

Как же я не могу без академии!

Только она может сделать меня богом в небесах, и она же может превратить меня в червяка под лязгающей «подошвой» турса.

Судя по всему, последнее как раз и пытаются сделать. Иначе как понять назначение меня вожатым, если все наставники, а может быть, и сам Вебьёрн Ольфссон, в общем, все, кто тут руководит, знают, для чего я собирался участвовать в Великом турнире.

Козлы. Все. Абсолютно все. Кроме разве что Рангфрид. Она – хорошая.

(Торопливая приписка на полях: «Хрут, Вандис, если вы это когда-нибудь найдете и прочитаете – вы не козлы! Вы тоже хорошие!»)

Хрут и Скегги ни с того ни с сего затеяли перекидываться мячиками. Есть такая забава у твейров – бросать друг в друга маленькие мячи, старательно вырабатывая ритм бросков, а потом резко его меняя и начиная рваные подачи. Но зачем они принялись этим заниматься прямо в тот момент – ума не приложу.

Пока мы все молча созерцали игру Хрута и Скегги (и Скегги, на удивление всем, явно выигрывал!), драка «птенчиков» закончилась. Вмешался наставник Ингиред. У, я его...

(Тщательно замазано.)

В общем, козел он. Предводитель всех козлов.

«Птенцов» увели на церемонию Посвящения, а мы, «ястребы», неторопливо потащились обратно в жилой корпус. Новый набор впечатления не производил. В целом, как заметил Торвар, ни одной симпатичной девчонки. На что Линэд заметила, что даже будь там симпатичные девчонки, Торвар с его прыщами им и к йотуну не сдался. Торвар помрачнел пуще прежнего, а Скегги добил его вопросом:

– Ты чего на малолеток засматриваешься, Тори?

В общем, остаток пути мы провели, подробно обсуждая вкусы и пристрастия Торвара.

Зря мы так. Он среди нас лучший в технике. Подкрутит гайку где не надо – и развалятся наши «валькирушки» прямо в воздухе. В самый неподходящий момент.

В целом вот так прошел сегодняшний день. Никак. И день дурацкий, и «птенцы» дурацкие, и вообще. Разве что Сигрид порадовала, устроив очередной спектакль со стрижкой первокурсниц. Нашим девочкам повезло, им ротной досталась Хельда, а не эта меченая бестия.

Но все равно скучно.

На сегодня хватит. Пора спать.

(Мелкая приписка на полях: «Все-таки мне стало немного жаль этих ребяташек. Они прибыли стать пилотами «валькирий» и совершенно не подозревают, что их ждет. Начиная уже с завтрашнего утра, м-да...»)

Часть вторая Пещера

Хельг Гудиссон

Он проснулся от того, что кто-то стоял рядом с кроватью. Едва сдержавшись, чтобы не вскочить и начать защищаться всем, что окажется под рукой (а вдруг это Свальд?), Хельг переборол себя и чуть приоткрыл глаза. Серость раннего утра ползала по комнате, окрашивая все вещи в единообразный цвет. Катайр (именно он стоял возле Хельга) напряженно вглядывался в окно.

«Чего ему не спится? – недовольно подумал Лис, сдерживая зевоту. – В такую-то рань... Стоп. Почему он одет?»

Новенький, только вчера выданный мундир сидел на Катайре как влитой. И смотрелся на гальте вполне сносно. Не юноша, решивший поиграть в военного, – солдат! Воин!

То ли кровь предков-фениев сказывалась в облике северянина, то ли разыгралась фантазия Хельга, но он отчетливо представил, как Катайр с разукрашенным красной и синей краской лицом бежит, крича во все горло, на строй «Дварфов», вооруженный одним лишь коротким копьём.

– Ты чего не спишь? – Решив больше не притворяться, Хельг откинул одеяло и поднялся. М-да, рядом с Катайром он, в майке и трусах, выглядел, как дворняга подле породистой борзой.

Гальт вздрогнул, посмотрел на Хельга.

– Ты не слышишь? – спросил он.

– Не слышу? Чего? – Лис подумал, что Катайр имеет в виду храп Свальда, который вчера общими усилиями им удалось все же приглушить. Вместо ответа северянин показал на окно. Хельг повернулся и посмотрел.

За окном во двор корпуса опускались «Колесницы». Самые крупные среди «валькирий», эти модели использовались в основном для перевозки войск. «Колесницы» были без подвешенных под толстыми и длинными крыльями сфер с горючим веществом, отсутствовали на боках механические пушки.

Наиболее облегченный класс, предназначенный только для транспортировки.

Три «Колесницы». В них могут разместиться все парни и девушки, поступившие в этом году в академию. Еще и место для наставников останется. Кстати, а вот и наставники, расхаживают по двору, следят за вертикальным приземлением «валькирий».

«А ведь «Колесницы» должны были перебудить всех в корпусе, – подумал Хельг. – От их шума окна должны дребезжать, а комнаты трястись. Почему же я ничего не слышу?»

Еще раз внимательно оглядев наставников, Лис обнаружил, что вместе с ними «Колесницы» встречает вчерашний жрец. Храмовник, залечивший его раны. Пресветленный Ойсин. И чем это он занимается?

Храмовник вытягивал руки в сторону опускавшихся «валькирий», дрожа, как осино-вый лист. Йотун побери, да ведь вокруг него светится аура! Едва-едва, но все равно можно разглядеть лиловатый свет вокруг головы жреца, если не жалуешься на зрение. Пресветленный Ойсин колдовал, скрывая звуковые волны прибывших «валькирий» – то есть занимался делом, запрещенным в Мидгарде.

Запрещенным для простых граждан Мидгарда, поправился Хельг. Не для Храма Солнца или военных.

Может, это его рук дело, что прибытие «Колесниц» остается незамеченным? Но тогда как Катайр...

Последняя из трех «валькирий» плавно опустилась во двор. Пресветленный Ойсин сразу же пошатнулся, чуть не упал, но его поддержали наставники. Жрец будто постарел на десяток лет. Он выглядел так, словно прямо сейчас его душа готовилась отправиться к Всеотцу.

Во дворе появились люди в комбинезонах Гильдии инженеров, засуетились вокруг «валькирий». В «Колесницах» распахивались люки и грузовые двери, выдвигались трапы. Все это происходило в удивительной, даже пугающей тишине.

Скрывать прибытие «валькирий» так просто не будут...

Не успев додумать эту мысль до конца, Хельг вскочил и принялся доставать одежду из тумбочки. Заворочались остальные. Рунольв пробормотал что-то о маме и котлетах. Фридмунд поуютнее завернулся в одеяло, попросив разбудить его попозже. А Свальд, проспавший полдня и всю ночь, просто перевернулся на живот, продолжая посапывать.

– Может, остальных тоже разбудим? – предложил Катайр.

– Буди, – отозвался Хельг, шнуруя ботинки. – Я сейчас...

Северянин успел разбудить только Рунольва. Тот сонно протирает глаза, когда в дверь затарабанили. Теперь проснулись и остальные, даже Свальд.

– Общее построение во дворе через две минуты! Опоздавшие будут наказаны и получают отрицательные баллы! – рявкнул грубый голос за дверью. Через несколько секунд он прозвучал возле следующей двери.

– Что такое? – Фридмунд запутался в одеяле и никак не мог выбраться.

– Общее построение, ты же слышал. – Катайр открыл дверь и выглянул в коридор. Сонные парни выбирались из комнат, недоуменно переговаривались, глядя на незнакомого наставника, методично стучавшего во все двери.

– Что происходит?

– Какое еще построение?

– Может, зарядка?

– Наверное, будут упражнения...

– Надо спешить, времени мало, – сказал Хельг, подымаясь с кровати и набрасывая плащ на плечи.

– Вы чего оделись? – спросил Фридмунд.

– Советую взять форму с собой. – Хельг подошел к двери. – Не буду долго объяснять, просто выгляните в окно. Это точно не зарядка.

Пока Рунольв и Фридмунд удивлялись, увидев «валькирии» во дворе, Свальд молча поднялся и пошел следом за Хельгом и Катайром. Он не взял с тумбочки форму (ее принес для него гальт), видимо, решил остаться в той же одежде, в которой лег спать – теплой рубашке, шароварах и сапогах.

Они спускались по лестнице, когда Рунольв и Фридмунд догнали их. Кнультссон на ходу еще пытался одеться и чуть не покатился кубарем по лестнице.

На первом этаже парни уже выходили строиться. Почти все были в одних брюках и ботинках, хотя кое-кто успел натянуть и рубашки. Они с интересом посматривали на Хельга и компанию, а некоторые даже усмехались.

– Они что, не видели «валькирии»? – удивился Рунольв.

– А ты их видел, пока тебе не сказали? – недовольно спросил Фридмунд, бросив попытки одновременно идти и надевать штаны. Теперь он сосредоточился на рубашке.

– Как вы думаете, зачем здесь «Колесницы»?

– Наверное, нас куда-то повезут.

– А разве тогда нам не должны были вчера об этом сказать, Хельг?

– Я подозреваю, Катайр, что нам вчера вообще мало чего сказали.

Комендантша на выходе потребовала с них ключи. К счастью, их взял Рунольв, который вышел последним и заодно закрыл комнату. А шедших следом курсантов комендантша не выпустила, послав обратно за ключами.

Выйдя из корпуса, пятерка «птенцов» сразу погрузилась в гудение «Колесниц» и крики техников.

– За две минуты мало кто успеет одеться и выйти, – заметил Катайр, оглядываясь по сторонам.

– А кто сказал, что все должны успеть? – Хельг смотрел во двор, где возле небольшой кучки мерзнувших от ранней прохлады парней стоял хмурый Вальди Хрульг, а рядом с ним вытянулся Гривар Скульдссон, полностью одетый в форму, важный и довольный. Наставники стояли возле «Колесниц» и лениво разговаривали.

– Девчонок что-то не видно, – заметил Фридмунд. – Им что, больше времени дали?

– Может, они красятся? – попытался пошутить Рунольв. Никто не улыбнулся.

Они спустились по лестнице во двор и выстроились возле ротного. Хельг отметил, что парни, которые вышли раньше, все были из компании Арджа, собравшейся вокруг него на «Морском змее». Гаутама, кстати, тоже оказался здесь, успев одеться. На нем мундир смотрелся еще лучше, чем на Катайре.

Между прочим, сейчас форма Вальди Хрульга выглядела идеальной. Хельг даже поразился перемене, произошедшей с ротным. Синий мундир с красными полосками военно-небесных сил на рукавах постиран и тщательно выглажен. Пуговицы блестят так, что, кажется, можно ослепнуть, если долго смотреть на них. Под стать им блестят сапоги, настолько черные, будто их подарила ротному сама богиня ночи Нотт. Контрастом выделяются белоснежные перчатки.

Подтянутый, гладко выбритый, суровый, Вальди одарил подошедших «птенцов» тяжелым взглядом. Лиса охватили нехорошие предчувствия. Теперь Вальди выглядел как настоящий военный, и ничего хорошего неожиданная метаморфоза не предвещала.

Хрульг посмотрел на карманные часы, которые держал в правой руке. Нахмурился. И ученикам, подходившим уже следом за компанией Хельга, Хрульг приказал строиться в стороне от пришедших раньше. Образовалось две группы – четырнадцать «птенцов» слева от ротного и сорок пять «птенцов» справа.

Парни ежились от холода, старались стать ближе друг к другу. В полном мундире вышли только Ардж, Катайр и Хельг. Еще человек десять догадались захватить одежду с собой.

Вальди хмуро оглядел неровный строй справа и резко гаркнул:

– Построиться по росту в шеренгу! Живо!

Раньше никто из новичков не слышал крика Вальди. Вздروгнули даже парни из левой группы, хотя Хрульг кричал не на них.

Ученики задвигались, на время образовалась куча мала, которая все-таки быстро превратилась в строй. Хотя вид дрожащих от утренней прохлады парней не вызывал ощущения причастности к армии. Почти все успели надеть только брюки и ботинки, некоторые еще и майки, а многие вообще щеголяли голым торсом.

«Детский сад прямо, – подумал Хельг. – Йотун побери, а ведь если бы не Катайр, мы могли быть с ними!»

– Вчера, – Хрульг пошел мимо шеренги, глядя каждому «птенцу» в глаза, – я сказал, что вы можете заниматься всем, чем хотите, до вечера. Так было?

– Да... Да... Было...

– Я думал, – ротный безразлично посмотрел в серое небо надо головой, – что дети благородных семей вроде вас должны знать, как обращаться к сержанту. Я и не мог представить,

что вы окажетесь глупы, как дети свинопасов, которые не подозревают, что на подобные вопросы своего ротного должны отвечать: «Да, сержант». Вы дети свинопасов?

– Нет, сержант! – выкрикнул знакомый голос, и Хельг разглядел в конце шеренги Дрону.

– Нет, сержант! – поддержали южанина остальные.

– Что ж, возможно, вы не дети свинопасов. Однако я назначил старшего и приказал – не попросил, а ПРИКАЗАЛ – слушаться его. Так было?

– Да, сержант! – Теперь ученики отреагировали сразу.

– Тогда почему вы посмели не слушаться его? – Сержант леденящим душу взглядом оглядел задрожавшую от страха шеренгу и бросил один короткий взгляд на стоявших в стороне парней. Этого взгляда Хельгу хватило, чтобы пожелать оказаться как можно дальше отсюда. Хоть в Северном Обрыве.

– Возможно, вы вообразили, что лучше меня знаете, кому быть старшим и кого следует слушаться. В таком случае, видимо, каждый из вас полагает, что умнее меня. Но тот, кто рожден в благородной семье, не может так думать. Потому что он должен знать, что означает «глава семьи». А я – ваш глава здесь. И это очевидно для благородных. Но вы решили по-другому, не так ли? Знаете, кто так думает? Только бастарды, у которых низкая кровь перемешана с высокой. Позор своих семей и Домов.

«Птенцы» молчали. Слова ротного били наотмашь, заставляя бледнеть и краснеть. Парни сжимали кулаки и скрипели зубами, но в ответ ничего не могли сказать. Они действительно ослушались Вальди Хрульга.

– Более того, посмев ослушаться моего первого приказа, вы снова все испортили. Вы должны были собраться и выйти во двор в течение двух минут. Почему же только некоторые из вас успели это сделать, а не все? Почему вы снова нарушили ПРИКАЗ? Неужели передо мной те, кто не может сравниться даже с бастардами? Неужели вы хуже, чем они? Видимо, все-таки кровь свинопасов в вас есть. Только вы этого не знаете. Может, мне всех вас выгнать и вместо вас набрать других детей свинопасов? Может, от них будет больше толку, чем от вас?

Шумят двигатели «валькирий». Переговариваются наставники. Молчат «птенцы». Им страшно. Никто из них не ожидал увидеть ротного в таком грозном виде.

– Впрочем, доля вины за ваше непослушание лежит не только на вас. Старший Гривар Скульдссон!

Улыбающийся Гривар подошел к ротному. Однако его улыбка моментально померкла.

– Старший Гривар Скульдссон! – Вальди смерил его тяжелым взглядом. – Вы не сумели справиться с возложенной на вас задачей. Вы были назначены старшим роты, однако не выполнили ваши обязанности. За это вы будете наказаны.

– Но я...

– Старший роты, вы решили, что имеете право перебивать своего ротного? – Вальди посмотрел на Гривара таким взглядом, что тот побледнел. – Вы лишаетесь звания старшего, а также в течение недели вам запрещено посещать занятия. Вам понятно наказание, Гривар Скульдссон?

– Да, сержант! – заорал «птенец», с трудом сдерживая слезы. Он точно не ожидал, что его карьерный взлет закончится подобным падением.

– Вы можете присоединиться к уложившимся в отведенное время, Гривар Скульдссон. А вы, – Хрульг снова обратил свое внимание на шеренгу «птенцов», расслабившихся, когда ротный наказал Гривара, – на кулаки. Сто отжиманий.

Видя, что не все ученики быстро реагируют на приказ, пребывая в шоке, ротный вновь гаркнул:

– Живо! Сто отжиманий! Кто не справится – останется без обеда!

– Ничего себе, – прошептал Фридмунд. – А старина Вальди суров...

– Интересно, какое наказание он для нас придумал, – тихо отозвался Хельг.

Но Хрульг не обращал на их группу никакого внимания, прохаживаясь между отжимающимися парнями. Лис помрачнел. С одной стороны, это могло означать, что ротный не собирается их наказывать. А вот с другой, с худшей стороны, – что Хрульг придумал что-нибудь на потом, и это «потом» наступит в самый неподходящий момент...

Из корпуса по одной стали выходить одетые в форму девчонки, все как одна стриженные. С трудом сумев найти свободное место во дворе и выстроиться в три шеренги, курсантки с удивлением смотрели на отжимавшихся парней и посмеивались. Впрочем, смешки сразу прекратились, стоило появиться Сигрид Кнутсдоттир.

Ротные поприветствовали друг друга, приложив правый кулак к левой стороне груди, а затем коснувшись кончиками указательного и среднего пальцев руки правого виска. Официальное военное приветствие – «С верой в сердце и со служением в разуме».

– Утро доброе, сержант. – Кнутсдоттир брезгливо посмотрела на отжимающихся парней. Часть из них, не сумев перевалить и за второй десяток, уже с трудом дышала, пытаясь тем не менее продолжать. – Что это за мартышки мешают моим девочкам построиться по всем правилам?

– Прошу прощения, сержант, но перед отправлением я должен был объяснить этим, как вы изволили выразиться, мартышкам, что такое дисциплина.

– Понятно. – Сигрид взглядом голодной акулы скользнула по стоявшим курсантам. – Сержант, а эти мартышки почему не отжимаются?

– Эти мартышки провинились меньше, сержант. – Хрульг улыбнулся. – Впрочем, я приготовил для них специальное наказание.

– Вот ведь... – не сдержался Фридмунд. И испуганно спрятался за спину Свальда, потому что ротный посмотрел в их сторону.

– Сержант Хрульг, позвольте вам напомнить, что до начала испытания осталось мало времени. – Наставник Ингиред подошел к ротным неторопливо, специально сделав крюк, чтобы идти среди отжимающихся. Некоторым парням он наступал на руки, некоторых толкал. Хрульг видел это, но не сделал ничего, чтобы помешать ему. – Пора уже грузить «птенчиков».

– Еще немного, – сказал Вальди. – Они должны запомнить урок.

– Я продолжу его на своем занятии, если позволите, сержант. – Разглядывающий учеников Ингиред увидел Хельга и ощерился. – У меня есть пара задумок для наших новых ученичков.

– Будьте с ними поаккуратнее, наставник. – Сигрид усмехнулась. – Не стоит отправлять останки на родину в первые же дни.

– Кто не выдержит – сам виноват, что сунулся в академию неготовым к учебе. – Наставник хохотнул. – Если обидится, пусть жалуется на меня Всеотцу!

Рунольв тихо охнул. Курсанты вокруг Арджа побледнели. Вздрыгнул даже Свальд.

Хельг стиснул кулаки. Они так говорят специально! Не может быть, чтобы отпрысков благородных семей здесь калечили до смерти! Горние Дома просто не пустили бы сюда своих детей!

– Так, я думаю, что с них довольно. – Вальди посмотрел на «птенцов», которые почти все валялись на брусчатке и тяжело дышали. Лишь некоторые еще пытались отжиматься. – Хотя подождите...

«Вот это да... – Хельг против воли не смог сдержать восхищения. – Ну дает!»

– Благородный Дрона... – восторженно прошептал Ардж за спиной Хельга. Он благоговейно пожимал взглядом одинокую фигуру среди распластавшихся тел, которая продолжала с легкостью отжиматься.

Дрона из рода Махавидья даже не вспотел.

Ротный неторопливо подошел к южанину.

– Сколько раз ты отжался, курсант?

– Семьдесят восемь, сержант, – не прекращая занятия, ответил Дрона.

– Неплохо. Однако пора прекратить.

– Я не могу, сержант.

– Почему?

– Я еще не понес до конца заслуженного наказания, сержант. Я опоздал. Я виноват.

– А если я прикажу тебе остановиться?

– Это будет нечестно, сержант.

– Курсант, что здесь честно, а что нечестно – решаю я. Тебе понятно?

– Да, сержант. Позвольте спросить вас, сержант?

– Спрашивай.

– Скажите, сержант, будет ли честно покинуть поле боя воину, если он может победить, но ему приказывают вернуться?

– Если это спасет жизнь воину – да.

– Это опозорит его, сержант.

– Это позволит ему жить и служить своей стране, курсант.

– Зачем стране боец, который выжил, но не победил, сержант?

– Чтобы он мог выжить и победить в следующий раз, курсант.

– Спасибо за ответы, сержант. – Дрона остановился и одним грациозным движением поднялся. – Сто раз, сержант.

Хрульг недоуменно посмотрел на парня, а потом расплылся в улыбке. На мгновение он стал похож на доброго старину Вальди, рассказывавшего очередную легенду о Смутных временах.

– Ах ты, паршивец! – ротный снова стал строгим. – Отвлек меня, значит. Тогда слушай мой следующий приказ: собери всех этих макак и сделай из них подобие строя в три шеренги.

– Да, сержант. Позвольте поправить вас, сержант?

– Поправить? Меня? Ну, попробуй.

– Это не макаки, сержант. Это – мартышки.

Хрульг снова быстро улыбнулся.

– Ладно, курсант. Сделай из этих *мартышек* строй. Ты назначаешься старшим роты.

– Слушаюсь, сержант!

– Только вон тех, которые стоят, построй в отдельную шеренгу.

– Слушаюсь, сержант!

– Как тебя зовут, курсант?

– Дрона Махавидья, сержант.

– Род Махавидья, значит... – Хрульг ухмыльнулся. – Ну, тогда, думаю, ты будешь хорошим старшим.

– Я постараюсь, сержант!

Когда Дрона выстраивал их группу в шеренгу, он обратился к задержавшемуся Рунольву:

– Я приношу свои извинения, первый великий боец, но нынешние обстоятельства заставляют меня отказаться от участия в поединке, который я назначил тебе. Возможно, мы будем заняты сегодня весь день, и нашей судьбоносной схватке не суждено состояться. Простишь ли ты меня?

– Да... я... – пискнул Рунольв. – Может... вообще не надо?..

– Я понимаю твоё огорчение и разочарование, но с тобой мой договор был закреплён раньше, нежели со вторым великим бойцом. – И Дрона, к удивлению Свальда, поклонился ему. – Поэтому, я сначала исполню своё обещание сразиться с тобой.

– Я... – попытался что-то сказать Хаймссон, но Дрона уже ушёл к позвавшему южанина Хрульгу.

– О чём он говорил? – нарушил своё молчание Свальд.

– Он хочет с тобой драться, – сказал Лис. – Он знает, что ты из Дома Огня, и хочет доказать первенство Дома Небес.

Свальд смерил взглядом Хельга и отвернулся. Поверил он или нет, но ему никто так и не успел рассказать, что случилось вчера днём в комнате. Ротный подошёл к строю и закричал:

– К «Колесницам» бегом марш!!!

Слегка оглушенные, парни побежали к «валькириям». Сзади спешили девочки. Затем была погрузка. В грузовой отсек каждой из «Колесниц» пустили по тридцать шесть «птенцов», но так как количество парней и девочек было неравным, то в одну «валькирию» загрузилась смешанная группа. Все, кому Вальди Хрульг пообещал специальное наказание, оказались в ней. Девочки держались особняком, тихо переговариваясь и восхищённо пялясь на Дрону, который также летел на этой «Колеснице». Особенно приковывали их взгляды чёрно-белые волосы южанина. Хельгу даже слегка стало завидно. Дрона в одних брюках и ботинках умудрялся выглядеть ещё лучше, чем Ардж в мундире. О Хельге, Катайре и Фридмунде с Рунольвом, наконец-то одевшихся полностью, даже говорить не приходилось: в присутствии Дроны они и в форме казались пустым местом.

Дом Небес. Второй Горный Дом после Дома Солнца. Его риг-ярл имеет право оспаривать слово конунга, а его майноры – повелевать вассалами Дольних Домов. Такое исключительное право Дом Небес получил за то, что первым из благородных семей юга объединился с пришедшим из Вастхайма Сыном Солнца. А семья Махавидья являлась риг-ярлами Дома уже несколько поколений, находясь так высоко во власти, что выше их была только семья конунга. И от Дроны словно исходили волны этой власти, завораживающие тех, кто был рядом. Хельг хотел эти волны себе.

«Ты будешь мой, Дрона, – думал он, наблюдая, как майнор рода Махавидья рассказывает «птенцов» по скамьям вдоль стен грузового отсека. – Ты и твоё право – вы будете моими. Вы очень пригодитесь для достижения моей цели...»

Лишь где-то на краю сознания маячила подлая мыслишка, как бы не обломать зубы о Махавидью. Парень хорош, очень хорош. Физически превосходит Свальда по многим параметрам. И не только Свальда. Вот он, Лис, уж точно не смог бы сто раз отжаться. Одна надежда: кажется, Дрона не особо умен...

Вздвигнув, «валькирия» начала подъём. Иллюминаторы находились высоко, до них нельзя было дотянуться, даже встав на скамейку. Это сразу после взлёта проверил Фридмунд, который после десятка неудачных попыток попросил Свальда подставить плечи. Свальд так посмотрел на него, что Фридмунд тихонько сел на своё место и притворился спящим.

Летели они недолго, даже не успели закончить разговор, тему которого поднял Рунольв, а подхватили неожиданно Ардж и несколько девочек. Тема эта была: «Куда нас везут?»

Хаймссон предположил, что на Маркланд, ведь вчера наставник Валдир говорил об испытаниях, и сегодня наставник Ингиред упомянул о них. Его поддержали Катайр и Ардж.

Свальд сказал, что их везут на Бьёрсфордор, но ничем не аргументировал свою точку зрения и даже не отстаивал её. Просто сказал и продолжил молчать. Свальда активно поддерживал Фридмунд и многозначительно стал поглядывать на его плечи.

Одна из девчонок, бхатка Лакшми Сингх, сказала, что, может, их везут на какую-то площадку тренироваться. И тут же поинтересовалась у Дроны, согласен ли он с ее мнением, откуда он родом, есть ли у него братья и сестры и что ему нравится. Ее поддержали почти все остальные девчонки. Разговор, таким образом, плавно сместился с изначальной темы на личность Дроны. Что, впрочем, было вполне ожидаемо.

Хельг сказал, что испытание не связано ни с Маркландом, ни с Бьёрсфордом и что оно вообще может быть не связано с основной учебой. Его поддержала молчаливая и непри-метная ниронка, просто подняв руку, когда он спросил, кто думает так же.

Версию Фридмунда, что их везут обратно в Йелленвик, слегка изменил Катайр, уточнив, что они летят в Йелленвик только для того, чтобы всем набором попрощаться с Фридмундом. Кнультссон надулся и снова принялся поддерживать точку зрения Свальда.

А затем все почувствовали легкий крен, и разговоры прекратились.

«Колесница» снижалась.

Альдис Суртсдоттир

Внутри «валькирии» было тесно и шумно. Сиденье слегка вибрировало, в воздухе стоял запах горячего металла. Несмотря на шум, девочки разбились на кучки и трепались, обсуждая необычную ситуацию и недавний позор мальчишек. Несколько свандок и гальток рядом с Альдис шумно восхищались мускулатурой Дроны.

Томико, Риоко и Нанами шептались в углу с двумя южанками. Девушка старалась не смотреть в их сторону, но временами ловила на себе косые взгляды. Все время казалось, что соседки сплетничают о ней, и это было неприятно.

После вчерашней стычки они не разговаривали. Все часы от обеда до ужина сержант целенаправленно отработывала с подопечными армейские команды и построения. К концу у них даже начало что-то получаться.

Уже перед ужином к роте присоединилась Кейко Нода, и с ее подачи Сигрид заставила каждую курсантку продемонстрировать свои умения в области безоружного боя. Благодаря этому Альдис смогла получить представление о возможностях своих соседок. С тайным удовлетворением она отметила, что одолеет без оружия почти любую сокурсницу.

Это было неудивительно. Безоружный бой как искусство развивался только на Востоке и Юге. Но бхаты почитали свое боевое искусство, *ваджра-мушти*, занятием исключительно мужским, а чжанок и ниронок на курсе было немного. Гальты и сванды предпочитали калечить ближних с помощью подручных предметов и зачастую даже не задумывались о том, чтобы превратить в оружие собственное тело.

Соседки Альдис тоже оказались не на высоте. Риоко не учили кэмпо вовсе. Томико и Нанами нахватались чего-то по верхам, но у них не было *понимания*, что и зачем они делают. Девушки механически повторяли заученные движения, но терялись при малейшем отходе от привычного шаблона боя. Альдис справилась бы с любой из них, а может, и со всеми тремя одновременно.

Да, такой учитель, как Такаси, – это редкость. Но и Альдис молодец. Она взяла все, что он мог дать за эти шесть месяцев, и не потратила даром ни единого дня.

Если бы не Хитоми, правление Горнего Дома Томико закончилось бы, не начавшись.

Правая рука до сих пор слегка ныла в локте, и это внушало беспокойство. Альдис очень надеялась, что последствия драки удастся скрыть. Вчера из-за боли при резких движениях она двигалась медленнее, чем обычно, и была неуклюжа. Кажется, наставница Нода заметила, что она слишком бережет правую руку, но ничего не сказала. Возможно, драки между сокурсницами считаются здесь нормой. Хорошо, если так, можно будет не бояться пойти в медпункт после очередной стычки.

В том, что эта драка не последняя, Альдис была уверена.

Вчера вечером они все были измотаны до предела. После ужина Сигрид отпустила роту, но к тому моменту все девчонки мечтали только о постели. Даже Томико никак не отреагировала на появление непокорной дочери эрла в комнате. Сегодня с утра времени тем более не было. Но Томико не оставит Альдис в покое.

От этого на душе делалось особенно пакостно.

Хельг Гудиссон

Вокруг свистел ветер, рожденный приземлением третьей «Колесницы». Воздушные духи ярились, стремились сбить с ног или хотя бы проникнуть под одежду и пробрать холодом. Хельг, плотнее закутавшись в плащ, огляделся.

– Хитоми! – крикнули со стороны «валькирии», опустившейся чуть левее «Колесницы» Хельга. – Мы здесь, иди сюда, быстрее!

Молчаливая ниронка тенью скользнула рядом и легко, точно подхваченная ветром пушинка, побежала к позвавшей ее соотечественнице. Эта Хитоми была такой маленькой и хрупкой, что просто не верилось, что ей пятнадцать лет. Встреть ее на улице, больше двенадцати не дашь.

Стоп.

Хитоми.

Когда девчонок распределяли по «валькириям», вспомнил Хельг, кто-то упомянул имя Хитоми Ода. И если это род Ода, о котором он думает, то девочку нельзя выпускать из виду. Еще на «Морском змее» Лис слышал, что среди поступивших в академию в этом году детей есть майнор этого рода, но тогда он так и не смог его отыскать.

Неужели эта хрупкая девочка, которая выглядит лет на двенадцать, является отпрыском одного из всемогущих кланов Десяти островов? Клана, могущественнее которого только Дом Белой Хризантемы – и то лишь потому, что Ода еще с давних времен служат семье Накамура, которая сейчас являлась риг-ярлами Дома. Сила Ода могла позволить клану самому стать хозяином большинства островов ниронцев. Но честь для Ода была дороже власти. Однако семья Накамура не щадила верный клан, когда Мидгарт пришел на восток. И, пока Ранглейв Сигурдссон не разгромил основные силы Ода, нынешние риг-ярлы Дома Белой Хризантемы вообще не сражались.

Значит, Хитоми Ода. И она поддержала его мнение в «Колеснице». Это хорошо. Особенно хорошо потому, что слова Хельга подтвердились.

Вокруг простиралась огромная посадочная площадка, размещенная посреди горы. Той самой, которую наставник Валдир во время обзорной лекции назвал Одиночество. «Птенцы» не покинули Виндерхейм, просто поднялись выше к небу.

Хельгу вспомнилась легенда, рассказанная однажды Стейнмодом. Легенда о живущем на одном из северных островов племени, в котором принято было сбрасывать хилых и больных младенцев со скалы в море. Племя верило, что однажды боги морей не заберут ребенка, а вернут его на сушу здоровым и сильным, и станет он великим героем, и завоюет все острова Садхебейла. Интересно, «птенцов» тоже собираются сбросить со скалы? Метафорически выражаясь, конечно.

– Хельг! – позвал Катайр.

Вальди Хрульг лично выстраивал в шеренгу тех, кто успел вовремя выйти во двор. «Может, нам стоило попытаться счастья с отжиманиями?» – невесело подумал Лис и поспешил к группе.

Альдис Суртсдоттир

С одной стороны площадка обрывалась куда-то вниз. Наверное, если подойти к краю, то можно разглядеть крохотные корпуса, гавань и турсы. С такой высоты они должны казаться не больше, чем модельки на макете наставника Валдира. Другой край площадки упирался в каменный откос. Курсанты с любопытством глазели на массивные железные двери, вмурованные прямо в толщу скалы.

После высадки их поделили по ротам и снова построили. Альдис с тайным удовлетворением отметила, что девушки выполняли команды ротного гораздо быстрее и слаженнее парней. Вчерашняя тренировка не прошла даром, сержант Сигрид свое дело знала.

Вперед вышел наставник – высокий беловолосый сванд с резкими чертами лица. Альдис вспомнила, что именно он вчера разбирал драку мальчишек на причале и сопровождал группу на церемонию Посвящения.

– Возможно, кто-то из вас еще не знает, что мое имя – Ингиред Бальдрссон. Наставник Ингиред Бальдрссон. Я курирую ваше обучение. Сейчас вас ожидает тест, который мы называем первым испытанием. По-другому он зовется «Пещера». Тест поможет нам выявить наиболее перспективных курсантов. Это групповое задание. Заработанные во время испытания баллы пойдут в групповой зачет и в итоге могут повлиять на ваш индивидуальный рейтинг.

Еле слышный вздох пронесся над ротами.

– Слушайте внимательно, я объясню вам правила теста. Повторять не буду. Ваши ротные разделят вас на группы по пять человек. Своих товарищей по группе вы знаете – это ваши соседи по комнате. Каждому курсанту будут выданы глиняные шарики, наполненные краской. Также один из членов группы получит карту.

За этими дверьми, – он махнул рукой в сторону откоса, – находится разветвленная сеть туннелей. Проще говоря, пещера-лабиринт. Ваша задача пройти ее насквозь и выйти с другой стороны. За каждого дошедшего на общий счет группы начисляется пятьдесят очков. Если вы хотите заработать больше, то можете заняться охотой на своих товарищей. В шариках разных групп находится краска разного цвета. За попадание шариком в члена другой группы начисляются дополнительные баллы. За попадание в закрытую одеждой часть тела – десять баллов. Попадание в голое тело оценивается в двадцать баллов. Помеченный краской боец считается «убитым», его появление на конечном пункте не приносит баллов группе, а за отсутствие потерь среди личного состава полагаются бонусные пятьдесят баллов. Также цвет краски в шариках будет соответствовать цвету двери, через которую ваша группа должна войти в пещеру.

Наставник сделал паузу и откашлялся.

– Тест начинается в тот момент, когда группы пройдут через свои туннели в общую систему. До этого стычки запрещены. На весь тест дается три часа. Все бойцы, которые по истечении этого времени не успеют добраться до конечного пункта, считаются «убитыми».

Он немного сбавил тон. Теперь голос наставника звучал почти доброжелательно и не официально.

– Напоследок хочу дать два совета. Во-первых, не тратьте зря боезапас. Каждый человек получит только по пять шариков, и поверьте – это немного. Во-вторых, сразу назначьте командира и слушайте его указаний. Обычно ребята назначают командующим человека, которому достается карта, но тут уже вам решать. И знайте, что те двадцать человек, которые получают самый низкий балл, будут отстирывать форму всего курса от краски.

– Простите, наставник. Разрешите обратиться! – выкрикнул чернявый южанин.

– Обращайся.

– Вы сказали, что за попадание в голое тело начисляется двадцать очков. Но мы же без курток!

Паренька поддержал тихий ропот других мальчишек.

– Совершенно верно, вы без курток, – кивнул Ингиред.

– Это же нечестно! – совершенно убитым голосом протянул кто-то из мальчиков.

– А кто виноват, что вы без курток? – ехидно поинтересовался наставник. – Ладно, не будем терять время.

– Рота, на группы ррразойдись! – скомандовала сержант Сигрид. Вчера они почти час отработывали эту команду, поэтому смена строя у девочек заняла меньше минуты.

В тусклом свете масляных светильников она едва успела разглядеть скрывавшийся за металлическими воротами огромный грот. Из пола, как стволы деревьев, вырастали сталагмиты, с потолка каменными сосульками свисали сталактиты. Дальняя стена пещеры терялась в темноте.

Девушка успела запомнить расположение нескольких соседних дверей. Близко. Слишком близко. Даже если группа не станет заниматься охотой, стычек не избежать.

Тяжело хлопнула за спиной створка, и Альдис осталась наедине с четырьмя ниронками.

Она по инерции сделала несколько шагов вперед. Сразу за входом было темно, но где-то впереди играли красно-желтые отблески.

– Так-так! – Ладонь Томико легла на плечо. – Куда ты собралась, тварь?

– Нам бы лучше уйти от входа, – встревоженно сказала Риоко. – Здесь мы в тупике, как в ловушке.

– Подожди, я с ней еще не закончила. Она может сбежать.

– Вот еще, – фыркнула Альдис.

Сбегать она не собиралась, но какая же Томико идиотка! Разве она не понимает, что сейчас ей нужен каждый член группы. Их задача – работать в команде, а не сводить старые счеты...

– Томико-сан, пойдем, правда! Здесь темно, – пискнула Нанами.

– Ладно.

Все вместе они прошли до поворота и встали под светильником. Вправо, влево и прямо уходили туннели, освещенные редкими фонарями.

– У-у-у... мы заблудимся. Надо карту. – Нанами достала свиток.

– Карта у тебя?

– Да, она была в мешке с шариками.

– Дай сюда! – потребовала Томико.

– А наставник сказал, что у кого карта, тот и командир, – надулась Нанами.

– Ты хочешь мною командовать? – изумилась Томико. – Что за бред! Я ваш сюзерен, дай сюда карту.

Нанами сунула карту подруге и скорчила обиженную рожицу.

– Так нечестно, – буркнула она себе под нос. – Это мне дали карту.

– Карта – общая собственность отряда, – мягко сказала Риоко. – Она нужна нам всем. Думаю, все признают, что Томико – командир. – Она выразительно взглянула на Альдис.

Та только раздраженно кивнула. Эти разборки отнимали драгоценное время, а его и так было немного. Альдис будет ничем не умнее Томико, если устроит сейчас спор о том, кто лидер в отряде.

– погоди, с ней мы сейчас разберемся, – сказала Томико, разглядывая карту. – Она ответит за свои слова.

«Такое ощущение, что сбежать – это действительно лучший выход. С этой заносчивой душой ухи не сварить».

– Может, послать кого-нибудь в разведку? – спросила Риоко. – Кого-нибудь, кого не жалко, если убьют.

– О! Я придумала! – Томико даже подпрыгнула от возбуждения. – Мы пошлем в разведку тебя! – Ее палец уперся в Альдис.

– Прекрасная идея, сюзерен.

– А она пойдет в разведку? – пискнула Нанами, разглядывая Альдис с плохо скрываемой враждебностью.

– Пойду.

– Ты признаешь командование Томико? – поинтересовалась Риоко.

– Да... на время испытания.

– Тогда сходи разведай, что в ближайших туннелях, а мы пока посмотрим карту.

– А она не сбежит? – забеспокоилась Томико.

– Это не в ее интересах. У нее ведь нет карты. Заблудится – ей же хуже.

Да, тут Риоко, к сожалению, была права.

Альдис медленно кралась вдоль стены, периодически замирая и прислушиваясь. Камень творил странные вещи со звуками – то глушил те, что поблизости, то многократно усиливал далекое эхо чужих голосов, совершенно сбивая с толку.

Туннель, похоже, был природного происхождения, но многие стены носили следы обработки, словно тесный проход специально расширяли. Местами потолок подпирали потемневшие от времени бревна. Толстенные древесные стволы, чуть просевшие, вросшие в камень, заставляли прочувствовать всю тяжесть каменной плоти горы и хрупкость изъеденного ходами горного нутра. При мысли об этом накатывало удушье и хотелось поскорее выбраться навстречу солнцу.

Копоть на стенах, скудный свет масляных ламп – непривычно тусклый, дрожащий. Уже больше пятидесяти лет, как весь Мидгард перешел на живые светильники. Солнцегриб – один из даров Всеотца своим потомкам. Светит ярко, не чадит, не оставляет копоти. Знай подкармливай его вовремя или оставляй на солнце, чтобы напился энергией Всеотца.

Наверное, дело в том, что «Пещеру» используют раз в год, а кормить дары Всеотца надо ежедневно, иначе они умрут, как умирает человек без еды и солнечного света.

Девушка поежилась. Ей живо представились бесчисленные поколения курсантов, что проходили здесь первое испытание. Кто-то из них стал славным пилотом. Кто-то вылетел с позором, не довершив даже первый год обучения. Чью судьбу повторит Альдис?

«Это зависит только от меня».

Впереди за поворотом послышались голоса. Альдис скользнула в одну из рукотворных ниш, которые то и дело встречались на пути, и затаилась. Мимо, оживленно переговариваясь, прошел чужой отряд.

«Шумят, как стая ворон».

Альдис запустила руку в небольшой кожаный мешочек с глиняными шариками. С той позиции, которую она занимала, можно было быстро снять троих. Если повезет, то даже в голову.

«И остаться почти без снарядов перед кучей разъяренных девчонок?»

Нет, пока рано. Возможно, еще подвернется шанс использовать свою «жизнь» с большей пользой.

Так же аккуратно и неслышно Альдис вернулась к перекрестку.

– Ага, не сбежала, – довольно кивнула Томико. Кажется, ее почти умиротворил тот факт, что Альдис хотя бы временно признала ее главенство. – Рассказывай, что там находится?

– Еще один перекресток и группа Бранвен.

– Мои верные друзья, пришло наше время! – с энтузиазмом объявила Томико. – Поохотимся на группу Бранвен, покажем им силу Дома Белой Хризантемы.

Альдис поморщилась, но промолчала насчет «друзей».

– Мы их не догоним, – охладила она пыл Томико. – А если будем бежать, они услышат и устроят засаду.

– Вот невезуха, – расстроилась ниронка. – Ну ладно, тогда пойдем по карте вперед. Нанами будет в разведке, а то ты слишком медленно ходишь.

– Пусть она тогда нас сзади прикрывает, – предложила Риоко.

– Да, точно. Будешь замыкающей. Только не отставай.

Теперь Альдис следовала за остальной компанией на расстоянии пятнадцати-двадцати метров. Соседки оказались умнее, чем группа Бранвен, они не шумели и вообще почти не разговаривали. Прикрывать тыл было сложно – приходилось одновременно контролировать ситуацию сзади и держать в поле зрения свою команду...

Наверное, поэтому Альдис сообразила, что впереди происходит что-то необычное, только когда услышала гортанный боевой клич Томико. Короткими перебежками от одной ниши к другой она добралась до очередного поворота и осторожно выглянула, готовясь в любой момент отступить.

Позиционная война находилась в самом разгаре. Ниронки укрылись в одной из стеновых ниш и изредка высовывали головы, чтобы тут же снова нырнуть под защиту камня. Из всех девчонок «убита» была только Нанами, но вокруг укрытия зеленели свежие пятна краски – свидетельство не слишком удачных попыток противника вывести ниронок из игры.

Соседки Альдис не стреляли, возможно, сэкономили боезапас. Риоко полусшепотом ожесточенно спорила с Нанами.

– Тебя уже все равно убили. Ты пойдешь на них, а мы отступим, чтобы они нас не подбили, – донеслись до Альдис ее слова.

– Я не хочу одна, – сопротивлялась Нанами. – Вдруг они меня побьют.

– Да зачем им тебя бить-то?!

– Вот сама и иди.

Риоко неплохо соображала. Если использовать для обстрела одного или нескольких выбывших соратников, шансы «живых» дойти до цели существенно повышаются. Конечно, в настоящем бою мертвые не воюют, но наставник ничего не говорил о том, что «убитые» должны лежать смирно.

Девочка уже почти решила сама пойти на штурм, но заметила замерший во впадине у противоположной стены мальчишеский силуэт. Пока ниронки спорили, один из парней почти добрался до их убежища. Он двигался, распластавшись вдоль стены, очень медленно, используя любую неровность как укрытие. От девчонок его надежно прикрывал каменный гребень. Противник держал в руках шарик и собирался пустить его в ход, как только Томико или Хитоми в очередной раз высунутся из-за камня.

«Проклятье, они ведь даже не поймут, откуда их обстреливают!»

В отличие от ниронок, с позиции Альдис открывался отличный вид на мальчишку. Девушка достала шарик и прицелилась.

Она хорошо стреляла из арбалета и отлично умела швырять камни, поэтому не сомневалась в своем броске. Но подвела правая рука. Альдис почти забыла о вчерашней травме, и зря...

Где-то на середине замаха в локте вдруг родилась обжигающая вспышка боли. Прицел был безнадежно сбит, тяжелый глиняный шарик вырвался из ладони и полетел совсем не туда, куда курсантка хотела его послать. Он поднялся вверх по слишком высокой дуге и с размаху опустился прямо на макушку Томико, расплескавшись по ее волосам и куртке ярко-алой, как кровь, краской.

– Какого... – Томико провела ладонью по голове и с недоумением уставилась на свои пальцы. – Это еще что за...

– Это она! – выкрикнула Нанами.

Глаза Томико нашли силуэт Альдис.

– Ах ты, подлая дрянь! Решила отомстить?!

– Я не хотела, – беззвучно прошептала девушка. – Я случайно...

– Все, ты труп, – резко бросила Томико и, уже не скрываясь, встала.

– Томико, подожди! – отчаянный крик Риоко совпал по времени с мелькнувшим в воздухе шариком. Теперь мундир Томико было покрыт красно-салатовыми пятнами, но она, казалось, вовсе не заметила этого. Она видела только Альдис.

«Бежать!»

Мысль и действие слились в одно. Курсантка отпрыгнула и помчалась по коридору, сворачивая то влево, то вправо. Она даже не пыталась запомнить обратную дорогу или оценить ситуацию впереди, она бежала, забыв обо всем, целиком отдавшись инстинкту жертвы...

Крики и топот за спиной постепенно отдалялись. Беглянка свернула еще раз, нырнула в нишу, прислушалась.

Если Томико и ее вассалы и гнались за ней, то они безнадежно отстали. Теперь у них не больше шансов наткнуться на Альдис, чем у любой другой группы.

Девушка тихо выругалась. Как глупо! Глупо и не вовремя.

Томико никогда не поверит, что этот бросок – случайность. Альдис сама бы не поверила. Проклятье, надо было все-таки обратиться к медику! Но кто же знал...

Итак, она заблудилась, у нее нет карты, чтобы сориентироваться, и всего четыре шарика с краской в запасе. Это плохо. Но она пока еще «жива», смогла оторваться от преследования и больше не обязана подчиняться глупому командиру – это хорошо.

Когда-то давно, когда у Альдис было много времени на чтение и еще больше на размышления, она глотала все книги, попадавшие под руку. Волей случая среди трудов древних мыслителей и гор развлекательного чтения ей как-то попало «Суждение о Тиссее» – программное произведение великого художника и инженера Леонида Давкалионуса.

Тогда она мало что поняла из книги, но запомнила, что любой лабиринт можно пройти, пользуясь «правилом правой руки». Достаточно все время сворачивать только направо, и непременно дойдешь до выхода.

Четыре года назад этот факт так воодушевил Альдис, что только прямой и недвусмысленный запрет отца заставил девочку отказаться от намерения залезть в ближайшую пещеру и проверить слова великого соотечественника.

Она усмехнулась. Мечты сбываются. Вот и проверим, есть ли смысл доверять книгам.

Девушка нащупала рукой правую стену и осторожно двинулась вперед, прислушиваясь к посторонним звукам.

Обманчивая игра света и тени, неровные стены, обилие потайных ниш – все это теперь работало на Альдис. Она была неслышным призраком, перетекавшим из тени в тень. Трижды ей встречались чужие группы, но каждый раз Альдис ловко уходила от столкновения. Юноши и девушки проходили мимо, даже не догадываясь, что из ниши за ними следит пара блестящих глаз. Она была одна, ей не нужно было раздавать команды и переговариваться, она была маленькой, тихой и незаметной.

У очередного поворота направо девушка замерла. Из коридора доносились тихие всхлипы и подвывания. Альдис вросла в стену, прикрыла глаза и вся обратилась в слух. Где-то рядом журчала вода, вдалеке, на грани слышимости перекрикивались мальчишки...

За стеной плакала девочка. Плакала негромко, сдавленные всхлипы словно прорывались сквозь кляп или другую преграду.

Больше из-за стены не доносилось никаких звуков. Никто не сопел, не шептался, не шуршала каменная крошка под чужими ботинками.

Это было подозрительно. Курсанты не ходили в пещере по одному: при встрече с группой у одиночки почти нет шансов. Альдис постояла еще несколько минут, прислушиваясь. Незвестная плакса не собиралась никуда уходить, а девушке было нужно в этот коридор. Держа шарик наготове, она выглянула за угол.

Прямо под светильником сидела незнакомая ей бхатка, обхватив себя за правую ногу, и горько, безутешно плакала. Чтобы не привлекать лишнего внимания, южанка зажимала себе рот ладонью, но всхлипывания все равно прорывались наружу.

Альдис вступила в коридор, продолжая сжимать в пальцах шарик.

– Эй, ты чего реवेशь? Что случилось?

– Нога, – простонала бхатка. – Очень больно.

Девушка убрала снаряд, присела и попыталась сдвинуть пальцы бхатки:

– Дай посмотреть!

– Иииииии...

– Тсс... не плачь, сейчас сюда все сбегутся. Дай гляну, чего там.

Даже через толстую кожу голенища ощущалось, как распухла нога.

– Ботинок лучше снять.

– Ай! Больноооооо!

– А ну прекрати ныть! – шепотом прикрикнула Альдис на сокурсницу. Та испуганно вжала голову в плечи и кивнула.

Совместными усилиями им удалось ослабить шнуровку и стащить ботинок. Лодыжка южанки покраснела и опухла, увеличившись почти вдвое.

– Да... еще повезет, если вывих. Может быть и перелом. Хорошо бы зафиксировать... Как это тебя так угораздило?

Захлебываясь слезами, бхатка, которую звали Лакшми, рассказала, как на их группу напали сразу две команды парней, и девчонки позорно бежали от боя. Она тоже побежала, но спотыкнулась и очень больно ударилась. Мальчишки, с гогом преследующие девушек, ее не заметили. И вот теперь она сидит здесь уже почти полчаса, и ей очень-очень страшно и больно, и она совсем не знает, что делать дальше.

– Понятно, что делать, – проворчала Альдис. – Идти к выходу, вот что делать.

Она сердито взглянула на заплаканную девушку. Та несмело улыбнулась:

– Хорошо, что ты меня нашла.

Альдис выругалась про себя. Шанс добраться до выхода с покалеченной Лакшми и остаться «живой» был ничтожен.

Хельг Гудиссон

– А вы пока постойте.

Тон Хрульга был обманчиво доброжелателен. Могло показаться, что это снова старина Вальди, любитель поделиться занятной историей. Если бы не одно «но». Сержант задержал их группу «отличившихся» прямо перед входом в пещеру.

– Подождете пять минут, а потом пойдете, – сказал Хрульг.

– Позвольте спросить, сержант? – Молчаливый Свальд заговорил так неожиданно, что стоявший рядом с ним Фридмунд подпрыгнул от внезапной речи товарища.

– Спрашивай, курсант.

– Это наше наказание, сержант?

– Ты догадлив. Да, это лично ваше наказание за неподчинение старшему.

– Но я здесь один из комнаты... – растерянно сказал сванд, державшийся отстраненно и от компании Арджа, и от группы Хельга. Модри Хедрикссон, вспомнил Хельг. Так его зовут.

– Как же я пройду в одиночку... – Модри испуганно покосился на остальных «птенцов». – Меня же сразу...

– А почему ты не дождался товарищей по комнате, курсант? Почему вышел один?

– Ну... – Хедрикссон замялся. – Они не спешили... А я боялся получить отрицательные баллы.

– Отрицательные баллы? – Хрульг призадумался. – А, которые вы могли получить, если опоздаете? Это я пошутил.

Модри потрясенно замолчал. Ротный похлопал его по плечу.

– Не беспокойся ты так. В конце концов, – Хрульг улыбнулся, – может, твои товарищи окажутся не такими, как ты, и подождут тебя.

– У меня от его улыбки теперь мороз по коже, – прошептал Фридмунд, когда Хрульг отошел и принялся прохаживаться возле входа в пещеру, поглядывая на часы и что-то напевая под нос. К нему подошел наставник Ингиред, и они завели разговор.

– А Хрульг очень хитер, – пробормотал Хельг, получше укрепляя мешочек с шариками на поясе.

– В смысле? – спросил Катайр.

Хельг сдержал ругательство. Сам виноват, что сказал вслух то, о чем надо было только подумать. Он посмотрел на ждущие лица гальта и свандов. Даже Вермундссон, казалось, проявил интерес к его словам.

Сказать правду? Впрочем, ничего он не потеряет, если поделится мыслями, а вот авторитет *уже* надо зарабатывать.

– А вы не поняли? Он же специально сделал все так, чтобы мы были наказаны.

– Это как? – удивился Фридмунд.

– Все очень просто. – Лис вздохнул. – Вчера, уходя, он назначил старшим Гривара. Хотя, по сути, мог никого не назначать – ведь никто не послушался бы Гривара. И я думаю, Хрульг об этом знал. Мы три дня на корабле провели вместе, он наверняка присматривался ко всем.

– Ну и? – продолжал недоумевать Фридмунд.

– Ну и... – проворчал Хельг. – Подумайте сами. Ведь назначь Хрульг старшим Арджа, тот быстро бы навел порядок и заставил себя слушаться. Большинство решило бы с ним не ссориться, а остальных просто заставили бы. Я не верю, что Хрульг этого не знал. Но он выбрал Гривара – специально. Чтобы мы его не послушались. И чтобы мы все сегодня понесли заслуженное наказание.

Говоря, Хельг поймал себя на том, что начинает злиться. Злиться на Хрульга и на себя. Сержант обвел всех вокруг пальца, в том числе и Хельга – и это очень злило Лиса. Проклятье! Из-за удавшегося обмана Вальди Хрульга Хельг и его группа теперь теряют драгоценное время, пока остальные «птенцы» исследуют пещеру, готовя засады и ловушки. Охота наверняка начнется – вон Ардж уже собрал вокруг себя всех своих и раздает указания. А Хельг торчит здесь и с каждой минутой теряет возможность получить нужные баллы! Проклятье!

Лис приказал себе успокоиться. Не время давать волю чувствам. Хрульг обманул его – значит, тем больше удовольствия будет тогда, когда Хельг обманет ротного. Поэтому нельзя злиться. Йотун побери, но как же хочется!

Хельгу вспомнился Альгирдас. Как Альгирдас смеялся над ним. Как Альгирдас обманывал его. Как Альгирдас...

– Зачем Вальди это понадобилось? – Катайр был напряжен и задумчив. – Не слишком ли это сложно?

– Не знаю. – Хельг пожал плечами. – Но мне кажется, что все действия нашего ротного служат какой-то цели.

– Знать бы еще какой... – протянул Катайр. Кажется, он поверил Хельгу.

– А ну разбились по группам! – крикнул, подходя, сержант. – Седьмая и третья группы пойдут первыми. Тринадцатая группа и ты, одиночка, через минуту после них.

– Да что же это такое? – не сдержался Фридмунд, когда Ардж и его соратники скрылись в темноте пещеры.

– Какие-то проблемы, курсант? – прищурился Хрульг.

– Нет, сержант! – Кнультссон вытянулся по струнке.

– Кстати... – Сержант внимательно посмотрел на Фридмунда. – Куда подевались твои волосы, курсант?

– Они не пришлись по душе сержанту Кнутсдоттир, сержант.

– Постричь вас всех подобным образом, что ли? – задумчиво произнес Хрульг. Увидев, как вытянулись лица парней, ротный рассмеялся: – Шучу, шучу. Думаю, сегодняшний урок вы запомнили, верно?

– Да, сержант, – мигом отозвался Катайр.

– Просто поймите: если вы совершите ошибку, то все за нее ответите. – Хрульг улыбнулся. – Я надеюсь, что больше вы не будете ошибаться. Обещаете?

– Да, сержант!

Хельг запоздало спохватился, что Хрульгу отвечают все, и успел раскрыть рот только на «...ант», но, к счастью, ротный этого не заметил.

– А теперь – в пещеру! И живее, живее!

Пещера начиналась с огромного зала, откуда по кругу во все стороны расползлось множество туннелей. Начало пути группы тринадцать было отмечено синей краской, такой же, что содержалась в их шариках. Карта, доставшаяся Рунольву, показывала, что им надо будет пройти сквозь переплетения подземных каналов, разных залов и загадочных мест, отмеченных на карте красными квадратами.

Моди Хедрикссон сразу, как только захлопнулась дверь, ведущая в пещеру, убежал в свой тоннель. Кажется, он боялся, что тринадцатая группа нападет на него вопреки правилам. Впрочем, в чем-то Моди был прав: в одиночку он наверняка не пройдет первое испытание.

Не успел Фридмунд, идущий замыкающим, шагнуть в туннель, как сзади него опустилась металлическая створка, отрезавшая курсантов от общего зала.

– Умно, – сказал Рунольв, гордый тем, что получил карту. – Так другие ребята не смогут напасть на нас сзади.

– Мне чуть задницу не прищемило – и это умно? – Фридмунд в сердцах пнул створку. За нами наблюдают, понял Хельг. Створка опустилась не сама по себе, а именно в тот момент, когда Фридмунд уже был внутри туннеля. Только как происходит слежка?

Они двигались по туннелю, Рунольв шел первым, стараясь все время повернуться и гордо продемонстрировать карту. Следом за ним шагал Свальд, потом Катайр, а замыкали группу Хельг и Фридмунд. Круанарх предлагал сразу идти к выходу, а Кнультссон настаивал на том, что следует устроить охоту. Хельг же пытался понять, как именно за ними следят.

«Это не соматика, – думал Лис. – Слишком много сил понадобится, чтобы накрыть чарами таких размеров территорию. Соматик просто умрет, не выдержав напряжения, – а соматики после войны с Ойкуменой в дефиците. Ради испытания «птенцов» чародея не принесут в жертву. Тогда как?»

– Наберем больше баллов – это что, плохо?!

– Или потеряем все – это что, хорошо?!

Спор Фридмунда и Катайра был в самом разгаре, когда тринадцатая группа вышла из туннеля в зал, из которого расходилось сразу несколько коридоров. Рунольв погрузился в карту. Фридмунд и Катайр недобро мерили друг друга взглядами.

Назревавший конфликт между свандом и гальтом разрешил Свальд. Он повернулся и в упор посмотрел на Хельга.

– Катайр, Фридмунд, Рунольв, – негромко сказал Вермундссон. – Дальше вы идете сами.

Хельг внутренне сжался. Началось...

– Ты что задумал? – Катайр позабыл о Фридмунде и, настороженно глядя на Свальда, шагнул вперед, так, чтобы оказаться между ним и Хельгом. – У нас нет времени...

– Все нормально. – Хельг успокаивающе поднял руки. – Мы просто поговорим и договорим вас.

– Но без карты вы заблудитесь... – сказал Рунольв, с опаской глядя то на Свальда, то на Хельга.

– Если мы продолжим стоять на одном месте, – заметил Лис, – мы окажемся легкой добычей. Парни, вы идите. Это наши дела, и вас они не касаются.

– Касаются, – возразил Катайр. – Заработанные нами баллы будут поделены поровну. Чем больше баллов получит каждый из нас, тем больше будет общий рейтинг.

– Тогда нам и в самом деле лучше не топтаться на одном месте, – сказал Фридмунд. – Я тут посмотрел карту и хочу вам сообщить, что в этом зале сходятся несколько туннелей, которые пересекаются ранее. И если нас захотят взять в клещи, то лучше места не найти.

– Тогда давайте идти! – Хаймссон недовольно на всех посмотрел. – Я не хочу снова стирать чужую одежду!

– Снова? – удивился Фридмунд.

– Неважно... – буркнул Рунольв, уткнувшись в карту.

– Вам лучше поспешить, – сказал Свальд. – Сюда идут.

– Что? – дружно удивились Круанарх и Кнультссон.

Хельг напрягся. Если Свальд говорит правду, то как он узнал?

– Нас окружают, – спокойно продолжил тот. – Вы не слышите? Останетесь – и потеряем все очки. Уйдете и доберетесь до выхода – заработаете хоть что-то.

– Лично я ничего не слышу, – сказал Фридмунд.

Рунольв кивнул, соглашаясь с ним. Хельг, как ни прислушивался, тоже ничего не мог услышать. Неужели слухи о специальных тренировках в Доме Огня правдивы? Плохо, если это так...

Катайр напрягся.

– Их больше чем пять... – пробормотал гальт, прислушиваясь к чему-то, что слышал только он и Свальд. – Две группы...

– Они объединились. Этого же не запрещали. – Свальд тяжело взглянул на коридоры.

«Наверное, это Ардж, – подумал Хельг, продолжая внимательно следить за Свальдом. Новая угроза не отменяла прежнюю. – Недаром Гаутама сговаривался с третьей группой. Наверное, договаривались, где встретятся...»

– Хельг, Свальд! Не время устраивать разборки! – Фридмунд оскалился. – Нам нужно достойно встретить наших врагов!

– Поздно... – успел сказать Катайр.

Раздался оглушительный свист. Не ожидай тринадцатая группа чего-то подобного, они могли бы растеряться: свист шел с двух сторон и мог запутать неподготовленного. А затем из туннеля справа вылетел громко вопящий парень и побежал прямо на них.

– Стойте! – крикнул Хельг, успевший понять, что задумали противники.

Остальные понять не успели. Да и тусклый свет в пещере не давал рассмотреть все в подробностях. Сразу пять шариков с синей краской ударили в вопящего, уже покрытого разноцветными пятнами. Пять шариков – потому что Рунольв от неожиданности кинул целых два.

Следом за «раскрашенным» из туннеля появился второй парень. Ардж собственной персоной. Он выскользнул из прохода и сразу кувыркнулся по полу. Кинуть шарики в него мешал «раскрашенный», а вот Арджу ничто не мешало метнуть глиняные снаряды в тринадцатую группу. Что он и сделал. Однако желтая краска разбрызгалась только по мундиру Рунольва. Остальные бросились врассыпную, ловко увернувшись от шариков бхата. А Свальд вообще ринулся вперед, схватил «раскрашенного» за горло и, прикрываясь им на манер щита, побежал на Арджа.

Хельг и Катайр успели укрыться за крупными валунами возле прохода, из которого так же доносился свист. И стоило им только усесться за камнями, как из туннеля высыпала третья группа, ведомая Гарайном Рудссоном, правой рукой Арджа. Недовольно крича, они побежали на Свальда, который как раз сбил Арджа с ног, повалив на землю и придавив сверху телом «раскрашенного». Южанин ударился головой об пол и потерял сознание. Поражение вожака разозлило третью группу, и они, позабыв о шариках, всей компанией бросились на Вермундссона.

Хельг мог быть доволен собой. Его «победа» над Свальдом заставила мальчишек недооценить майнора Дома Огня. Они думали, что впятером легко расправятся с ним.

Однако оставшаяся от седьмой группы тройка оказалась умнее. И когда Фридмунд выскочил из укрытия, собираясь помочь Свальду в драке, в него чуть не попал желтый шарик. Недолго думая, Кнультссон схватил Рунольва, прикрываясь им, как Свальд «раскрашенным», и вбежал в туннель.

Свальд разошелся не на шутку. Он повалил уже трех парней на пол, отправив их в беспометство, и теперь уверенно теснил оставшихся двух противников. И, наблюдая за его удачами, Хельг облегченно вздохнул. Свальд все время атаковал кулаком правой руки, помогая изредка ладонью левой.

Значит, ваджра-мушти, южное искусство безоружного боя, без примесей кэмпо, стиля восточных островов. Это хорошо. Это очень хорошо. Даже если сын Дома Огня проходил специальные тренировки.

Когда из третьей группы на ногах остался лишь Гарайн, он внезапно вспомнил о шариках. Судорожно потянувшись к мешочку, парень успел выхватить снаряд и даже замахнуться им на Свальда. Подбежавший сзади Катайр ловко провел подсечку, и Гарайн упал, уронив шарик на самого себя.

– Думаю, это было лишним, – сказал гальт, когда Свальд быстрым ударом лишил Гарайна сознания. Вермундссон ничего не ответил, пристально смотря за спину Катайра. Северянин пожал плечами и принялся собирать с побежденных противников мешочки с шариками.

Из туннеля вышел довольный Фридмунд, потирая руки. За ним тащился плачущий Рунольв. Мундир последнего был весь заляпан желтым.

– Так... так нечестно... Я не хочу стирать одежду...

– Надо было уклоняться! – весело заметил Кнультссон. – Катайр, ты что делаешь?

– Я подумал, что при столкновении с другими группами мы можем использовать чужие шарики, чтобы отвлечь их или заставить отступить. А свои шарики будем использовать, когда будем уверены, что точно не промажем.

– Хорошо придумано. – Фридмунд задумался, остановив свой взгляд на Ардже. Достал из мешочка шарик, подошел к бхату и торжественно размазал синюю краску по лицу южанина.

– Будешь знать, как на нас нападать, – заносчиво сказал Кнультссон и снова обратился к гальту: – Слушай, я тут подумал... Надо будет нам Рунольва тоже так использовать... как они своего!

– Как прикрытие? – задумался Катайр. – Можно...

– Карту мне дали! – запальчиво вскричал Рунольв. – Значит, я командир!

– Да командир ты, командир, – успокаивающе сказал Фридмунд. – Будешь и командиром, и прикрывающим. Это несложно. Кстати, карта где?

– Не знаю... – Рунольв принялся озиаться. – Я ее... уронил, кажется.

– Это не проблема. – Катайр вытащил из-за пояса Гарайна карту, выданную третьей группой. – Есть более серьезная проблема.

– Какая?

– Свальд и Хельг. – Гальт тяжело вздохнул. – Они тоже исчезли.

Хельг бежал по коридору, на ходу сверяясь с картой. Несколько раз он поворачивал не там, где надо, чтобы пропустить двигающуюся навстречу группу. Главное – не останавливаться. Потому что его неотрывно преследовал Свальд. Хельг знал, что Вермундссон не отстанет. И не затеряется. С таким слухом, какой оказался у Свальда, сложно потерять свою цель. Цель, которой на данный момент являлся Лис.

Один раз группа парней свернула в туннель, из которого буквально только что вылетел Хельг. Он еще успел расслышать, как они радостно заулюлюкали. Видимо, решили, что одинокий Свальд будет легкой добычей.

А потом снова раздались крики – но уже возмущения и боли. Лис порадовался, что Свальда хоть ненадолго задержат. Хельг сверился с картой. До места, которое он выбрал, оставалось немного. Вермундссона необходимо встретить именно там.

Пещера оказалась замечательным местом для поединка со Свальдом.

«По крайней мере, – мелькнула у Хельга мысль, – здесь нам не помешают... Мне здесь не помешают...»

Он выбежал из туннеля на площадку, которая заканчивалась обрывом. Подвесной мост тянулся на другую сторону. На площадке был выход только из туннеля, откуда появился Лис.

«Здесь!»

Хельг быстро прошел на середину моста, остановился. Снял с себя плащ, сложил и подложил под мундир. Слабая защита от ударов Свальда, но все же, все же... Сложил карту и положил в карман брюк. Взял мешочек с шариками в левую руку. Расстегнул, но не снял ремень, придерживая правой рукой.

Свальд не заставил себя долго ждать. Он молнией выскочил из туннеля и замер, увидев Хельга. Огляделся по сторонам, рассматривая место. Бросил короткий взгляд в сторону обрыва. Зашел на мост и медленно двинулся к Лису.

Хельг мог честно признаться себе, что боится. В тот момент, после прибытия, Свальд не контролировал себя и просто пытался его избить. И даже тогда простые, неконтролируемые удары майнора Дома Огня чуть не отправили его в беспамятство. Не подлечи Лиса храмовник, сейчас ему было бы худо. И ни о каком сопротивлении не было бы и речи. Впрочем, он не рассчитывал, что Свальд решит отомстить в ближайшем времени. Вероятно, пещера тоже показалась Вермундссону удобным местом.

Теперь, когда Свальд сосредоточен и продумывает атаку, его удары станут опаснее. Это сама суть ваджра-мушти – уничтожить противника несколькими ударами.

Лис боялся. Взгляд Свальда был полон решимости покончить с Хельгом Гудиссоном. Стоило только взглянуть в эти карие глаза – и будто проваливаешься в Муспельхейм, мир огненных великанов. Пламя ярости и гнева, скованное жесткой дисциплиной. И весь бушующий в клетке стальной воли огонь готов обрушиться на Лиса. Свальд не собирался выпускать его живым из пещеры.

И Хельг боялся. Боялся, что у Свальда получится.

За ними следят, в этом Лис был уверен. Но понять, что это не просто драка, а драка на смерть, нужно время. И чтобы отреагировать, тоже нужно время.

А это значит, что у Свальда полным-полно времени.

Не дойдя до Хельга около пяти метров, Свальд остановился и задумчиво принялся его рассматривать. Бессознательно он сжал правую ладонь в кулак, оставив левую свободной. Значит, весь на пределе, готов в любой момент наброситься.

– Я наблюдал за тобой, – прервал затянувшуюся паузу Вермундссон. – Ты не самоуверенный дурак, которым мог показаться, оскорбляя Ульда и меня. Я слышал твоё мнение о Вальди, и ты правильно все рассудил, как мне кажется. Ты сразу понял, чего я хочу, как только я сказал остальным идти дальше без нас. И ты выбрал идеальное место для защиты: на этом мосту у меня только один путь для атаки. Но если ты не дурак, почему посмел оскорбить мой род и мою мать? Зачем тебе это?

– К чему разговоры? – Хельг постарался говорить насмешливо, чтобы скрыть свой страх. – Ты хочешь драться? Хочешь снова проиграть мне? Давай!

– Нет. – Свальд покачал головой. – Я не просто хочу драться с тобой. Я не сын Дома Небес, который дерется ради того, чтобы узнать свою силу. Я – сын Дома Огня, и мы сражаемся только ради победы. Я убью тебя.

И то, как Свальд спокойно, даже как-то буднично сказал: «Я убью тебя», успокоило Хельга. Лис едва сдержал смех. Он оказался прав. Он снова оказался прав!

«Эх, Свальд, – Хельг с сожалением рассматривал высокого парня перед собой, – если бы ты снова на время потерял контроль над собой, если бы боги заставили померкнуть твой разум сейчас, когда ты хочешь убить меня... Ты бы победил. Но теперь ты проиграешь!»

– А ведь я даже не знаю, из какой ты семьи, – сказал Свальд. – Я знаю только твоё имя... и другие помнят только его. Из ребят никто не знает ни имени твоего отца, ни чей Дом правит на землях твоей семьи. Ты не из эрлов, это видно по тому, как ты держишься. Кто ты?

– Разве это важно? – Теперь Хельг позволил капельке страха расплыться в его словах. Капельке страха, которую тут же учуял встрепёнувшийся Свальд. – Имя отца, семья, Дом! Разве это важно для тебя и для меня, Свальд Вермундссон из рода Ульвара Льётссона?

– Дом всегда важен, Хельг из неизвестной семьи. Только семья и только Дом помогут тебе. – Свальд вздохнул. – Ты умрешь безызвестным, Хельг. Ты не сможешь порадовать свой Дом, став пилотом «валькирии». Ты обратишься в ничто. По сути, ты, отрицающий важность Домов, уже ничто.

– Хочешь сказать, что ничто победило тебя, майнора Дома Огня? – Хельг усмехнулся. Слова Свальда его задели, но не по той причине, на которую Вермундссон рассчитывал. Дом? Семья? О нет, Свальд! Надеяться можно только на себя! Только на одного себя во всем этом огромном мире! И ты сейчас это поймешь! – Тогда заодно считай, что весь твой Дом Огня – еще хуже, чем ничто. Раз я победил тебя, так заботящегося о чести своего Дома, то смешаю с грязью и все семьи Огня!

Глаза Свальда сузились.

– Ты бесчестен. Мне незачем знать твое полное имя. Такие, как ты, должны умереть.

И он атаковал. Свальд был быстр и неумолим, точно Молот Тора-Громовержца, поражающий великанов. Левая ладонь начала намечать каскад ударов в голову и корпус Хельга, а правый кулак изготовился к выпадку в живот. Это была коронная атака воинов, практикующих ваджра-мушти – серия прямолинейных молниеносных ударов на разных уровнях.

И Вермундссон не сдерживал себя. Он действительно собирался убить Хельга за оскорбление рода, матери и самого Свальда.

Старик-садовник укоризненно качает головой.

– Ты снова прячешься от братьев здесь, Хельг?

Плачущий семилетний мальчик, забравшийся в самую глубину колючего кустарника, быстро размазывает слезы по лицу, поднимает на старика яркие голубые глаза.

– Я не прячусь! – быстро отвечает он.

Садовник прищуривается.

– Я вот одного не понимаю, Хельг. Ты опасаясь тумачишь от братьев, но при этом лезешь в колючие кусты, зная, что они не последуют за тобой, боясь уколаться.

– И чего ты не понимаешь, Стейнмод? – бурчит мальчик.

Садовник берет его за руку и ведет сквозь заросли, длинными ножницами ловко отводя колючие ветки в стороны. Ему не страшны уколы, толстые штаны и крепкая подпоясанная рубашка защищают тело, а вот мальчик в одних шортах и легкой майке.

– Не понимаю, как ты, выдерживая боль от царапин, терпишь измывательства братьев.

– Как-как... – Мальчик тяжело вздыхает. – Их уже учат этому... бою без оружия... а мне еще рано, видите ли... Ну, они и пользуются... Как схватят за руку – так больно, а даже синяка не остается! И они говорят маме, что я все выдумываю!

Старик улыбается:

– Ну, Хельг, тогда сам подумай, что будет, когда ты побьешь их.

Мальчик хмурится:

– И что?

– Им же никто не поверит. Ведь они такие взрослые и сильные, как же они могли быть избиты тобой, а? – И садовник хитро прищурился.

Хельг снова вздыхает:

– Как же я их побью? Вот ты так много знаешь, Стейнмод, а глупость говоришь. Это я глупости говорить должен, а не ты. Они ж эту ваджрумуджу знают, а я нет!

– Глупость говорю, значит? – Садовник хитро щурится. – Ну, давай я тебе кое-что покажу.

Сад, за которым ухаживает Стейнмод, занимает огромнейшую территорию. Стейнмод как-то даже похвастался, что в Мидгарде есть несколько островов, которые размерами меньше его сада. Здесь собрали деревья и цветы со всего Архипелага. Отец Хельга любит природу, но дела постоянно заставляли его быть дома, поэтому он не часто совершает прогулки лесами. Сад – его отдушина, здесь отец отдыхает от повседневных забот. А Хельг прячется от старших братьев.

Садовник и мальчик идут по дорожке, усыпанной ярко-красными лепестками. По краям растут розы, специально доставленные из дворца ниронского микадо, архитектурного памятника древней истории Десяти островов, красота которого в свое время так изумила завоевавшего восток восьмого конунга, что он повелел сохранить дворец и все, что в нем находилось.

Розы цветут все четыре времени года, и лепестки не увядают еще очень долго после того, как опадают на землю. Говорят, ниронские поэты специально прибывали ко двору микадо, чтобы вдохновиться «вечной красотой» чудесных цветов.

– И зачем мы сюда пришли? – спрашивает Хельг, почесывая руку, покрытую мелкими ранками от колючек. Стейнмод привел его на круглую поляну, в центре которой бьет источник, декоративно огороженный овальными блестящими камешками.

– Хочу тебе кое-что объяснить. – Старик подходит к источнику, берет несколько камешков. – Лови!

Хельг едва успевает поймать два из трех брошенных камней. Третий падает рядом, в мягкую траву.

– И зачем это? – бурчит мальчик, раздраженный своей неудачей.

– Сейчас объясню. – Стейнмод кладет ножницы в траву и снимает пояс. – Кидай камни в меня.

Мальчик вздыхает. И быстро швыряет камешки в садовника. Стейнмод взмахивает поясом – и отбитые камни летят в сторону.

Хельг от восторга смеется.

– Здорово!

– Здорово. – Садовник улыбается, но сразу становится серьезен. – А теперь послушай меня внимательно. Не мы, сванды, придумали искусство безоружного боя. Не мы, сванды, изучили энергетические центры тела. И не мы, сванды, открыли, что можно убить человека ударом пальца в одну определенную точку. Однако мы, сванды, ПОБЕДИЛИ всех тех, кто это придумал. Когда бхат бил нас кулаком – мы кололи его копьем. Когда чжанец пробивал наш щит ногой – мы нанизывали его на меч. Когда ниронец брал в болевой захват нашего воина, другой воин бил его в спину. Мы побеждали, потому что мы не делали из войны ИСКУССТВА. Мы должны быть благодарны Одину и Тору, что их никогда не забавляли махания руками и ногами. И когда наши воины обучаются ваджра-мушти юга или кэмпо востока, то это не должно стать их целью, но только средством. Видишь этот пояс?

– Конечно, вижу!

– Воин должен уметь превратить в оружие все, что у него есть под рукой. Все для него – меч. Если ты не можешь сделать оружием свое тело, сделай оружием окружающий мир! Кидай в меня последний камень!

Хельг хватает камушек и кидает в старика.

На это раз удар пояса раскалывает камень пополам.

Хельг разевает рот.

– И послушай, что я тебе еще скажу. – Стейнмод вытирает выступивший на лбу пот, переводит дыхание. – Я расскажу тебе кое-что интересное о ваджра-мушти. Кое-что, что поможет тебе победить братьев.

– Что это? – Хельг в нетерпении подается вперед.

– Запомни это хорошенько. В ваджра-мушти главное – мастерство активной атаки. Атака подобна горному обвалу, боец вкладывает в нее все свои силы. Если атака не проходит, он вынужден отступить. Если же атака проходит, она не выводит противника из строя, а только ошеломляет его, давая возможность атакующему войти в ближний бой. Именно в близком контакте боец проводит решающие приемы, необходимые для победы. А что это значит, Хельг?

– Не знаю, – честно признается мальчик.

– Это значит, что тебе нельзя подпустить бойца, владеющего ваджра-мушти, в ближний контакт. Нельзя дать пройти его первоначальной прямой атаке, как я не дал камням попасть в меня. Представь, что это не камни, а удары – ногой, рукой, головой. Тебе нужно просто научиться останавливать их. Это слабое место ваджра-мушти. Но одновременно и самое сильное. Потому что если перед тобой МАСТЕР, тебе ничто не поможет остановить его. Разве что если ты будешь прикрыт броней «Разрушителя». – Стейнмод смеется.

Хельг заворуженно слушает. А половинки камешка в траве похожи на диковинных букашек, случайно попавших в сад из дальних краев.

Атака Свальда была неотвратимой. Хельгу некуда было деваться: по бокам обрыв, а отступать назад означало попасть под сокрушительные удары противника. Но Хельг не собирался отступать. Он быстро выбросил правую руку навстречу неумолимо надвигающемуся Свальду. В тусклом свете масляных фонарей блеснула пряжка ремня.

Свальд пошатнулся и остановился, вся энергия его атаки пропала втуне. Вермундссон неуверенно коснулся рукой лба. По пальцам пробежала струйка крови. Пряжкой ремня Хельг рассек Свальду лоб, одновременно и прервав нападение противника, и ранив его. Текущая из рассеченного лба кровь заливала Вермундссону глаза и мешала следить за Лисом.

– Вот ведь интересно, да? – Хельг улыбнулся. – Ты, боготворящий свой Дом. Я – ничто. И ты снова не можешь победить меня. Признай, что я прав. Твой Дом – хуже, чем ничто.

Свальд ничего не ответил. Он раздумывал. Пряжка форменного ремня была довольно тяжелой и могла стать опасным оружием в руках того, кто знал, что с ней делать. Хельг знал. И Свальд это понял. Он вытер кровь со лба и с переносицы и резко, с места, прыгнул.

Удары ногами в ваджра-мушти были редкостью. Обычно их применяли, чтобы сбить противника с толку или отвлечь. Однако Свальд решительно поменял стиль боя.

«Он быстро соображает...» – мелькнула мысль, прежде чем Лис успел ударить ремнем по метящей ему в голову левой ноге Свальда. Ногу повело вправо от Хельга. И тут он чуть не пропустил новый удар: одноклассник умудрился использовать разворот, который ему придал удар Хельга, чтобы направить правую ногу ему в лицо.

Для наблюдателя со стороны это выглядело бы красиво: Свальд будто завис в воздухе, нанося удары ногами. Лису наслаждаться красотой было некогда. Единственное, что он успел сделать, – это присесть, пропуская удар над головой. Свальд ловко сгруппировался и опустился обратно на мост, опасно закачавшийся после его приземления.

«И он невероятно рискует...»

Свальд оказался совсем рядом с Хельгом. Сразу напасть ему помешало только то, что он приземлился в неудобной позиции. Не дожидаясь, пока Вермундссон придет в себя, Лис отскочил подальше. Они снова оказались почти в изначальной ситуации, с той разницей, что теперь Свальд был ранен и кровь продолжала заливать ему лоб.

– Почему? – зло вырвалось у парня. – Почему, провалился ты в Нифльхейм, я не могу сразить тебя?!

– Потому что я умнее, сильнее и красивее. – Хельг самодовольно ухмыльнулся, тщательно сдерживая дрожь. Еще чуть-чуть – и у него были все шансы оказаться в пропасти!

«Потому что ты не позволяешь себе впасть в ярость, Свальд. Потому что ты проиграл мне, когда гнев владел тобой, и боишься снова проиграть по той же причине. Ты осторожничаешь, ты пытаешься сражаться с холодной головой и трезвым рассудком – но в такой схватке тебе меня не победить!»

– Если так... – Свальд поднял обе руки перед собой, сложил их вместе, закрывая верхнюю часть тела. – Если так, то я больше не буду сдерживаться! Я обещаю: я уничтожу тебя одним ударом! Чего бы мне это ни стоило!

– Ну, попробуй! – Хельг издевательски ухмыльнулся.

Свальд ринулся на Хельга, пытаясь впечататься в него всем телом. Хлестнул ремень, целя в голову. Свальд встретил его левой рукой, обмотал вокруг нее круговым движением и резко дернул, стремясь вырвать ремень из рук Хельга. Одновременно с этим его правая рука скользнула вниз и назад, а пальцы сложились в кулак. Свальд вошел с Хельгом в близкий контакт.

Однако прежде чем удар дошел до цели, майнор Дома Огня успел понять, что Хельг даже не пытается удержать ремень. И еще он успел понять, когда Хельг резко выдвинул вперед правую ногу, поставив ее особым образом, что тот знаком с каким-то особым видом безоружного боя, не похожего на ваджра-мушти.

Рассекая воздух, правый кулак Свальда устремился в грудную клетку противника. Навстречу ему вылетел правый кулак Хельга. Они врезались друг в друга. Лис моментально перестал чувствовать всю свою правую сторону тела, его повело влево, к краю моста. Не распредели Хельг вес по-новому, не поменяй точку опоры так, чтобы его развернуло, а не швырнуло на мост, Свальд сейчас бы добивал его. Более рослый и тяжелый, чем Лис, Вермундссон имел больше преимуществ в ближнем бою. Но качающийся мост и техника мягких шагов, направленная на молниеносное движение вокруг противника, сделали свое дело: Хельг не упал, а, используя разворот влево, скользнул вперед и заехал левой рукой в лицо Свальда. Потрясенный Вермундссон ничего не успел сделать. Его правая рука была остановлена ударом Хельга, а левая по инерции продолжала уходить в сторону, унося мотающийся ремень.

Пять шариков с краской с размаху ударили Свальда по лицу, полностью ослепив его.

Хельг знал, что Свальд ненадолго растеряется. У него отличный слух, наверняка его тренировали в помещениях, где не было ни лучика света. Дай ему время – и Вермундссон продолжит атаковать Хельга, ничего не видя. Закрепить успех надо сразу. Лис воспользовался своим ростом. Он был ниже Свальда и со всей дури ударил плечом в незащищенную грудь, используя весь свой вес. Вермундссон пошатнулся, его отбросило назад. Он взмахнул руками, пытаясь найти, за что уцепиться, не нашел. Не сумев удержаться, Свальд свалился с моста. Хельг едва успел, машинально двигаясь следом за противником после толчка в грудь, схватить его за руки. Лис упал плашмя на мост, изо всех сил стараясь не отпустить Свальда. Правая рука слушалась плохо, но дело свое делала – цепко держала майнора Дома Огня.

«Ну и тяжелый же он!»

Хельга пробрала дрожь. Боги бы от души посмеялись, утащи Свальд его за собой в пропасть. Хорошая шутка судьбы, да...

Свальд висел над обрывом и не пробовал помочь Хельгу. Он просто висел и молчал.

– Может... – просипел покрасневший от натуги Хельг, – ты... как-то залезешь обратно?

– Отпусти меня.

Хельг мог себе поаплодировать. Второе поражение совсем уничтожило боевой дух Свальда. Он превратился в сырой материал, из которого можно было лепить все, что угодно. То, что нужно Хельгу.

– Отпустить... И к чему это приведет?

– Я проиграл тебе дважды. Я – сын риг-ярла Дома Огня, гордящийся своим Домом. Тебе – сыну Дома, который ты не ценишь и от которого не ждешь помощи. Почему? Почему так? Я не пойму... Зачем мне жить, если я не могу этого понять?

– Ну ты и дурак...

– Да что ты можешь понимать!

– Могу, потому что я тут единственный, от кого зависит твоя жизнь. А ты – дурак!

– Я...

– Дурак, который возвеличил свой Дом настолько, что потерялся в его величии. Дурак, который настолько боялся мне проиграть, что проиграл снова. Дурак, который не ценит свою жизнь, а ценит свой Дом. Если тебе не нужна твоя жизнь, тогда она станет моей, ясно?! Ясно тебе?!

– Что ты...

– Я хотел сразиться с тобой, слышишь?! Еще на «Морском змее» я понял, что ты лучший из всех, кто плыл с нами! И я понял, что я должен победить тебя! Тебя, но не твой Дом! Тебя, но не твою честь! Тебя, Свальда, сына Вермунда! Слышишь?! Потому что я восхитился твоей силой! Потому что я хочу стать таким же сильным! Мне плевать на твою семью и твой Дом, но мне не плевать на тебя, Свальд!

Хельг не врал. Он недоговаривал, но не врал. Он говорил правду, но не всю. Эту речь он подготовил заранее, еще на «Морском змее», тщательно все отрепетировав. Свальд – майнор Дома Огня. Он гордится этим. А для сыновей и дочерей Дома Огня на первом месте честь их Дома. Хельг разбил эту честь на мелкие кусочки. И теперь он напоминал Свальду о его личной чести. О чести, которую он действительно заметил в Свальде. Той чести, которая не позволила ему придушить Хельга ночью во сне.

– По... не...

– Что? – Хельг не разобрал слова. Удерживать Свальда становилось все труднее.

– Помоги мне...

Свальд цепко обхватил его руки своими ладонями. Хельг с облегчением вздохнул и начал тянуть Вермундссона на себя.

Свальд стирал синюю краску с лица рубахой, а Хельг вдевал ремень в петли брюк. Они молчали с тех пор, как Лис затащил Вермундссона на мост и они вернулись обратно на площадку.

Хельг был напряжен. От дальнейших действий Свальда зависело то, как Лис будет учиться дальше в академии. Это был скользкий момент.

– Как твое полное имя, Хельг? – Майнор Дома Огня перевязал лоб и в упор глянул на него.

– Ты не понял? Я не считаю это важным.

– Это ты не понял.

У Хельга мелькнула мысль, что пожелай Свальд сейчас напасть на него – и все, кранты...

И в Валгаллу не попадешь: ни чудовищ из моря Мрака, ни врагов Мидгарда он еще не убивал. Будет вместе с бондами прислуживать богам земли и моря до скончания веков.

– Мне нужно твое полное имя, чтобы я мог принести тебе вассальную клятву.

Хельг не смог сдержаться – у него отвисла челюсть. В его планах Свальд предлагал обучать Хельга безоружному бою, предлагал свою дружбу, предлагал игнорировать друг друга. Но вассалитет... На это Хельг даже не рассчитывал!

«Всеотец и боги неба! Это ваш подарок за все мои мучения?!»

– Ты два раза доказал, что ты сильнее меня – не телом, но духом. Ты спас мне жизнь. И ты сказал мне слова, которые заставили меня о многом подумать. Если верно то, что ты говоришь, – почему я никогда не понимал этого? Может, потому, что мой Дом ограничивал меня? Мою честь? – Глаза Свальда угрожающе блеснули. – А я хочу стать свободным! Хочу, чтобы я всегда мог отстаивать свою честь!

«Ты просто не представляешь, насколько сейчас ведешь себя как истинный сын Дома Огня... – подумал Хельг. – Ведь именно он воспитывает во всех вас понятие Чести...»

Это Лису как-то ненароком сказал Альгирдас. И Лис запомнил его слова. Хельг уже знал, что запоминать нужно все, что он слышит и видит. Даже если говорит человек, которого он ненавидит больше всего на свете.

– Ты показал мне другой путь, чем путь Дома Огня, Хельг. Я хочу понять твой путь. Хочу пройти им и сравнить с путем Дома Огня. Возможно, ты прав. Иначе почему я два раза проиграл тебе?

Хельгу очень хотелось потерять руки и прямо сейчас принять клятву верности Свальда. Но нет. Игра должна быть доведена до конца.

– Я могу тебе сказать пока что только одно. Я не приму твой вассалитет. Сейчас – не приму. Обдумай все хорошо, Свальд. Я не хочу, чтобы наши отношения были сродни тем, что царят в Домах.

– Я предлагаю вассальную клятву не твоей семье или твоему Дому. Я предлагаю вассальную клятву лично тебе.

– Нет. – Хельг покачал головой. – Подумай еще раз, Свальд. Отбрось эмоции. Взвесь все. И если ты снова предложишь мне клятву верности, то я не откажу тебе.

Свальд подумал, согласно кивнул.

– Тогда расстанемся на время. – Он протянул руку. – Я пойду к выходу сам, без тебя. Ты прав. Это важное решение. – И, сделав паузу, Свальд задумчиво добавил: – Ты снова прав...

Хельг пожал протянутую руку. Возьми Вермундссон его в болевой захват... Нет. Не возьмет. Хельг смотрел, как Свальд идет по мосту на другую сторону, и победно улыбался.

«Ты мой, Свальд. Теперь ты полностью мой...»

Между тем следовало выбираться из пещеры.

По залам и туннелям Лис пробирался с повышенной осторожностью. Не хватало, чтобы он после победы над Свальдом глупо нарвался на чужую группу и попал под обстрел. На мундире Хельга не было еще ни капли краски, и он собирался оставить его чистым до конца первого испытания.

Однако, судя по всему, эту часть пещеры уже прошли все. Не было слышно разговоров или хотя бы звука шагов. Несколько пещер и пересечений коридоров были покрыты разноцветными пятнами – здесь шли «краскопролитные» бои. Хельг позволил себе немного расслабиться. Интересно, как обстоят дела у Катайра и остальных? В принципе в момент нападения Арджа они показали слаженную работу, не считая Рунольва, и имели все шансы втроем добраться до выхода. На их месте Хельг обязательно бы раскрасил Арджа и всех его сторонников синей краской. Десять человек дадут тринадцатой группе двести баллов. Скорее всего они так и сделают. И Круанарх, и Кнультссон не дураки, хотя насчет последнего еще надо подумать. Во всяком случае, он полезнее Рунольва...

Сверившись с картой, Хельг обнаружил, что прошел уже половину пути. Разборка со Свальдом и блуждания по пещере заняли, по прикидке Лиса, около полутора часов. Надо спешить. Если на оставшуюся часть пещеры он потратит столько же времени, то будет считаться «убитым» и не получит баллов.

Надо спешить!

Меньше всего Хельг ожидал, свернув на очередном повороте, столкнуться нос к носу с двумя девчонками, одна из которых сидела на полу, держась за ушибленную ногу, а вторая стояла рядом и внимательно ее рассматривала. Лис настолько погрузился в свои мысли, что обратил внимание на девочек, лишь когда чуть не врезался в них.

Йотунство! А если бы это была охотящаяся группа? Хельг, ты идиот!

Он настороженно уставился на девчонок, девчонки с опаской уставились на него. Одну он сразу узнал, ту, которая была со сломанной ногой, – Лакшми Сингх, бхатка из «Колес-

ницы», пристававшая к Дроне. Впрочем, кто там из девчонок к Дроне не приставал? Хитоми. Ну да, Хитоми Ода не приставала.

Вторую девочку с льняными волосами Хельг не знал, хотя помнил, что на корабле она все время вертелась вокруг наставницы Нода. Из простых эрлов.

Хельг взглянул девочкам в глаза – и вздрогнул. Он считал, что может разобраться в человеке с одного взгляда, если ему это понадобится. Стейнмод говорил, что глаза – душа человека. А учитель, обучавший Хельга и его братьев душеведению, только посмеялся над этим. Но Стейнмод был прав.

В карих глазах Лакшми плескались тоска и боль. А в глубине – страдала душа. Не от физической боли, нет. От того, что Лакшми боялась пещеры. Лакшми боялась Хельга. Лакшми боялась даже девочки, которая ей помогала. И она страдала от этого страха, не знала, что с ним делать.

А в черных глазах второй девочки – упрямство. Упрямство, которое хуже, чем боль – потому что боль можно вытерпеть, но такую вот настойчивость души, которая рвется из тела, прямо требует, чтобы ее увидели, – нет, такого не выдержишь. Жилы будешь рвать, стремясь доказать что-то себе и окружающим, что-то очень важное; умрешь, но докажешь. Уж легче бояться, чем быть таким упертым.

«И что мне теперь делать?»

Однако девочка с льняными волосами уже сама начала действовать, не оставив ему выбора.

Альдис Суртсдоттир

Альдис выругалась про себя. Шанс добраться до выхода с покалеченной Лакшми и остаться «живой» был ничтожен.

– Ты ведь меня не бросишь? – забеспокоилась Лакшми, глядя на ее помрачневшее лицо.

– Не брошу, конечно. Но как это все не вовремя... Дай подумать секунду.

Лакшми покорно замолчала, глядя на Альдис снизу вверх своими огромными черными глазищами. Она была прехорошенькая – миниатюрная, изящная, с нежной смуглой кожей и шаловливым личиком, выглядывающим из растрепанных коротких кудряшек.

– Ты сможешь встать?

– Не знаю.

– Давай попробуем. Возьми меня за шею.

Альдис подхватила ее под мышки и попыталась приподнять. Лакшми честно старалась ей помочь, но попытка ступить на больную ногу вызвала у девушки долгий стон и новую порцию слез. Бхатка осела, опираясь на стену и поджав ногу.

– Больно.

– Надо сделать компресс. Я слышала журчание воды, где-то здесь должен быть родник. Посиди секунду, я сбегая, поищу его.

– Нет! – почти выкрикнула Лакшми, вцепившись в руку Альдис. – Не оставляй меня!

– Я ненадолго. – Альдис постаралась сказать это терпеливо и по возможности мягко. – Тебе нужен холодный компресс.

– Нет! Пожалуйста, не уходи. – В голосе южанки снова зазвенели слезы. – Пожалуйста...

Девушка отвернулась и постаралась унять подступающее раздражение. Лакшми не виновата, она напугана, ей больно и плохо...

Она даже не сразу поняла, что рядом появился кто-то третий. Альдис так отвлеклась на сокурсницу, что совсем перестала вслушиваться.

А между тем замерший у поворота незнакомец настороженно переводил взгляд с одной девчонки на другую.

Секунду спустя девушка узнала его. Это был тот самый мальчишка, что в драке на пирсе смог в одиночку справиться с двумя противниками. Тогда Альдис не запомнила его лица, но хорошо запомнила осанку и манеру двигаться.

Сейчас она смогла хорошенько рассмотреть его.

Незнакомец оказался выше Альдис на полголовы. Волосы его были жестче, чем у девушки, и чуть больше отливали в золото. Парень был красивым, но не смазливым, в его худощавом, чуть властном, породистом лице явственно проступали фамильные черты Горних Домов Запада. Легко поверить, что род незнакомца считался знатным еще во времена первых конунгов, а может, и того раньше.

Альдис демонстративно опустила руку на мешочек с шариками и выловила пальцами снаряд. Но мальчишка не нападал и, похоже, не был разведчиком чужой группы. Он шел один, и у него в руке была зажата карта.

Поняв, что незнакомец не собирается атаковать, девушка расслабилась. Если парень не полная свинья, то поможет ей донести Лакшми. А если свинья, то вполне заслуженно сейчас получит снаряд с краской между глаз.

– Ну, чего ты стоишь и смотришь? – обратилась она к сокурснику. – Не видишь, человеку плохо? Помоги мне поставить ее на ноги.

Парень настороженно попятился и насутился:

– Почему мне знать, что это не ловушка?

Альдис фыркнула. Всеотец, ну что за бестолочь!

– Да ты посмотри на ее ногу! Это уже не игры, это серьезно. Кажется, перелом. Она не дойдет до выхода сама.

Парень задумался, сощутив ярко-голубые глаза. Его рука, лежавшая на поясе, начала выбивать причудливый ритм. Казалось, он что-то напряженно просчитывал в уме.

– Послушай, где-то здесь недалеко должен быть ручей, я слышала журчание воды. Нам нужно наложить холодную повязку. Я вижу, у тебя есть карта. – Против ее воли в голосе Альдис прорезались умоляющие нотки, и она сама на себя за это разозлилась.

– Отдай мне свои шарики, – наконец ответил он.

– Что?!!

– Отдай мне свои шарики, и я помогу вам.

Рука девушки снова дернулась к мешочку. Всего три глиняных комочка и четвертый зажат в правой руке. Эфемерная защита, не более чем иллюзия. Но с ними было спокойней.

«Все равно я не успею заняться охотой».

– Хорошо, – согласилась она после некоторой внутренней борьбы. – Я отдам. Но ты поклянешься, что поможешь нам добраться к выходу. И не будешь использовать их против нас.

Парень усмехнулся и развел руками:

– Мне нет смысла использовать их. Они твои и принесут баллы только твоей группе. Но если отдашь их, тогда я помогу. – И, улыбнувшись, с какой-то печалью в голосе добавил: – А клятвам особо доверять не стоит.

– Я отдам, – сказала Альдис. – Но поклянись Всеотцом и конунгом.

– Сама посмотри, – терпеливо ответил сокурсник. – Все плюсы только тебе. Ты можешь пристрелить и меня, и ее, стоит мне только отвлечься...

– Я бы уже сделала это, если бы хотела.

– Тебе нужны лишь слова? Пустое сотрясение воздуха?

– Тебе нужны шарики, мне нужна клятва. Все честно. – Девушка уже начала сердиться, а вот парень как будто наслаждался бессмысленным спором.

– Чем мои слова, что я помогу вам, отличаются от таких же слов, в которых я добавлю слово «клянусь»? Мне кажется, что ничем. Ты отдашь шарики, а я помогу. Все честно.

– Если не отличаются, почему ты так не хочешь клясться?

– Потому что клятва – это слово, данное перед взором богов. А я не хочу тревожить богов по таким пустякам.

Альдис разозлилась не на шутку. Ей всегда претили такие игры. Только что парень сказал, что слова – пустое сотрясение воздуха, и вот уже они привлекают внимание богов.

– Хватит юлить!

– Я юлю? Я всего лишь пытаюсь тебе объяснить, что ты требуешь того, что не нужно в нашей ситуации.

– Мне нужно. Перестань искать отговорки, мы теряем время!

– Вот это ты понимаешь. А понять меня не хочешь.

Девушка с трудом сдержалась, чтобы не запустить шариком прямо в ухмыляющуюся рожу. На секунду ей показалось, что мальчишка издевается. Потом мелькнула тревожная мысль, что он просто тянет время, ожидая подкрепления. Этого допустить было нельзя.

– Я поняла, с тобой невозможно по-человечески разговаривать, – сказала она звенящим от ярости шепотом. – Наверное, если я тебя помечу, толку будет больше.

Парень напрягся:

– Тебе кажется, что так ты сможешь помочь ей?

– Думаю, разговорами я точно никому не помогу. Считаю до трех: раз, два...

– Ладно, ладно. Клянусь Всеотцом и конунгом, что помогу вам! – В голосе мальчишки проскальзывало с трудом сдерживаемое раздражение.

– И не применишь наши снаряды против нас.

– Ты что, дура? Я тебе повторяю: мне нет смысла их против вас использовать!

– Если нет смысла – клянись!

– Любишь бессмысленные клятвы? – со злостью спросил парень. – Ладно, наслаждайся: клянусь, что не буду использовать твои шарики против вас!

– И ее шарики тоже.

Сказав, это Альдис тут же мысленно себя выругала. По тому, как недобро улыбнулся сокурсник и как он перевел взгляд на Лакшми, стало понятно, что раньше ему даже в голову не приходило включать шарики бхатки в условия сделки. Возможно, до этого момента он вообще не рассматривал Лакшми как самостоятельное существо, представляющее хоть какой-то интерес.

«Я и правда дура, что заговорила об этом».

– Ладно. И ее.

Тут наконец подала голос молчавшая до этого Лакшми:

– А у меня нет шариков. Кончились.

Парень насупился:

– Вы меня за идиота держите?

– Правда нет – можешь посмотреть. – Южанка отцепила мешочек для боеприпасов и протянула его юноше.

Тот добросовестно ошупал его, вернул и мрачно уставился на Альдис:

– Ну?

Девушка с легким сожалением выкатила на ладонь оставшиеся снаряды.

– Возьми. Сделка заключена.

Он ссыпал все четыре шарика в свой мешок.

– Все?

– Да, у меня было только четыре. Теперь покажи карту.

Парень молча повиновался.

Толку от карты оказалось немного. Нет, Альдис умела читать ее, но была одна маленькая проблема...

– Ты хотя бы представляешь, где мы сейчас?

– Где-то здесь.

– Так... до родника совсем недалеко. – Альдис присела рядом с Лакшми и закинула ее руку себе на плечо. – Помоги мне.

Так же молча парень подставил плечо и полуобнял южанку. Опираясь на двоих проводимых и здоровую ногу, Лакшми запрыгала довольно резво. Временами она морщилась и постанывала от боли, но терпела и не ныла. Альдис была за это ей искренне благодарна.

– А я знаю – тебя ведь Хельгом зовут, – сказала Лакшми юноше. Тот в ответ промычал что-то невразумительное. – А меня Лакшми. А ее... – Она снова задумалась и немного растерянно спросила у Альдис: – Ой, а как тебя зовут?

– Альдис.

Хельг остановился:

– Вы что, даже не знаете, как друг друга зовут?

– Да, мы из разных групп.

Парень ничего не ответил, но посмотрел на Альдис как на полную идиотку. Однако Лакшми не бросил.

Они добрались до небольшого грота с искусно выложенной каменной чашей в центре. Чаша была полна кристально чистой холодной воды, тоненький ручеек стекал из нее по специальному желобу и уходил куда-то в щель между стенами.

Хельг помог девочке усадить южанку на край чаши и потребовал:

– Карту.

Получив обратно свою собственность, он сел рядом и уставился на план пещеры. Альдис склонилась над источником. Желтый свет фонаря ложился на водную гладь мерцающими бликами. Камни на дне чаши переливались всеми цветами радуги. Девушка сложила ладони «ковшиком» и зачерпнула полную горсть воды. Руки тут же заломило от холода. То, что нужно. Она с жадностью напилась и повернулась к Лакшми.

– Давай я буду придерживать тебя, а ты сунешь ногу в воду. Она холодная, но тебе это на пользу.

Южанка боязливо посмотрела на воду и кивнула. Альдис обхватила ее за талию. Хельг по-прежнему демонстративно не обращал на них внимания, уткнувшись в карту.

– Ай, холодно! – вскрикнула Лакшми и попыталась вытащить свою многострадальную ногу.

– Терпи.

– Но ведь холодно же!

– Подожди пару минут. Пусть отек хоть немного спадет.

Альдис совсем не была уверена, что делает все правильно, но ничего лучше в данной ситуации она придумать не смогла.

Сокурсница покорно побултыхала ногой в водоеме.

– Я ее уже не чувствую, – пожаловалась она через пару минут.

– Это хорошо. Думаю, можно вынимать. Хельг, помоги нам, пожалуйста.

Хельг оторвался от карты, подошел, приподнял пискнувшую от неожиданности Лакшми и усадил ее у края чаши. Все это он проделал в мрачном молчании, подчеркнуто отстраненно, как будто выполнял будничную и нудную работу. То ли парень был молчуном по натуре, то ли до сих пор дулся на Альдис за вырванную клятву.

– Теперь отвернись, – потребовала Альдис.

– Это еще зачем?

– Отвернись и не подсматривай.

– Было бы на что, – буркнул парень, но спорить не стал и отвернулся.

– Ой, что ты делаешь? – Лакшми изумленно уставилась на нее черными глазами.

– Компресс.

Девушка быстро скинула с себя куртку, стянула рубаху и надела куртку на голое тело. Ткань мундира неприятно царапнула кожу. Курсантка намочила рубаху, слегка отжала и повернулась к Лакшми:

– Давай сюда свою ногу!

Она обмотала холодную мокрую рубаху вокруг пострадавшей лодыжки, завязала на манер портянки, полюбовалась на свою работу. Получилось очень неплохо. Да что там скромничать – отличный компресс получился.

– Наложить бы шину. Но и так ничего. Можешь пошевелить ногой?

Лакшми попробовала.

– Немножко...

– Хорошо, тогда идем к выходу.

– Спасибо тебе. – Бхатка несмело улыбнулась, глядя на Альдис влюбленными глазами. – За то, что помогаешь. Ты такая умная и смелая.

«Вот йотунство!» Девушка почувствовала, что начинает краснеть. Она совершенно не привыкла к такому вниманию и никогда не слышала от сверстницы подобных слов. Проклятье, под наивным взглядом южанки ей становилось стыдно!

«Она же не знает...»

Чтобы скрыть смятение, пришлось отвернуться. Сокурсник все еще сидел к ним спиной, уставившись в карту.

– Хельг, мы закончили. Надо идти к выходу. Это далеко?

– Еще половина пути. – Хельг нахмурился. – И квадраты эти непонятные...

С ним произошла неожиданная метаморфоза. Он улыбнулся и сразу стал не таким уж противным.

– Давай я буду вести ее. Я же парень. Держи карту.

– Спасибо, – растерянно пробормотала Альдис.

Действительно, любой маршрут до выхода пролегал через один из двух десятков квадратов, выделенных на карте специальными символами.

– Нам их не обогнуть.

– Деваться некуда. – Хельг уже поставил Лакшми на ноги. – Нужно идти.

Компресс помог, бхатка перестала стонать от боли во время передвижения. Альдис даже начала надеяться, что у нее не перелом, а всего лишь сильное растяжение.

По пути им так никто и не встретился, не было слышно даже отдаленных криков. Остальные группы уже покинули этот участок лабиринта, и в пещере вновь царствовала тишина, прерываемая только редкими шорохами и потрескиванием фитилей в фонарях.

Когда узенький коридор внезапно расширился и вывел их в комнату, Альдис на секунду оторопела. Она с самого начала не ожидала от помеченных квадратиками участков ничего хорошего, но даже предположить не могла, что в лабиринте может встретиться нечто подобное.

Это был не грот и не пещера, а самая настоящая комната, только без окон и обстановки. Стены, пол и даже потолок в ней были выложены полированным камнем и расписаны различными сценками. Как замороженная, девушка сделала еще несколько шагов вперед и встала прямо перед огромным изображением орла.

– Ой, что это?!

– Йотунство!

Крики Хельга и Лакшми прозвучали почти одновременно. Альдис подпрыгнула и обернулась, чтобы увидеть, как каменная плита опускается и закрывает вход в комнату.

В пару прыжков девушка преодолела расстояние до противоположной стены, но сколько она ни стучала по камню и ни пыталась нажимать на все выступы или выемки, ничего не происходило.

Даже тон звука при простукивании стен почти не менялся: глухой и невыразительный, он словно тонул в каменной толще. Курсантка попробовала отыскать контур каменной плиты, но так и не смогла различить, какие из каменных блоков составляли стену, а какие принадлежали двери, настолько тщательно они были подогнаны. Везде серый и гладкий камень. Ни щелки, ни трещинки.

– Мы в ловушке, – объявила она, оборачиваясь к своим спутникам.

Бхатка снова разрыдалась, словно ждала именно этих слов как сигнала. Альдис раздраженно закатила глаза. Ей было жалко южанку – смешную, наивную, не приспособленную ни к пещере, ни к академии, но она терпеть не могла утешать кого-то.

Неожиданно здесь на помощь пришел Хельг. Он обхватил ревущую Лакшми руками за плечи, прижал к себе и дунул ей в лицо. Глаза у бхатки стали огромными и изумленными, от удивления она даже прекратила плакать.

– Ой, ты чего? – Южанка, забыв о своей покалеченной ноге, попыталась отодвинуться от юноши, но тот ей не позволил.

– Ты знаешь, мне тоже очень страшно, – тихо сказал Хельг. – Но я надеюсь, что вместе мы сможем победить наш страх.

Сокурсница зачарованно кивнула, глядя на Хельга снизу вверх, как до того на Альдис.

На секунду Альдис позавидовала умению Хельга управляться с рыдающими девчонками. Сама она могла бы пятнадцать минут распинаться о том, что ничего страшного не случилось, все живы и даже почти здоровы, реветь стыдно, посмотри на себя, хватит уже... ну и дальше в таком ключе. Она могла бы даже надавать Лакшми пощечин. Но вот так, двумя словами успокоить и ободрить, Альдис не умела.

Хельг все еще прижимал к себе девушку, которая совершенно позабыла о сопротивлении. Рядом с рослым сваном она казалась совсем миниатюрной – темные кудряшки на затылке южанки едва доставали до подбородка юноши. Парень погладил по ее щеке. Рот Лакшми приоткрылся, а лицо на секунду стало глупым-преглупым.

– Вы так и будете торчать тут до конца испытания? – Альдис постаралась смягчить свой тон, но слова все равно прозвучали сердито и резко.

– Ой! – Бхатка дернулась, как пугливый зверек, оперлась на больную ногу, потеряла равновесие, бестолково замахала руками и непременно шлепнулась бы на пол, если бы Хельг галантно не подхватил ее.

– Зачем ты так? – с укоришной спросил он, опуская Лакшми на пол и помогая ей вытянуть сломанную ногу.

Девушка слегка покраснела:

– Я только хотела напомнить, что мы тут заперты и надо что-то делать.

– Угу. – Хельг кивнул, подошел и встал рядом. – Думаю, дело в этих фресках. – Он выразительно кивнул в сторону опустившегося куска стены.

Рисунок на нем дополнил общую картину. Это было изображение Катаклизма. Альдис видела подобные картины в Книге Солнца, которую ей показывал отец Джавар, подробно растолковывая значение каждого рисунка.

Картина Катаклизма была строго разделена на три части, как того требовал канон. Справа налево шла святая история, повествующая о древних временах.

Первая часть изображала землю, леса, горы, реки, города и веселящихся людей. В небесах парили грифоны, в реках плескались русалки, по лесам бегали единороги. Время до Катаклизма, когда люди были беспечны и постоянно нарушали запреты богов. Недовольные этим боги парили над облаками и хмуро смотрели на землю.

На второй части был изображен сам Катаклизм. Земля расколота, и мертвецы поднимаются из Хельгарда. Города и леса охвачены огнем, огромный волк пожирает солнце, погружая мир во тьму. По краям мира поднимаются гигантские волны – это пробудился Мировой Змей Ёрмунганд, чтобы покарать людей за грехи.

На третьей части было показано время после Катаклизма. От огромного материка остались только крошечные островки, на которых ютились выжившие люди. Они сражались со злыми духами и друг с другом за право жить. Таким застал мир Всеотец, когда, вспоров брюхо Фенриру, добыл свое Небесное Око. На картине было изображено, как одним своим лучом он осушает море, чтобы дать людям больше пространства для жизни, а другим пронзает Мирового Змея.

– Хельг, а что здесь изображено? – спросила Лакшми, разглядывая соседнюю стену.

– А, это... – Голос Хельга был рассеянным, юноша явно о чем-то задумался. – Это Всеотец зачинает первого конунга.

– Зачинает?

– Ага. Знаешь, когда мужчина приходит к женщине, они раздеваются и... – Хельг запнулся. Кажется, он только сейчас понял, ЧТО говорит.

– Раздеваются – и? – заинтересовалась бхатка.

– Ну... и проводят... обряд... приносят жертву... и боги дарят им детей...

– А как они проводят обряд?

– Э... – Хельг покраснел как рак. – Танцуют там... целуются... разные вещи делают...

– Какие разные? – настойчиво спросила Лакшми.

– Песни поют... – убитым голосом сказал Хельг. – Напитки пьют...

Альдис приснула, но тут же закрыла рот ладонью.

– И за это боги дают детей? – продолжала допытываться Лакшми.

– Наверное...

– Глупость какая-то, – решительно сказала Лакшми. – По-моему, просить детей у богов надо по-другому.

– Вот и я так думаю, – неуверенно отозвался Хельг.

Альдис сползла по стенке. Она заткнула рот обеими руками, но смех все равно прорывался невнятными бульканьями. Только бы не заржать в голос или не сболтнуть что-нибудь лишнее! Объясняй потом Лакшми, откуда дети берутся.

– Очень смешно, – язвительно бросил Хельг в ее сторону и наградил Альдис мрачным взглядом, но от этого стало еще смешнее.

Наконец она сумела успокоиться, утерла выступившие слезы, поднялась и подошла к рисунку, который обсуждали Хельг и Лакшми. На нем была изображена Сольвейг Тороддсдоттир, дочь отважного конунга Тородда Сванссона. Всеотец избрал Сольвейг за чистоту души и храброе сердце для рождения своего сына – полубога-получеловека, который должен был вернуть на землю мир и спокойствие. Сольвейг стояла перед огромным окном в ночной рубашке со сложенными на груди руками. Ее фигуру ярко освещало солнце, несмотря на то, что на дворе была ночь. В льющемся из окна свете можно было различить схематичные фигуры «Дварфа» и «Стрелка» – Всеотец даровал своему будущему сыну турсы как залог его царствия на земле. С этого момента заканчивалась эпоха Смутного времени, ибо в мир пришел сын Бога-Солнца.

На противоположной стене был нарисован первый конунг Харальд Скаллаgrimссон, перед которым склонились брахманы и кшатрии юга, мудрецы и самураи востока, друиды и фении севера. Эту картину Альдис тоже видела в книге отца Джавара, она символизировала повиновение народов Архипелага Дому Солнца. Как сказал отец Джавар, первый конунг, объединивший Архипелаг в единое государство Мидгард, воплощал на картине сам конунгат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.